

ВИКТОР МАКСИМОВ

МАКОВСКИЙ ОСТРОГ -

400 ЛЕТ

**С НЕГО НАЧИНАЛАСЬ ИСТОРИЯ
ЕНИСЕЙСКА И КРАСНОЯРСКА**

Фрагмент карты Енисейского уезда из книги тобольского картографа, архитектора, историка С. У. Ремезова «Чертежная книга Сибири», 1701 г.

ВИКТОР МАКСИМОВ

МАКОВСКИЙ ОСТРОГ – 400 ЛЕТ

С НЕГО НАЧИНАЛАСЬ
ИСТОРИЯ ЕНИСЕЙСКА
И КРАСНОЯРСКА

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ

с. Маковское – г. Енисейск – г. Красноярск
2018 г.

***Посвящается 400-летнему юбилею
нашей малой родины –
Маковскому острогу и селу***

М 60 ВИКТОР МАКСИМОВ.

«Маковский острог – 400 лет. С него начиналась история Енисейска и Красноярска». – Красноярск: ООО РПБ «Амальгама», 2018 год, 336 стр.

В историко-краеведческом исследовании краеведа и родослова уроженца села Маковского Енисейского района Максимова Виктора Сергеевича рассказывается об основании Маковского острога и истории села Маковского с деревнями, приписанными к ним; о знаменитом на всю Сибирь сухопутном Маковском волоке; об их роли в освоении Сибири; о забытой истории Лосиноборского Преображенского монастыря на реке Кети; о маковских церквях и строительстве нынешней, уникальной деревянной Маковской Покровской церкви.

Автор сообщает о первопроходцах, основателях острогов и городов, воеводах, посланниках в Китай, учёных и экспедициях, побывавших в селе Маковском; о сословиях, людях, их фамилиях и судьбах; об известных уроженцах села Маковского, об аборигенах-кетах. Знакомит с материалами о печально известной «Маковке» – ссылке крестьян-тружеников, называемых в советское время «кулаками».

Книга написана по материалам старинной исторической литературы и подлинным документам 17–20 веков, найденным в архивах Москвы, Красноярска, Томска, Енисейска и Тобольска – древней столицы Сибири.

Приведён большой список использованной исторической литературы и архивных материалов.

Книга предназначена для широкого круга читателей, особенно тех, кто интересуется историей Красноярского края.

*Отзыв
на рукопись В. С. Максимова
«Маковский острог – 400 лет.
С него начиналась история
Енисейска и Красноярска».
Маковское, 2018.*

ИСТОРИЯ СЕЛА МАКОВСКОГО НЕ БУДЕТ ПРЕДАНА ЗАБВЕНИЮ

Новая книга краеведа и родослова, уроженца села Маковского Енисейского района, автора трёх краеведческих книг о Маковском Виктора Сергеевича Максимова – «Маковский острог – 400 лет. С него начиналась история Енисейска и Красноярска» – это исследование истории села Маковского, бывшего Маковского острога, основанного стрельцами Петра Албычева и Черкаса Рукина осенью 1618 года на реке Кети в месте стоянки остяков-кетов князька Намака.

Если первые книги автора имели строго ограниченную тематику (об истории острога, о Маковской Покровской церкви и Лосиноборском Преображенском монастыре, о родословии всех маковских фамилий), то в этом произведении описана обобщённая 400-летняя история села – вначале Маковского зимовья, острожка и острога.

Жанр произведения можно по праву считать историко-краеведческим исследованием, а из его названия сразу становится понятна основная тема произведения.

Исследование охватывает временной промежуток с момента основания острога и до наших дней, то есть четыре века сибирской истории.

Это первая полная история Маковского, до этого в печати и в сети появлялись только небольшие, не очень достоверные публикации самодеятельных исследователей, современных путешественников и журналистов.

В книге показана роль Маковского острога и Маковского волока в деле основания городов Енисейска и Красноярска, освоении, присоединении и колонизации всей Восточной Сибири. Недаром Маковский острог, основанный раньше на один год Енисейска и на десять лет Красноярска, называют «старшим братом Енисейска», а вместе с Маковским волоком и «пуповиной» всей Сибири.

Правильно считается, что Маковский острог вместе с Маковским волоком – это культурно-историческое наследие не только Красноярского края, Сибири, но и всей России.

Автором исследовано и обобщено огромное количество материалов из многочисленных старинных книг, найдено много до сих пор неизвестных исследователям и поэтому нигде не изданных архивных документов XVII–XVIII веков. Настоящим открытием можно считать, например, найденное в Российском государственном архиве древних актов описание Маковского острога 1666 года.

О масштабах проделанной работы при написании книги можно судить по списку использованной дореволюционной литературы и архивных документов, который занимает восемь страниц.

Тема произведения актуальна, тем более, что в 2019 году будет отмечаться и 400-летний юбилей города Енисейска, а Маковский острог с Енисейском всегда связывали одни цели – снабжение и людскими, и материальными ресурсами всей Восточной Сибири, они были основными звеньями водно-сухопутного Великого Сибирского пути, так как занимали на нём ключевое положение.

Интересен и своеобразен простой язык повествования и построения фраз, несколько отличающийся от общепринятых в литературе, но это несколько не умаляет достоинств книги.

Содержание книги интересно и достоверно не только с краеведческой, но и исторической точки зрения.

К недостаткам можно отнести лишь слишком подробное описание некоторых глав и малое количество иллюстраций.

Рукопись В. С. Максимова, исходя из её исторической значимости и актуальности, рекомендую к изданию в открытой печати. Она займет достойное место среди краеведческой литературы в библиотеках Красноярского края, будет интересна для широкого круга читателей, всех тех, кто интересуется историей края.

 27.10.2018

*Геннадий Быконя, профессор кафедры
отечественной истории Красноярского
государственного педагогического
университета им. В.П. Астафьева,
доктор исторических наук, профессор.*

ПАТРИОТ И ЛЕТОПИСЕЦ СТАРИННОГО СЕЛА

Как всем известно, село Маковское – бывший Маковский острог – одно из первых населённых мест нынешнего Красноярского края. В 2018 году у него Юбилей – исполняется 400 лет.

Маковский острог вместе с Маковским волоком около полутора веков занимал ключевую позицию в освоении просторов Восточной Сибири и в истории Сибири роль его значительна.

До последнего времени история Маковского острога и села никем не изучалась и большинству из нас была неизвестна.

И вот среди наших земляков несколько лет назад нашёлся истинный патриот родного села, который решил написать его многовековую историю, а по существу летопись. Это Виктор Максимов.

Изучив множество старинной литературы и горы архивных документов, касающихся истории села, он написал и издал небольшими тиражами три краеведческо-родословных исследования о своей малой Родине – селе Маковском.

2013 год – «Маковская сторона», об истории и жизни Маковского острога и села. В этой книге впервые подробно описана их история.

2014 год – «Маковская сторона. Православие», об истории Маковской Покровской церкви и Лосиноборского Преображенского монастыря. Здесь описана и история строительства нынешней церкви, освящённой 12 июля по старому стилю 1864 года. Из этой книги я узнал, что ответственным за строительство этого Памятника культурного наследия был мой прапрадед маковский крестьянин Игнатий Васильевич Сапожников. Известна нам стала и ранее нигде не публиковавшаяся история Лосиноборского монастыря.

2016 год – «Маковская сторона. Родословная летопись». Книга содержит информацию обо всём старожильческом населении с. Маковского и его деревень с середины 17 века и до 1939 года. Каждый потомок старожилов сможет составить с помощью материалов этой книги своё Родословное древо.

Собиратель истории старинных маковских мест не остановился на этом и продолжил свои исследования. Переработав и дополнив новыми материалами предыдущие книги, автор подготовил для библиотек края новую книгу, которую и представляет на суд читателей. Она, как и все предыдущие исследования, снова уводит читателей в глубину веков.

Ещё большую значимость книгам Виктора Максимова придаёт то, что их написал не проезжий путешественник или журналист, а коренной житель сибирской глубинки из старожильческого населения села Маковского.

После прочтения этих книг во мне укрепилась уверенность, что 400-летняя история нашего таёжного села Маковского, благодаря патриоту и летописцу Виктору Максиму, не будет забыта.

Эту книгу смогут прочитать в библиотеках жители всех районов Красноярского края, и, может быть, она сподвигнет и других краеведов на написание истории своей малой Родины.

*Геннадий Сапожников,
доктор наук, советник
председателя Сибирского отделения
Российской академии наук*

МАКОВСКОЕ

Маковское – вот оно какое,
Древнее сибирское село.
По-над Кетью, плавною рекою,
Словно чайка стала на крыло.
Медленно катящиеся воды,
Всплески струй, как песня бубенцов...
Тут вели когда-то воеводы
На восток нахмуренных стрельцов.
Маковское – хвойная округа,
Сосен нерушимое родство...
Ты прими, прими меня, как друга,
Искреннего друга своего.

*Игнатий Рождественский,
1968 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

*«История предков
всегда любопытна
для того, кто достоин
иметь Отечество».*

**Историк
Н. М. Карамзин**

В исследованиях наших современников – и учёных, и краеведов история Маковского острога, его роль и значение в освоении Сибири и развитии городов Енисейска и Красноярска практически не изучена, не освещена и недооценена. По крайней мере, мне не встретилось ни одного опубликованного полного исследования истории нашего села.

Маковский острог вместе с Маковским волоком – это культурно-историческое наследие не только Красноярского края, Сибири, но и всей России. Ведь именно, через Маковский острог, служивший в течение почти полутора веков единственной перевалочной пристанью для продвижения на восток, и знаменитый на всю Сибирь трудный Маковский волок шло освоение и обеспечение жизнедеятельности всей необъятной Восточной Сибири.

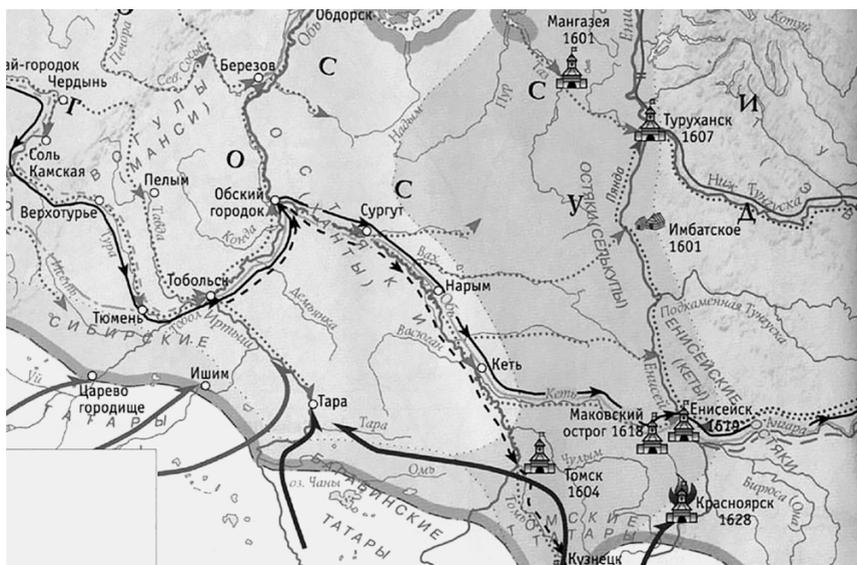
В этой книге, используя только достоверные исторические источники, я попытался устранить пробелы в оценке роли Маковского острога и села в истории Енисейска, Красноярска и всей Восточной Сибири.

Основной сухопутный путь из Европейской России в Сибирь в начале XVII века начинался от Соли Камской (ныне г. Соликамск Пермского края), переваливал через Уральские горы, проходил до Верхотурья на реке Туре по Бабиновской дороге, названной по имени соликамского посадского человека Артемия Бабинова, открывшего её в 1597 году.

Далее продвигались уже по рекам бассейна Оби: Тура – Тобол – Иртыш – Обь и Кетью до Маковского острога. Затем сухопутный Маковский волок на Енисей – Енисеем в Ангару – озеро Байкал – Селенга – волок в бассейн Амура – и вот он Тихий океан! Сибирь пройдена! Затрачивалось на это два, а то и три года неимоверного человеческого труда.

Всё вместе это было широтной магистралью всей Сибири, и Маковский острог с Маковским волоком занимали на Великом Сибирском пути ключевое положение.

Весь путь от Соликамска до Ангары показан на фрагменте современной карты Сибири с указанием путей передвижения в XVII веке и дат основания большинства сибирских городов и острогов.

Основную нагрузку в деле освоения, присоединения и колонизации Сибири, как всем известно, имели служилые люди, на долю которых пришлось все тяготы суровой сибирской жизни.

В современной исторической и официальной литературе всех служилых людей начала XVII века

принято называть казаками, хотя из «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера известно, что Маковский и Енисейский остроги основали стрельцы, основателей Красноярского острога он называет служилыми людьми, но не казаками.

Вот и на памятнике основателям г. Енисейска (а равно и Маковского острога) стрельцы Петра Албычева и Черкаса Рукина безосновательно названы казаками.

Считаю нужным обратить внимание читателей и на разные ошибки и неверные утверждения малокомпетентных исследователей, обнаруженные в различных публикациях XXI века, которые искажают историю нашего села и Енисейского уезда.

На официальном портале автор небольшой статьи утверждает, что Маковский острог построен на месте стоянки хана Мамаёя боярином Петром Албычевым. Автор перескочила через века и превратила из-за своей исторической безграмотности мелкого остяцкого князька Намака в могущественного властелина хана Мамаёя, а не очень высокую воинскую должность «сын боярский» в боярина (Это, что служилый мансийский князёк Пётр Албычев был боярином?), утверждая при этом, что у неё на это есть неопровержимые доказательства.

Эта же автор, увидев на одной старинной карте между селом Маковском и Енисейском две неизвестно кем и когда нарисованные чёрточки, утверждает, что по этому пути проложен канал.

На другом сайте называют Енисейск вместо Красноярска первой столицей Енисейской губернии, а миролюбивого остяцкого князька Намака воинственным тунгусским князьком.

Известный в Красноярском крае журналист в книге пишет, что в 1619–1620 годах при строительстве Енисейского острога «стучали топоры и шуршали пилы» и это при том, что первые пилы завезены в Россию только

спустя век Петром Первым, а доски – «тёс» до середины XVIII века изготавливались с помощью клиньев и топоров. Он же объясняет название Маковского острога тем, что маковку церкви видно было с Кети за один-два дня пути. И это в тайге на расстоянии 15–30 вёрст? Много у него в книге и других нелепостей о нашем селе.

Некоторые авторы могут превратить село Верхне-Подгородное (нынешнее Верхнепашино) в деревню Подгорную; маленькую деревню Рыбную на Маковском волоке в село, а место расположения этой деревни в Акулинину гору; последнюю жительницу деревни Рыбной Акулину Тимофеевну Бармину во вдову и колдунью; землянку-ледник для покойников на маковском кладбище в выход мифического подземного хода из острога.

В разных публикациях встречается и выдаётся за истину придуманная писателем А. Бондаренко красивая легенда о Маковской сосне – символе села Маковского, якобы об её 400-летнем возрасте и что её повредила нога одного из основателей острога. Судя по диаметру ствола и существующей научной методике определения возраста деревьев ей не более 250 лет.

Встречаются публикации о том, что историк Г.Ф. Миллер – автор «Истории Сибири» был в Маковском остроге в 1730-х годах, хотя он сам пишет, что на Кети не был, а проехал в Енисейск и обратно через Томск; об основателе Красноярского острога Дубенском, якобы, жившем в Маковском остроге; о будто бы сохранившихся в с. Маковском преданиях об идеологе старообрядчества протопопе Аввакуме; о легендарной «златокипящей» Мангазее, расположенной почему-то на Енисее; об образовании термина «волок» от волокуш, на которых, по мнению авторов публикаций, перевозились грузы, забывая, что «волокчи» – это, первоначально, перетаскивать груз на себе, да и не было в Маковском и в Енисейском острогах в первоначальные годы лошадей для перевозок грузов на волокушах.

«Промышленников» – охотников превращают вдруг во владельцев производственных предприятий и пишут о мощном развитии промышленности в Енисейском уезде уже в XVII веке.

Найденные археологами в Маковском три серебряные монетки-чешуйки становятся вдруг двумя кладами. И что мне тоже считать кладом подаренную дедом серебряную монетку времён царя Михаила Фёдоровича?

Имеется много надуманных документально неподтверждённых публикаций о водном пути Маковского волока. Авторы пользуются одним документом, опубликованном Г.Ф. Миллером в его «Истории Сибири», в котором сообщается о пути, использованном в 1617 году разведчиками Кетского острога, посланными в Качинскую землицу, да одной невнятной фразой царского посланника в Китай Н.Г. Спафария из описания 1675 года. Других сообщений XVII века о водном пути волока попросту нет. Во всех найденных мною документах речь идёт только о сухопутном волоке. Соглашусь, что только в доострожный период служилые люди использовали мелкие таёжные речушки водораздела – притоки Кети и Кеми для продвижения на Енисей в маленьких долблёных лодках.

Есть и придуманные нашими современниками перетаскивания или перекатывания тяжелых речных многотонных судов, построенных топорами из толстых досок-тёса, скреплённых ивовыми прутьями или еловыми корнями, и, частично, укреплённых шкантами, скобами и гвоздями, с Кети в бассейн Енисея. Они на воде-то выдерживали всего две-три навигации, а уж на суше вряд ли выдержали бы перетаскивания даже на несколько вёрст.

Почему-то большинство исследователей и историков – сторонников экзотических путей волока не принимают во внимание описание Г.Ф. Миллером построения Маковского острога. В «Истории Сибири» он пишет: «Когда Пётр Албычев и Черкас Рукин прибыли в то место на

реке Кети, где обычно оставляют суда и продолжают далее путь волоком...». Эти слова историка отрицают всяческие перетаскивания и перекатывания судов с Кети в бассейн Енисея. Следует отметить, что на Кеми (нынешнее село Плотбище) с давних времён существовало плотбище-верфь по постройке судов для передвижения по рекам бассейна Енисея.

Сотрудники Лесосибирского пединститута в учебном пособии «Социализация учащихся в условиях северного региона» утверждают, что Маковский острог построен весной 1618 года. Как это могло произойти, если путь от Тобольска до места стоянки остяцкого князька Намака по свидетельству «Описи сибирским городам и острогам» 1640 года занимал четыре месяца и стрельцы прибыли к месту стоянки князька Намака только осенью 1618 года?

Самое плохое в таких, ничем не обоснованных публикациях, то, что эти выдумки принимаются за истину и начинают использоваться и тиражироваться другими авторами и особенно детьми.

Я не писатель способный сочинить лишь на основании одного абзаца из «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера многостраничное художественное произведение, и не журналист, пользующийся непроверенными надуманными сведениями, а исследователь, краевед и родослов, установивший для себя правило в своих исследованиях максимально объективно и достоверно, только на основании старинных документов, освещать события, не подтасовывать факты, не высказывать необоснованные догадки и фантазии, не делать скоропалительных выводов.

Все эти принципы и использованы мною при написании краеведческо-исторических исследований о селе Маковском.

Село Маковское – бывший Маковский острог – моя малая Родина – одно из первых населённых мест на территории нынешнего Красноярского края. Раньше

него основаны только Ярцевское (1605 г.) и Туруханское (1607 г.) зимовья.

Однако эти населённые пункты в деле освоения Сибири никогда не имели такого значения как Маковский острог с его Маковским волоком, так как они расположены в стороне от основных путей продвижения на восток.

Малая Родина! Какое большое значение в жизни человека имеют два этих слова! Для кого-то это огромный город с его площадями, проспектами, скверами и театрами, для других – маленький провинциальный городок, посёлок или деревня, а для нас это – старинное таёжное село Маковское, а в старые времена – зимовье, острожек, острог. Не все, родившиеся в нашем селе, одинаково любят его. Эту любовь надо было впитать ещё в детстве с рассказов родителей, стариков и учителей.

В 4-м классе начальной школы учитель принёс на урок истории небольшую книжку (к сожалению, не помню её названия), в которой рассказывалось об основании Маковского и Енисейского острогов, о Маковском волоке. Так я впервые узнал об истории своей малой Родины и в течение всей жизни гордился и горжусь тем, из каких исторически значимых мест происхожу.

Давно живу в Тюмени, поэтому в местных библиотеках и архивах найти материалы о нашем селе, практически, невозможно. Моя мама, проработавшая в Маковском сельсовете 25 лет, много рассказала о жизни села, но старинную историю, конечно, не знала. Больше десяти лет назад на большом листе мы с ней расписали наши родственные связи, на этом всё и остановилось.

И только в октябре 2011 года, после выхода на пенсию, я основательно занялся историей и родословием маковских мест.

Первое время бессистемно искал в Интернете любую информацию о Маковском остроге и селе, ближних

деревнях и по крупицам пополнял свои знания, но чем больше узнавал о нём, тем больше приходила уверенность, что очень многие непрофессиональные историки и исследователи своими домыслами искажают правду. Таким образом, накопив много интересных материалов, и поощряемый родственниками, я решился на написание краеведческо-родословного исследования, в котором попытался на основании старинных документов объективно и достоверно осветить историю родных мест и родословные отношения.

Я не профессиональный историк и не филолог, и потому мои исследования не являются глубоконаучными работами, хотя, при их написании использованы только исторические материалы, изданные в дореволюционное время, что-то взято и из современных лишь заслуживающих полного доверия источников.

Основательно просмотрены «Акты исторические» и «Дополнения к Актам историческим» (по несколько многостраничных томов), изданные Археографической комиссией в конце XIX века, «Обозрение столбцов и книг Сибирского Приказа» Н.Н. Оглоблина в четырёх частях, «История Сибири» Г.Ф. Миллера, более десятка ежегодных Памятных книжек Енисейской губернии второй половины XIX – начала XX веков и много другой исторической литературы. Дважды по несколько дней довелось поработать в Тобольском архиве, который имеет обширные материалы по истории Тобольской епархии, в которую до 1820-х годов входило Енисейское духовное правление, изучено много отсканированных материалов, выложенных на сайте этого архива в электронном виде.

В делах архива удалось найти материалы о Лосиноборском Спасо-Преображенском монастыре и Маковской Покровской церкви, которые ранее никем не публиковались.

Из Томского архива получены подробные материалы о строительстве нынешней Маковской Покровской церкви.

Найдено много материалов по истории села Маковского в Енисейском районном архиве, Государственном архиве Красноярского края.

Особенно интересно было поработать с материалами о Маковском остроге второй половины XVII – первой половины XVIII веков в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве, почитать подлинники документов, написанных старославянской скорописью (пришлось предварительно по учебнику изучать и её).

Большую работу по родословным делам проделала наша двоюродная сестра Максимова Антонина Ивановна в Енисейских городском и районном архивах. Моя мама Максимова Екатерина Васильевна очень помогла разобраться в хитросплетениях родственных отношений. Во многих аспектах жизни наших односельчан помогли разобраться мой дядя Максимов Василий Васильевич и дальний родственник Панов Андрей Иннокентьевич. На первоначальном этапе исследования дал направление поиска и предоставил некоторые материалы мой племянник кандидат исторических наук – в то время директор Лесосибирского музея Максимов Сергей Владимирович.

И, конечно, большую помощь оказала моя семья. Жена Лидия Алексеевна – историк по образованию консультировала по истории, редактировала и поддерживала морально и советами. Дочь Лариса корректировала текст, помогала разбираться в компьютерных премудростях, зять Вячеслав Николаевич Сныховский занимался компьютерной графикой, старшая внучка Валерия (в то время ещё только студентка университета) ликвидировала мою полную компьютерную безграмотность и помогала в составлении макета книги, ну, а младшая – гимназистка Арина, рассказывала всем, что её дедушка о Маковском знает всё, и только о нём и говорит.

Таким образом, эта книга, как и все предыдущие, представляет собой коллективный труд нашей семьи и родственников.

Как отмечено выше, я не имею специального исторического или филологического образования, а всего лишь краевед и родослов, поэтому не исключаю непреднамеренного возникновения некоторых мелких неточностей и ошибок и заранее прошу не судить меня за них строго.

Приведу слова нашего древнего летописца, взятые мною у Фаддея Булгарина: «**Отцы и братья, аще же где описах, не дописах, или переписах, чтите, исправляя бога для, а не кляните**».

ОСНОВАНИЕ МАКОВСКОГО ОСТРОГА. ТАК НАЧИНАЛАСЬ ИСТОРИЯ ЕНИСЕЙСКА И КРАСНОЯРСКА

*Сторона ль ты моя, сторонушка,
Сторона ты моя незнакомая!
Что не сам я на тебя зашёл.
Занесло меня, добра молодца,
Что неволюшка стрелецкая,
Грозна служба государева
На чужой дальней сторонушка.
Русская народная песня*

В конце XVI – начале XVII веков российская казна изрядно опустела. Смуты, бесконечная череда правителей, войны – всё это не способствовало росту доходов государства. Присоединённые в конце XVI века сибирские земли от Урала до Оби и Томска уже не могли увеличивать поступление в казну ясака в виде мехов – «мягкой рухляди». В первые годы царствования Михаила Фёдоровича (1613–1645 гг.) – первого царя из династии Романовых, возникла острая необходимость в отыскании и присоединении новых, богатых пушшиной земель, а неосвоенными оставались только земли за Обью и Енисеем.

Уже тогда, за сто лет до рождения великого Михаила Васильевича Ломоносова, царь понимал, что российское могущество прирастать будет Сибирью.

Тобольскому воеводе князю И.С. Куракину был дан наказ о приискании новых «землиц» на Енисее и Верхней Тунгуске (Ангаре).

Летом 1617 года двое служилых людей и один промышленник были посланы из Тобольска, чтобы описать обстоятельно все удобства и неудобства дороги на Енисей и далее до земли тунгусов. Воеводе Кетского острога было приказано также расспросить тамошних служилых людей, знающих места по реке Енисею, о путях туда и отписать о них в Тобольск.

Г.Ф. Миллер в своей «Истории Сибири» приводит текст «отписки» (ответа) Кетского воеводы Чеботая Челищева, который ссылается на расспросы кетских служилых людей Луки Донского и Артемия Родюкова, которые бывали на Енисее: «шли из Кецкого острогу до князца Намака в зырянских каюках налегке полтретью недели» (т.е. две с половиной), «против Намака с Кети реки на волок, до Тыи реки, пешему человеку нести на себе 2 пуда, итить 2 дни, а зимним путём на нартах итить два же дни, и на Тыи делати струги или зырянские каюки страдные, и от тово волоку от Тыи Тыею речкою на большую реку Кемь пол днища (т. е. полдня), (а рекою Кемью) плыти на Енисею день, и выплыв на Енисею, по Енисею вверх до Тунгуски реки не оплошно итить день ходу». Эта отписка составлена не ранее 3 июля 1617 года.

Существовала ли эта отписка Г.Ф. Миллера достоверно неизвестно, но ни в «Актах исторических», ни в «Дополнениях к Актам историческим», ни в «Обзрении столбцов и книг Сибирского Приказа» Н.Н. Оглоблина она не упоминается.

Если основываться на версии Миллера, то, вероятно, Тобольский воевода сразу сообщил эти сведения в Москву, после чего последовал наказ о строительстве острога на Верхней Тунгуске.

В книге «Енисейский острог. Очерки из истории города и уезда» профессор А.А. Бродников приводит отписку в Москву пелымских воевод И.Я. Вельяминова и Г.Н. Орлова о посылке в Тобольск детей боярских и стрельцов «для государевой службы в Тунгусах»

и о выдаче им жалования. Вместе с сыном боярским (так называлась начальственная должность у служилых людей) Петром Албычевым посланы стрельцы: Терёшка Михайлов, Алёшка Юрьев, Семейка Ерославцев, Дружинка Усолец, Васька Андреев, Ондрюшка Иванов, Савка Денисов и Тренька Овдокимов. Все они и были в числе других строителями и первыми зимовщиками Маковского острога или зимовья. Среди стрельцов под командованием Черкаса Рукина были и 20 кодских остяков-ханты с Оби (кодское княжество располагалось на территории Октябрьского района нынешнего Ханты-Мансийского автономного округа), посланных по распоряжению из Тобольска в «тунгусь» ставить острог. Был среди стрельцов и подьячий Максим Перфильев (Перфирьев) – известный впоследствии атаман, первооткрыватель земель и строитель острогов.

Вот как великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин, составляя заметки при чтении «Описания земли Камчатки» учёного-исследователя Камчатки С.П. Крашенинникова, писал о подвиге русского народа при освоении Сибири: «Вызывались смельчаки, сквозь невероятные препятствия и опасности устремившиеся посреди враждебных племён, приводили их под высокую царскую руку, налагали на них ясак и бесстрашно селились между ними в своих жалких острожках».

Это в полной мере относится и к основателям Маковского, Енисейского и Красноярского острогов.

И весной 1618 года экспедиция была снаряжена и отправлена в столь дальний путь. То ли поздно отправились в путь из-за долгих сборов, то ли незнакомая большинству река Кеть преподнесла много сюрпризов, но до стоянки остяцкого князца Намака добрались только к осени. Да ещё немирные аборигены беспокоили и не хотели пропускать русское служилое воинство в свои земли, вот и пришлось строить незапланированный острог, который сначала назывался Намаковским, затем Намацким, Магыцким, Макутским,

Макуцким, Макоцким и только немного позднее стал именоваться Маковским.

Вот как описывает Г.Ф. Миллер в «Истории Сибири» построение Маковского острога: «Когда Пётр Албычев и Черкас Рукин со своими людьми прибыли в то место на реке Кети, где обычно оставляют суда и продолжают далее путь к Енисею волоком, им пришлось принять во внимание, что здесь, может быть, придётся оставаться некоторое время до тех пор, пока не будет приготовлено всё необходимое для выполнения их задачи на реке Енисее. Суда и судовые припасы, а также и часть привезённых ими хлебных запасов нельзя было оставить там без всякого присмотра и охраны, а, следовательно, было необходимо известным образом укрепить место их пребывания и обезопасить его от неприятельских нападений. В этом-то заключалась причина и непосредственный повод постройки Маковского острога, который был основан не по приказу из Москвы, а просто по усмотрению строителей Енисейска. Албычев и Рукин оставались в Маковском остроге до июня 1619 г.».

Без согласования с Москвой остроги основывались очень редко, поэтому незапланированный Маковский острог построен без утверждённых свыше чертежей и сметы расходов.

И кто бы мог подумать, что этот, построенный вначале как зимовье стрельцов (не зимовье охотников, а зимовье – место зимовки служилых людей), острог почти на полтора столетия станет основной и стратегически важной перевалочной пристанью пути на восток, ведь через него переправлялось абсолютно всё: грузы, почта, войска, переселенцы и ссыльные. Ехали служилые люди и воеводы, разные экспедиции и посольства, миссионеры и купцы. Если бы он не был построен в 1618 году, то его просто вынуждены были бы построить в начале волока, как перевалочную пристань, сразу после основания Енисейского острога.

Маковский острог вместе с Маковским волоком по меткому выражению лесосибирца Сергея Дубовского был «пуповиной» всей Восточной Сибири.

Вероятно, вначале это был простейший, хотя и не маленький острог – с десятков домов-зимовий для зимовки 150 служилых людей, поставленных по периметру, с общим тыном, образующими небольшой закрытый двор. Место для становления зимовья-ostroга было выбрано очень удачно. Рельеф местности (на вершине холма у реки) и сосновый бор позволяли обойтись минимумом затрат и времени при возведении домов, тына и башни. Замечательный обзор вниз и вверх по реке помогал своевременно заметить приближение людей и при необходимости заблаговременно подготовиться к обороне.

Перезимовав в остроге и выдержав весной осаду тунгусов, которых остановили частокол и ружейная стрельба, служилые люди отправились на Енисей, где летом 1619 года поставили новый острог, который вначале именовался Тунгусским, Кузнецким и только потом Енисейским.

В труде «Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера», изданном Сибирским хронографом, основание Енисейского острога описывается так: «Первое основание города Енисейска как главного пункта Енисейского уезда произошло в 7126 г. по греческому летоисчислению от сотворения мира, или в 1618 г. от Рождества Христова. Для этого были отправлены из Тобольска сын боярский из Пельма и сотник над стрельцами в Тобольске Пётр Олбычев и черкасец Василий Рукин со 150 стрельцами, которые выбрали к тому место на западном берегу Енисея». Разночтения в дате основания Енисейска происходят от того, что год начинался в те времена с 1 сентября. Боярский сын Олбычев и Албычев – это один и тот же человек, такое двойное написание встречается у Г.Ф. Миллера, так же, как и Рукин – то он черкасец (национальность),

то уже имеет имя Черкас. Пётр Албычев происходил из пелымских служилых мансийских князьков.

Ещё раньше Г.Ф. Миллера в летописи XVII – начала XVIII веков сибирский летописец указывает: «В 7126 (1618) году посланы из Тобольска Пелымского города сын боярский Пётр Албычев, да сотник стрелецкий Черкас Рукин, а с ними служилые люди; и велено им на Енисее поставить новый Енисейский острог, и до указу им тамо быть и Государев ясак собирать, и их велено переменить, на их место посланы были из Тобольска дети боярские; и во 130 году, в новой Енисейской острог послан воевода с Москвы, Яков Игнатьев сын Хрипунов». Следует отметить, что Я. И. Хрипунов был первым Енисейским воеводой.

Необходимо пояснить, что в России до 1 января 1700 года применялось византийское или греческое летоисчисление, которое велось от «сотворения мира», якобы произошедшего за 5508 лет до «рождества Христова». Например: в документах указан 7177 год (а часто пишут просто 177 г.), для перехода на юлианский календарь необходимо отнять число 5508 и получаем 1669 год от «рождества Христова». Однако следует иметь в виду, что год до петровской реформы 1700 года начинался 1 сентября, поэтому в промежутке между 1 января и 1 сентября разница с летоисчислением от «рождества Христова» составляет 5508 лет, а с 1 сентября по 31 декабря 5509 лет. В связи с введением нового календаря 7207 (1699) год в России длился всего четыре месяца, с 1 сентября до 31 декабря. С 26 января 1918 года мы живём по григорианскому календарю, который отличается от юлианского на 13 дней.

Маковский острог, как мы привыкли его называть, в те времена именовался зимовьем и острожком, по-видимому, из-за своих небольших размеров и отсутствия оборонительных функций. Хотя, как и всякий острог, он должен был иметь на случай осады немирных соседей тын с проезжей башней или воро-

тами, дом приказчика с канцелярией, аманатскую избу (помещение для заложников – остятских князьков или их ближайших родственников, благодаря чему обеспечивался полный и своевременный сбор ясака), церковь, казённые амбары, земляные погреба для хранения пороха и свинца, загоны для скота, баню, кузницу, жилые помещения для служилых людей-годовальщиков. Жилые дома обычно располагались вне стен острога.

Первые дома – десять зимовий за пределами острога построили осенью 1627 года зазимовавшие в Маковском остроге служилые люди Андрея Ануфриевича Дубенского, следовавшие на Красный Яр для становления там острога.

ОПИСАНИЯ ОСТРОГА И СЕЛА В ДОКУМЕНТАХ XVII–XIX ВЕКОВ

Самое раннее описание Маковского острога найдено в деле Российского архива древних актов (РГАДА) 1666 года «Книга Енисейского острога о числе сделанных в новом остроге всяких строений». Но это не тот первый острог, поставленный стрельцами Албычева и Рукина осенью 1618 года. Он построен атаманом Иваном Колесниковым около 1666 года и при его строительстве уже учтён опыт сооружения других сибирских острогов.

Новый Маковский острог имел тын из заострённых брёвен, по углам острога вместо башен сделаны «вывода» – выдвинутые и закруглённые в виде башен тыновые стены, одна проезжая башня высотой около десяти метров, шесть государевых амбаров, вокруг острога сделаны двойные надолбы и засеки.

Описан этот острог и в архивных делах 1691 и 1703 годов.

Подробное описание острога приведено в главе «Постройки» этой книги.

Российский посланник в Китай Н.Г. Спафарий, путешествуя по Кети в 1675 году, написал в своем дневнике: «В Маковский острог приехали 7 июля...Маковский острог стоит на красном (то есть на красивом) месте, на Кете на яру, левой стороне, а во острогу церковь, а дворов с двадцать, и тут дощаников и каюков зело много разбитых и целых, потому что здесь пристанище великое государевым людям ..., а с полверсты от острогу есть слобода торговых людей, и тут анбаров множество построено для ради того, что торговые товары свои тут кладут и после того ходят через волок». Фактически

острог стоял на правом берегу Кети, но Спафарий все описывает наоборот, не по течению реки, а по ходу своего плавания – «идучи вверх по реке», так было принято в то время.

Шотландец на русской службе Джон Белл в книге «Сибирь в описаниях европейцев XVIII в.» пишет: «О пребывании шведских военнопленных в Сибири часто упоминается в исторических памятниках первой четверти XVIII века. Так, например, в опубликованном Миллером дневнике китайского посольства, отправленного в 1712 году из Пекина к Аюке-хану и следовавшего через Сибирь в кочевье Аюки близ Царицына, указывается, что в Маковском остроге члены посольства были любезно встречены и одарены шведским генералом Канифером (адъютантом короля Карла XII), который вместе с многими другими офицерами его нации здесь живет в плену». Позднее генерал Канифер умер в Илимске.

А вот как сам китайский посол Ту-Ли-Чэнь описывает встречу в Маковском с Канифером: «В то самое время, как мы стоя на берегу реки Кети ожидали приготовления судов и съестных припасов, приежжал к нам Илимский градоначальник Лафариньте (Лаврентий) да Сгянской (т. е. европейский) пленной генерал именем Янар (Мартин Канифер, Генерал Адъютант Короля Шведскаго, который взят в плен в 1708 году при Днепре) для посещения нас, и они осмотрев наша платье и прочие вещи, удивлялись пребезмерно, и кланяясь нам неоднократно, потчивали нас своим вином и пивом, и потом оставя нас уехали».

И далее описывает Маковский острог: «Макоско (Маковской) от Енисейска находится на югозападной стороне, разстоянием более как в 250 Ли, дорога вся гориста. Кеть река пришла с юговосточной стороны и миновав Маковской продолжает своё течение в северозападную сторону. В оном местечке есть дворов не с большим сорок, и живут одне Русские люди, также

находится и один молитвенный храм. В реке Кети стоят больших судов, шириной больше Джана (3,2 метра), а длиною больше семи Джанов, около дватцати, также и некоторое число малых судов. Все проежные люди, которые водою ездят, грузятся здесь на суда и едут до самого Тобольска... ..5 числа (т. е. 16–17 июня), как все суда были готовы, и съестные припасы были привезены, то сели мы на суда, и поплыли в низ по реке...и потом проехав два местечка Лосиннояр и Кеско (Кетский острог) называемые, из реки Кети пришли в реку Обь».

В «Чертёжной книге Сибири» 1701 года, составленной тобольским картографом, историком и художником С.У. Ремезовым, Маковский острог показан схематично, так показаны и другие остроги Енисейского уезда – только тыновые стены и внутри церковь.

Г.Ф. Миллер описывает в начале 1735 года Маковский острог со слов жителей и служилых людей Енисейска следующим образом:

«Маковский острог, на северном берегу реки Кети (это ошибка, острог расположен на восточном

берегу, он сам там не был, поэтому простим его за эту маленькую неточность), в 89 ½ верстах от Енисейска. Острог полностью развалился и от него осталась одна только башня. Помимо частных домов он имеет церковь Покрова Пресвятой Богородицы и различные амбары. Приказчик находится здесь только летом, а именно из-за водного пути, который здесь очень оживлённый. Зимой же он живет в селе Еланском и одновременно исполняет обязанности в относящемся к последнему селу дистрикте (административно-территориальная единица при Петре Первом). К Маковскому острогу относятся 5 деревень, все они расположены на Кети, выше и ниже острога. В этом дистрикте имеется также ниже на Кети, на границе с Нарымским уездом, маленький мужской монастырь, который называется Лосиноборским. Он имеет церковь Преображения Господня и во главе игумена». Далее он перечисляет деревни: Тархова, Калинина или Полухина, Филиппова, Ворожейкина, Середкина, но почему-то пропускает деревню Рыбную.

Председатель Енисейской казённой палаты И.С. Пестов в своей книге «Записки об Енисейской губернии. Географический и историко-статистический обзор», изданной в 1833 году, пишет: «Маковское село именовалось с 1619 года острогом; оно стоит при реке Кети, расстоянием от Енисейска 89,5 верстах. Сиё село тем достойно замечания, что здесь есть пристань, где выгружаются приходящие из Тобольска с товарами суда и нагружаются в город Тобольск товары, привезённые сухим путем из Енисейска. В нём есть одна церковь, домов более 100; жители все почти Грекороссийского исповедания; от него волок, находящийся между упомянутою рекою и Енисеем – называется Маковским». Пестов в своей книге количество домов в с. Маковском завысил более, чем в два раза. Ни до, ни после 1833 года такого количества домов в Маковском не было.

На персональном сайте Маковского острога в Интернете мне встретилось вот такое описание Маковского:

«Основан зимою 1618 г. на высоком правом песчаном берегу р. Кеть там, где начинался волок на Енисей. «Тот волок держит вёрст с пяти летней порой, а зимним путем, сказывают, с 50 вёрст. А по всему волоку зело грязно, и для того везде по нём великие мосты построены ради множества грязей и болот и речек». Первый раз выдержали здесь русские казаки осаду от князька Намака, отчего Маковский острог иной раз назывался «Намацким». Однако вскоре острог потерял военное значение, хотя городовые укрепления просуществовали до начала XVIII в.

В конце века представлял из себя поселение, обнесённое частоколом с двумя башнями и воротами. Первое общественное здание – Покровская церковь – было построено в первой половине XVII в. В 1675 г. в остроге было «дворов с 20». С полверсты от него находилась слобода торговых людей, «где амбаров множество построено», торговых бань и постоянных дворов. Здесь же находилась судоверфь, жили плотники и кузнецы. В 1760-е гг. в Маковском остроге домов было не более 40.

Первые крестьяне были поселены здесь ещё в 1640-х гг., но хлебопашество не было их основным занятием. В 1673 г. в Маковском остроге проживало всего 4 крестьянских семьи. Поселение становится известным, прежде всего, как транспортно-транзитный пункт. Посредническое значение Маковского острога было подорвано во второй половине XVII в., когда наладилось прямое сообщение между Томском и Красноярском «степью», а с проведением Московского тракта в 1730–1740-х гг. совсем упало. Интересно, что в середине века приказчиком Маковского острога был енисейский сын боярский И. Похабов, известный своими географическими открытиями в Восточной Сибири. Кроме того, именно в Маковском остроге возникло одно из первых дел в Сибири об изготовлении фальшивых оловянных и медных денег в 1628 г. красноярским казаком.

Ныне – Маковское, село Енисейского района Красноярского края. Расположено на р. Кеть».

Изучив, обобщив и проанализировав большое количество материалов по истории Маковского, я вижу в этом описании много неточностей, а именно:

а. Водный волок не мог начинаться в пяти верстах (в то время это 10 км) от Маковского, об этом смотрите в следующей статье;

б. Осаду в остроге выдержали стрельцы, а не казаки, и не от мирного осыятского князька Намака, а от воинственных тунгусов;

в. Острог назывался в первое время Намацким не из-за осады князьком Намаком, а по месту расположения острога около стойбища Намака;

г. Об изготовлении только оловянных, но не медных, фальшивых денег красноярским казаком Василием Ортемьевым известно из «Обозрения столбцов и книг Сибирского Приказа» Н.Н. Оглоблина;

д. Из нескольких архивных источников и описания Г.Ф. Миллера известно, что в остроге имелось не две, а только одна башня.

МАКОВСКИЙ ВОЛОК – «ПҪПОВИНА» СИБИРИ

История острога и села Маковского неразрывно связана с Маковским волоком – Кетским путём, единственным официально утверждённым маршрутом в Восточную Сибирь в XVII веке.

Ни один волок в России в деле присоединения и освоения Сибири не имел такого значения, какое имел Маковский волок. Около полутора веков он был основной транспортной артерией, снабжавшей всем необходимым жителей земель, расположенных к востоку от Оби. Здесь была бурная, напряжённая и интересная жизнь. Своё значение он стал утрачивать после проведения тракта по степным местностям от Тюмени через Тару до Томска и Иркутска.

О маршруте Маковского волока имеется много мнений и ведётся немало споров. Снаряжаются экспедиции из профессионалов и энтузиастов, которые пытаются искать водную часть волока. Все они основываются на поисках волока, которым проходили на Енисей в доострожный период служилые люди Кетского острога. Этот путь описан Г.Ф. Миллером в «Истории Сибири». Необходимо отметить, что и учёные-историки – составители «Дополнений к Актам историческим», и известный ученый археограф Н.Н. Оглоблин, составивший «Обозрение столбцов и книг Сибирского Приказа», пишут, что только копии некоторых документов, хранящихся в архиве в знаменитом «портфеле Миллера» имеют в своей основе подлинники или черновики, а большинство копий снято неизвестно с каких документов и их подлинники не обнаружены. Высказано сожаление и о крайней «безграмотности употреблённых Миллером переписчиков и неопытности их в чтении старинных писем», что приводило к многочисленным ошибкам. В части 1

«Обозрения...» Н.Н. Оглоблин пишет: «Все Миллеровские акты списаны для него (а частично и им самим) крайне неверно, со многими ошибками, пробелами, даже со вставками и проч.»

Текст копии этой отписки приведён в главе «Основание Маковского острога». Г.Ф. Миллер, как известно, на Кети и в Маковском не был и все его описания острога и реки составлены со слов местных жителей Енисейска и Нарыма. Это только упоминание о ВОЗМОЖНОМ маршруте волока.

Некоторые наши современники выдумали и совсем «оригинальный» способ передвижения по волоку путём перекачивания или волочения судов с Кети на Кемь или на какую-то мифическую речушку, расположенную в 30 верстах от Маковского острога. Непонятно из каких соображений сообщены эти бредовые предположения. Авторам этих измышлений надо просто попробовать перетащить лодку весом 150 килограммов на расстояние 200 метров и тогда, может быть, придёт понимание о невозможности перетаскивания между Кетью и Кемью на десятки вёрст каюка или дощаника длиной 15–25 метров и весом в несколько тонн, построенных из толстых тёсаных намокших плах. К тому же и качество этих, построенных примитивным способом, судёнышек было очень плохим, даже без перетаскиваний они выдерживали всего две – от силы три навигации, да и что ожидать от сшитых ивовыми прутьями или еловыми корнями и, немного скреплённых шкантами, железными скобами и гвоздями, тяжёлых судов.

Перетаскивание судов из бассейна Оби в бассейн Енисея отрицалось уже при разведывании пути на Енисей. Служилые люди Кетского острога сообщали воеводе: «...против Намака с Кети реки на волок, до Тыи реки, пешему человеку нести на себе 2 пуда, итить 2 дни, а зимним путём на нартах итить два же дни, и на Тыи делати струги или зырянские каюки страдные,

и от тово волоку от Тыи Тыею рекою на большую реку Кемь полднища (т. е. полдня) ...».

Почему-то большинство исследователей и историков – сторонников экзотических путей волока, не обращают внимания и на описание Г.Ф. Миллером построения Маковского острога. В «Истории Сибири» он пишет: «Когда Пётр Албычев и Черкас Рукин со своими людьми прибыли в то место на реке Кети, где обычно оставляют суда и продолжают далее путь волоком...».

Отписка служилых людей и слова историка отрицают всяческие перетаскивания и перекатывания судов с Кети в бассейн Енисея.

Самое первое упоминание о Маковском волоке встречается в «Книге Большому Чертежу», составленной в 1627 году «по государеву указу» в Разрядном Приказе: «...а от Кетцкаго до Маковскаго зимовья 6 недель, а от Маковскаго через волок до Енисейскаго острогу 2 дни». Судя по количеству дней пути, речь идёт о сухопутном волоке.

У Л.В. Безъязыкова в книге «Красноярск изначальный» подробно, с множеством ссылок на архивные документы, подробно описаны все трудности сухопутного Маковского волока, которые пришлось преодолеть людям экспедиции А.А. Дубенского зимой 1628 года.

Следующее упоминание о сухопутном волоке встречаем в книге русского историка-архивиста, исследователя Сибири П.Н. Буцинского «Заселение Сибири и быт её первых насельников», где он пишет, что «... провиант в Красноярск по указу должен был доставляться водою до Маковского острога, откуда Енисейские казаки должны были перевозить оный сухим путём в Енисейск и по р. Енисею доставлять в новый город... ..и в 1629 году не доставили провиант в Красноярск». Красноярский острог из-за отсутствия припасов хотели даже ликвидировать. Предлагалось «...а сделать б по людям невеликий острожек как и Мелеский и Макуцкий острожки и посылать в него годовальщиков... и в том

острожке устроить пашенных крестьян, сколько человек пригоже и напихивать на тех годовальщиков государева хлебнова жалованья годовые оклады теми пашенными крестьянами».

О сухопутном волоке встречаем и в обозрении челобитного дела Енисейских пашенных крестьян 138 года (1630 г.), ходивших через волок с подводами из Енисейска в Маковский острожек и обратно, перевоза государевы хлебные запасы, «а волок великой и грязной».

В том же году по наказу царя Михаила Фёдоровича от 6 августа отправлены на Лену первые якутские воеводы Пётр Петрович Головин, Матвей Богданович Глебов и дьяк Ефим Филатов. Фрагмент наказа мною перепечатан с форума УКТ.RU. В наказе с мельчайшими подробностями расписан весь маршрут следования из Москвы на Лену: «... А самим с сибирскими тоболскими служилыми людьми итти ис Тоболска в Енисейской острог наспех ни где ни часу не мешкая, чтоб им поспеть ис Тоболска в Маковский острожек под волок, где хлебные запасы из судов выгружают до заморозов. А пришед в Маковский острожек, выгрузить хлебные и всякие запасы ис судов в государевы амбары, каковы в Маковском острожке есть и велеть тех запасов до зимнего пути беречь. А суды со всякими судовыми снастями велеть отдать в Маковском острожке кому у них воевода Микифор Верёвкин велит принять имянно и в том с теми людьми хто суды примет росписаться. Да про то отписать к государю царю и великому князю Михаилу Фёдоровичу всеа Руси и в Сибирь в Тоболск и в Томской и в Енисейской к воеводам для ведома про то отписать ж не замотчав, чтоб те суды в Маковском острожке даром не пропали. А самим ехать из Маковского острожка в Енисейской острог, а приехав в Енисейской острог, взяти у воеводы у Микифора Верёвкина для ленские службы сто человек... Да как в 148 год первой зимней путь приспееет и им, Петру

и Матвею и дьяку Еуфимию, тоболских и березовских и енисейских служилых людей, которые с ними быти на реке Лене, послати из Енисейскаго острогу в Маковский острожек по хлебные и по всякие государевы запасы и по наряд тотчас и велеть тем енисейским и тоболским служилым людям всем трѣхстам девяносто пяти человеком наряд и государевы хлебные и всякие запасы перепровадить из Маковского острожка в Енисейской острог против прежнево государева указу на подводах тот же час, взяв те подводы в Енисейском остроге у воеводы у Микифора Верѣвкина...».

На чертеже Сибири Петра Годунова 1667 года между Маковским острогом и Енисейском показан также сухопутный волок.

Далее по хронологии следует книга А.А. Титова «Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней земель». В статьях: «Чертёж всей Сибири, збиранный в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича», около 1667 года; «Список с чертежа Сибирския земли» около 1672 года и «Описания новыя земли, сиречь Сибирскаго царства», после 1683 года одинаково указывается, что ходят от Кетского острога вверх по Кети до Маковского зимовья по 6-7 недель, а от Маковского зимовья до Енисейского острога «сухим путём волоку мостами и борами на лошадях 2–3 дня».

Совсем непонятно описывает волок в 1675 году посланник в Китай Н.Г. Спафарий: «А тот волок держит вёрст с 5 летнею порой, а зимним путём с 50 вёрст». Даже принимая во внимание, что в то время вёрсты были 1000-саженные, водный волок, по его записям должен был начинаться в 10 километрах от Маковского, а там не было и нет речушек, текущих в Таху и Кемь. Хотя в этом же абзаце он пишет: «А от Маковского острога до Енисейского ходят с вьюками 2 или 3 дня, какова дорога. А вьючат всё на конех. А кони енисейские зело добрые и велики, домашние с калмыцкими смешаны».

Он пишет о волоке и в Статейном списке: «Июля в 7 день приехал в Маковский острог. А из Маковского острога поехал сухим путём через волок того же числа. И июля в 9 день приехали в Енисейской, и в Енисейском стоял дней з 10, для того что ожидал задних дощаников и покамест стольник и воевода Михайла Приклонский изготовил 3 дощаника со всеми снастями». (Оказывается, что два его дощаника отстали на Кети из-за отсутствия гребцов).

В августе 187 (1679) года в Енисейске для хранения запасов, перевозимых по волоку, уже существовали государственные амбары, о чём имеется отписка дьяка Василия Телицына царю: «А монастырь, государь, Спаской построен против Енисейска, за болотом, на высоком месте, а от Енисейска до Спаского монастыря мерою 192 сажени, и житной двор с твоими великого государя хлебными запасами построен на той же высокой горе».

По Маковскому волоку в 1692–1695 гг. сухим путём проследовало в Китай и обратно российское посольство Избранта Идеса, что подтверждается записями как самого И. Идеса, так и его спутника А. Бранда.

Китайский посол Ту-Ли-Чэнь в «Записках путешествия послов в последние края света посылаемых» в 1714 году описывает Маковский волок довольно подробно: «Между тем как все подводы были приготовлены, то положи мы всю кладь на телеги, в провожании российских чиновных людей и воинов, поехали (из Енисейска) через Маковский волок, и дорогою переночевав одну ночь, высокосного пятого месяца 2 числа (13 или 14 числа) июня прибыли мы к Маковскому Гашаню (острогу) и стали на берегу реки Кети».

Маковский волок, а по Китайскому произношению и письму «Макоско Фолок», дальше описывается следующим образом: «От местечка Уским (Усть-Кемь) называемого, которое находится за дватцать Ли, от Енисейска на северо-восточной стороне (это ошибка – Усть-Кемь находится в северо-западном направлении

от Енисейска), из судов выгружаются на берег, и едут сухим путем. Здесь горы не великие, а по дороге находится частой и великой лес, кедровник, сосняк, черемошник, осинник, березник, тальник, лиственничник и смородина; места везде топкия и грязныя, а комаров находится великое множество. Между Енисейским и Маковским селом небольших деревень находится местах в трёх, также и небольших речек от четырёх до пяти, и сказывают, что в лесах водятся медведи, волки, лисицы, песцы, горностаи и белки».

В книге «Памятники Сибирской истории» (после 17 мая 1722 года) встречаем обоснование необходимости тележной дороги: «Нужно править дорогою от Енисейска Маковского волока для перевозу товаров от реки Енисея до реки Кети, которая в расстоянии 80 вёрст, а половина той дороги лесиста и болотиста, понеже там худа дорога; того ради купцы принуждены товары отпускать на верховых лошадях, которые часто падают в лесу и товары подмачивают; да и накладки на лошади товаров 4 до 5 дней стойки в Енисейске; но ежели бы на телегах их товары посылались, то б не так портились и не столько б время тратилось... ..От Енисейска до реки Кети путь земляной расстоянием в 80 вёрст, а платится за провоз с пуда от 6 до 8 копеек до Кети, где проезжие оставлены суды, в Енисейске меняют на те суды, которые находят на Кети. А если не найдут охотников переменить, то проезжие принуждены покупать другие суды от 20 до 30 рублей, на которых ездят до Тобольска».

Имеется интересное описание пути с Кети на Енисей у П.А. Словцова в его труде «Историческое обозрение Сибири»: «Маковский (острог) для охранения судов, оставленных в вершине Кети. После была тут поверка таможенных при погрузке товаров китайских – нет ли недосмотренных.... ..Рассказав государственную дорогу до Тобольска, можно присовокупить, что отсюда она шла зимой и летом по Иртышу, Оби, Кети и сухопутно

до Енисейска, откуда опять водой по Верхней Тунгуске до Илимска...».

В книге 2 «Исторического обозрения» он описывает соперничество двух вариантов волока на Енисей – с Кети и Чулыма и пишет: «С самого основания Енисейска товарные клади, следовавшие с Запада на Восток и обратно, отправлялись Кетью на 540 вёрст судоходною, потом гужем от Маковского до Енисейска, как и обратно».

Кроме приведенных выше, имеется ещё много свидетельств авторов XVIII–XIX веков о существовании только сухопутного волока. Есть описание волока нашим современником профессором А.А. Бродниковым, который пишет: «Припасы доставлялись в Маковск, где размещались в «государевых амбарах». Затем по зимнему пути на санях перевозились в Енисейск, где складировались в специально построенных хранилищах в подвале Введенской церкви».

Этой фразой он завершает полный маршрут Маковского волока. Введенская церковь находилась в самом Енисейском остроге, который был основательно разрушен наводнением 1649 года, из-за чего государственные амбары были перенесены на высокое место к монастырю.

Анализируя имеющиеся материалы, можно сделать вывод, что после основания Маковского и Енисейского острогов водной части Маковского волока не существовало. Если верить Г.Ф. Миллеру, то возможно и были ЕДИНИЧНЫЕ случаи использования рек Тахи и Тыи в доострожный период, когда служилые люди передвигались с минимальными запасами на лёгких долблённых лодках.

И где искать ныне тот мифический волок, маршрутом которого проходили всего несколько раз служилые люди 400 лет назад?

Вряд ли там были какие-нибудь постройки, да если и были временные сооружения, то в тайге за такой период времени от них не осталось и следа.

Сухопутный волок существовал между Кетью и Кемью, то есть между Маковским острогом и Плотбищем, где была судоверфь, или Усть-Кемским погостом, где по описанию Г. Ф. Миллера: «...летом здесь находится склад для купцов, которые преодолевают волок на Маковский острог или прибывают оттуда и дощаники разгружаются и вновь нагружаются большей частью здесь. Хотя многие товары провозятся также между Маковским и Енисейском целиком по суше, для чего, наконец, в 6 верстах от Усть-Кемского погоста учреждена переправа через Кемь посредством плавучего моста». Между ними и расстояние примерно 89 вёрст, то есть то, которое приводится в большинстве источников. И проезжали по волоку преимущественно за 2 дня, с ночевкой на постоялом дворе в д. Рыбной, расположенной как раз посередине. Проходил он летом по летней Маковской дороге, а зимой во избежание снежных заносов, километрах в десяти от Маковского, уходил в дремучий лес на зимник. В некоторых случаях товары доставлялись и до Енисейска, что, впрочем, удлиняло волоковое расстояние на десяток верст. В государевых амбарах хранились также и товары, прибывшие в Енисейск с востока и ждущие отправки через волок. Следует отметить, что переправа содержалась Анциферовской волостью, в состав которой входил указанный погост или село Усть-Кемь.

На карте С.У. Ремезова 1701 года показаны два пути замаковского (так у Ремезова) волока: первый через с. Большая Ялань на с. Усть-Кемь и Енисейск, а второй, уже не через Ялань к переправе, а через реку Тью и вдоль неё по правому берегу с переправой через Кемь, неподалеку от устья Тыи, и далее правым берегом Кеми через пригородную д. Кочнёву в Енисейск. Следует отметить, что карта У.С. Ремезова – это ещё не полноценная карта, а только схематический рисунок. Сам Ремезов в Енисейске, да и в других местностях восточнее реки Оби не был, карты ещё не составлялись, а только

рисовались не очень сведущими в картографии людьми. Карта Енисейского уезда очень и очень приблизительна, на ней много неточностей, из-за отсутствия в то время системы координат всё смещено и все расстояния сильно искажены.

На первом маршруте волока (через с. Ялань) не указана деревня Рыбная, хотя она уже существовала в 1669 году и в ней проживали пять семей посадских людей и, несомненно, был уже постоянный двор, а, возможно, и не один. Река Тья не могла пересекаться этим волоком, так как она протекает много южнее. Деревня Подъеланная почему-то показана на левом берегу реки Тьи, хотя фактически она была расположена всего в трёх верстах от с. Ялани.

Второй маршрут волока на карте показан: Маковский острог – по правобережью реки Тьи – через реку Кемь – далее по правому берегу реки Кеми через пригородную деревню Кочнёву в Енисейск. Для зимы этот путь волока непригоден из-за отсутствия какого-либо жилья до самой р. Кеми.

Такое расстояние (это более 70 километров) пройти или проехать за один день невозможно, зимой ночлег необходим в тепле на постоянном дворе, но не в снегу при сорокаградусном морозе. Летом, кроме увеличения протяжённости волока на 20–30 вёрст, могли представлять большие трудности и две переправы через реки Тья и Кемь. Быстрее и проще было проехать через Рыбную, Ялань и Плотище, где уже, наверняка, имелись мосты через небольшие речки Рыбную, Бобровку, Песчанку и Жаренникову. Остальные ручьи большого препятствия не представляли.

Измеряя расстояние по второму маршруту напрямую по современной карте, я получил расстояние 105 километров, а любая дорога идёт не прямо и поэтому длину этого варианта волока по Ремезову надо увеличить на 10–15 вёрст, что даст его протяжённость в 115–120 вёрст, а это расстояние уже не соответствует всем приведенным

выше свидетельствам. Кроме указанной карты этот путь волока нигде не показан и не описан. Исходя из этого, я считаю второй маршрут волока маловероятным.

По волоку, кроме грузов, перевозилось и много людей. Профессор А.А. Бродников опубликовал в «Енисейских актах» «Разгонные книги Енисейского острога» 1678–1679 гг., из которых можно увидеть сколь много людей проезжало по волоку:

«Книги Разгонные Енисейского острогу нынешнего 187-го году октября в 12 день пришли в Маковской за ссыльными людьми в провожатых из Тобольска тобольские сын боярский Василей Мокринский да служилые люди Пронька Молоков с товарищи, всего 10 человек. По тобольской подорожной дано им от Маковского в Енисейск сыну боярскому две подводы, казакам по подводе человеку, ссыльным людям семьянитым осьми человекам по подводе, холостым 12 человекам – трём человекам подвода;

5 декабря по московской подорожной боярину Ивану Петровичу Борятинскому под его запасы 16 подвод с санями и проводники;

По московской подорожной письменному голове Дмитрею Старово под запас от Маковского в Енисейск 4 подводы с санями и проводники;

9 декабря по московской подорожной воеводы Ивана Зубова людям Антону Афанасьеву трём человекам под запас его на 186-й год от Маковского в Енисейск 8 подвод с санями и проводники;

По московской подорожной якутским служилым людям Андрюшке Сохвату с товарищи под казну великого Государя 500 рублей денег, 427 кумачей из Маковского в Енисейск 2 подводы с санями и проводники».

Как видим, количество подвод, выделяемых служилым людям, зависело от занимаемой должности и значимости проезжающих, для которых в Маковском должен быть всегда резерв готовых к поездке по волоку

лошадей и повозок. Указанные разгонные книги датой отправки подвод из Маковского 9 (22) декабря подтверждают слова П.А. Словцова о существовании зимней дороги из Тобольска по Кети.

Перевозками людей и грузов по волоку между Маковским острогом и Енисейском всегда подрабатывали местные жители – служилые и посадские люди, крестьяне. В Переписной книге посадских людей Енисейского уезда 1669 года встречается: «... двор посадцкого человека Посничка Федотова, у него пасынки Омелка да Ивашко Афонасьевы, а детей у него нет, промысел у них плотничают, да за Маковский волок ездят в наймех...».

С частных перевозчиков за провоз людей и грузов взималась специальная пошлина. Это известно из «Сметного списка прихода и расхода денежной и товарной казны в Енисейске с сентября 182 по сентябрь 183 года (1674–1675 гг.)»: «... В приказной избе против прошлого 182 во 183 году на Енисейских служилых и на посадцких людех и на пашенных крестьянех, которые ездят из найму у торговых и промышленных людей в Маковской острог по их привозные руские товары печатных пошлин с лошади по гривне, помечено собрать 85 рублёв 3 алтына 2 денги. И во 183 году собрано с заволочных подвод тех печатных пошлин 40 рублёв 20 алтын. И против прошлого 182 во 183 году не добрано с заволочных подвод печатных пошлин 44 рубля с полтиною потому: из Енисейска в Маковской и из Маковского в Енисейской всяких чинов людей на наёмных подводах ездило менши прошлого 182 году...». (*1 гривна = 10 копеек, алтын = 3 копейкам, денга или деньга = полкопейки*).

Однако под волоком надо понимать не только его наземный маршрут с мостами, переправами, лошаадьми и повозками. К волоку необходимо относить и многое другое. В первую очередь государевы и торговые амбары в остроге и торговой слободе, а также постоянные

дворы, как в самом Маковском, так и на всем пути волока, а ещё и резервные промежуточные зимовья, как, например, Бармино или Антоново зимовье между Маковским острогом и деревней Рыбной. На постоялом дворе путников ждал теплый кров, возможность поесть горячую пищу, попариться в бане, посушить одежду и обувь, купить сена и овса, т. е. всё то, без чего нельзя обойтись в морозные сибирские зимы. К волоку необходимо относить и приказчика острога с его неограниченной властью, и посадских людей с торговыми лавками и различными подсобными работами, и крестьян с обязательной заготовкой каждым ежегодно для государевых нужд 30 копен сена.

По летней Маковской дороге, а, по существу, по волоку, в 1956 году довелось проехать и мне, восьмилетнему ребенку. Тележная дорога тогда ещё не была изуродована тракторами и лесовозами и, по моему мнению, её маршрут ничем не отличался от старинного волока. Дорога представляла из себя старую набитую телегами колею с ухабами, с многочисленными объездами грязей и топких мест. Нынешняя лесовозная дорога прошла практически там же, где и старинный волок, только значительно расширена и спрямлена.

В мартовские каникулы 1958 года проехал я и зимним путём, но уже на тракторных санях, от Маковского до Ялани и обратно. Тракторы в то время были тихоходные, их скорость не на много превышала скорость конного обоза, поэтому мы ночевали, как и ямщики в д. Рыбной.

О РЕКЕ КЕТИ

*«Из века в век шёл
Крепкий русский человек
На дальний север и восток
Неудержимо, как поток».*

*Из старинного
стихотворения*

История основания и всего существования Маковского зимовья, острожка, острога и волока неразрывно связана с рекой Кетью.

Река Кеть в деле присоединения, колонизации и освоения Сибири в XVII–XVIII вв. имела первостепенное значение. По ней проходил основной торговый, грузовой и людской путь на восток. На ней располагался Маковский острог – основная перевалочная пристань, здесь начинался знаменитый Маковский волок. Все историки и путешественники в своих трудах обязательно уделяли внимание этой реке.

Для жителей Маковского она всегда была кормилицей и дорогой, соединяющей ближние и дальние деревни, по ней ездили на рыбалку и охоту, за ягодами и грибами.

Длина реки Кети в современном измерении, составляет 1621 километр, площадь бассейна 94,2 тыс. кв. км, в настоящее время судоходна до Усть-Озёрного. Она протекает на юго-востоке Западно-Сибирской равнины, берёт начало двумя рукавами – Большой и Малой Кетью из болот на водоразделе Енисея и Чулыма, принимает в себя много речек и ручьёв, вытекающих из озёр и болот, поэтому-то вода и имеет такой желтовато-коричневатый оттенок. По среднегодовому водостоку р. Кеть занимает третье место среди притоков Оби, впадающих в неё выше устья Иртыша. Больше Кети

несут воды в Обь только Томь и Чулым. Кеть впадает в Обь в Томской области двумя рукавами – Тогурским (ниже города Колпашево) и Нарымским, текущим вдоль Оби до Нарыма. Самые большие притоки Кети в пределах Енисейского района: Шайтанка, Мендель, Ивашкова, Сочур, Еловая (Чижандзи).

Уже в середине XVII века просвещённые люди понимали значение для России сибирских водных путей. Хорват Юрий Крижанич – богослов, писатель, историк, этнограф и энциклопедист, отбывая ссылку в Тобольске, ещё в 1663–1666 гг. писал в своем труде «Политика»: «На реках всей страны, особенно на сибирских реках, надо бы обратить внимание на судоходство и распорядиться обо всём, что для этого необходимо. Ибо вся сила сибирской земли в её реках, и кто хозяин рек, тот хозяин и этой земли».

Позднее в середине XIX века о значении реки Кети очень хорошо высказался владелец пароходства ссыльный поляк Юзеф Адамовский: «Кеть составляет центральное водяное сообщение между Западной и Восточной Сибирью». И далее: «Кто будет владельцем «привилегии» (т. е. монопольного права перевозок) и пароходства по реке Кети, к тому перейдет вся перевозка товаров и железа, следующих из Ирбитской ярмарки и уральских заводов на золотые промыслы Восточной Сибири...через город Енисейск, ... и перевозки, отчасти, чаёв, следующих из Кяхты... в Тюмень и Россию. Количество перевозимых товаров на вышеозначенном пароходстве простирается ежегодно до 300 тысяч пудов (это 4800 тонн)». Получив «привилегию», Ю. Адамовский начинает претворять в жизнь свои планы. В расписании 1863 года значилось три малых рейса пароходов с баржами с хлебом и другими припасами от устья Кети до Маковского, а в конце навигации перевозка около трёх тысяч рабочих, возвращающихся через Енисейск с золотых приисков по маршруту Маковское – Томск. На 1864 год планировался рейс

Тюмень – Маковское с «железом» для золотых приисков. Пароходы Ю. Адамовского имели мощность от 25 до 100 лошадиных сил, а баржи были грузоподъемностью от 200 до 400 тонн. Автор публикации о пароходстве Ю. Адамовского не привёл достоверного подтверждения выполнения этих проектов.

В «Памятной книге Маковской Покровской церкви» имеются сведения только о прибывших в 1865 году в полуию воду пароходах других судовладельцев к селу Маковскому, известно о прибытии пароходов с грузами и товарами в последующие годы:

– «В 1869 году тобольский купец Смородников пригнал пароход «Тобольск» и привёз с собой тягло до 9 тысяч пудов (144 тонны)»;

– «В 1880 году пароход купца Наума Андреева Тюрина привёз с собой баржу в 6 тысяч пудов разного товара, а именно: 1000 кулей крупчатки, обувь, сахар, свечи, масло коровье, мыло и прочее»;

– «9 июня 1881 года из Ирбита пришёл пароход «Дмитрий» томского купца Дмитрия Тетского, который привёз с собой баржу с 18 тысячами пудов разных ирбитских товаров от разных хозяев, а вторая баржа осталась дальше по реке в 15 верстах», а 22 июня его же пароход «Владимир» привёз баржу с 8 тысячами пудов, в основном с крупчаткой.

– «29 июня 1888 года из Маковского отправились в Томск 4 судна с чаями. Одно судно разбилось о подводную карчу, чай весь подмочен, несколько мест потерялось, а два места нашли остячки, которые ими и воспользовались».

Эта запись подтверждает сообщение поляка Юзефа Адамовского, что река Кеть и Маковский волок были одним из маршрутов Великого чайного пути.

Очень подробное описание реки дал в 1675 году российский посланник в Китай Николай Гаврилович Спафарий (Николае Спэтарул Милеску) в своём дневнике «Книга, а в ней писано, путешествие царства

Сибирскаго от города Тобольска и до самого рубежа государства Китайскаго».

Он подробно описал все старицы, которые называет «Старая Кеть», все яры и притоки. Поражает и удивляет то, что те их старые названия остались неизменными и спустя 300 с лишним лет. Например: яры – боры «Высокой», «Пушкин», «Павлов»; озеро Окунёвое; речки «Сочюр» и «Миндын» (Сочур и Мендель, в первом случае – изменение в правописании, во втором – это осытское название реки, встречающееся ещё и как «Минда»). Кроме того, он указал расстояния в верстах между всеми ярами, притоками и старицами. Непонятной для меня оказалась только его запись от 7 июля: «На левой стороне яр Высокой. А по конец того яру речка Маковка, а течет та речка из болот и впала в Кеть. А повыше той речки с версту, на той же стороне урочище Маковка. От той речки до Маковского острога 4 версты». Вот это название до наших дней не сохранилось. В двадцатом веке это, возможно, Винный ручей и бор Долгое Плёсо.

Берега р. Кети Н.Г. Спафарий называет тоскливыми «потому, что жилья на ней нет от Кецкаго острогу до Ворожейкиной деревни». Это касается только русских поселений, в то время как осытских юрт встречено немало. На р. Кеть в XVII–XVIII веках часто попадались старые заброшенные временные зимовья служилых людей, вынужденно зазимовавших вместе с грузами из-за рекостава в незаселённых местах на пути в Маковский острог.

Н.Г. Спафарий пишет: «...июля в 3-й день. На правой стороне зимовье томских казаков, а шли те казаки в Енисейск с хлебным запасом и в том месте те казаки зимовали для (от) того, что заняло их зимнее время, от Лосиноя яру 25 верст... На левой стороне Кети зимовье Тобольских казаков, а те казаки зимовали для того ж, что и томские казаки зимовали; от томских зимовья 37 верст... На правой стороне Кети (98 верст

выше Лосинога яра) бывала русская деревня толмача Оксёнка, и перешёл тот толмач в Енисейск».

В 12 верстах ниже устья речки Еловой раньше существовало зимовье кетских казаков – сборщиков ясака. «... На той же стороне (левой) городище Марково. А в том городище жили казаки, а перешли из того городища те казаки в Кецкой, для того, что Остяки хотели то городище выжечь, а казаков побить. А стоит то городище на красном месте на яру...».

Есть у него подробные описания мест между деревней Ворожейкиной и Маковским острогом. Он пишет: «... а левой стороне курья воеводы Енисейскаго. А та курья потому словёт, что на воеводу Енисейскаго рыбу ловят; от бора Пушкина 5 верст (выше его) ... На правой стороне яр, а зимовал на том яру тоболской сын боярской, а ехал из Тоболска с государственным запасом в Енисейской и тут замёрз; от курьи 30 верст (ниже озера Окуневского 3 версты, вероятно, бор Лебяжий) ... На левой стороне яр Павлов. А на том яру зимовье, а зимовали на том яру тоболские казаки для того, что плыли с государевым запасом в Мангазею и тут замёрзли и зимовали...». Енисейским воеводой – любителем кетской рыбы был в то время стольник Михайла Васильевич Приклонский.

Историк Сибири Г.Ф. Миллер в своих путевых описаниях Сибири XVIII века в 1740 году уделил р. Кети целую главу под названием «Описание реки Кети от устья вверх против течения до Маковского острога по собранным устным сообщениям», в которой он пишет: «Во время путешествия по Сибири, как туда, так и обратно, мне не довелось путешествовать по реке Кети. А между тем вдоль неё обычно осуществляется водное сообщение между Тобольском и Енисейском, так что есть, разумеется, необходимость в том, чтобы дать не только географию, но и в качестве уведомления для путешествующих, обстоятельно описать такую значительную реку и очень часто посещаемый путь».

Далее он довольно подробно описывает все притоки Кети с указанием расстояний. Правда, в основном, даны остяцкие названия речек латинскими буквами. Однако, название реки Мендель, среди немногих, написано по-русски – «Мендел».

На Кети, по различным источникам между 1596 и 1607 годами, был построен Кетский (Кецкий) острог, который до 1618 года был единственным русским населённым пунктом на Кети. Служилые люди Кетского острога собирали ясак даже на Енисее, доходили до «Тюлькиной земли» (впоследствии Красноярского острога) и указали стрельцам Петра Албычева и черкаса Василия Рукина путь с Кети в «Тунгусы» для экспедиции по устройству Енисейского острога.

Историк П.Н. Буцинский сообщает, что Кетский острог поставлен на Кети (точная дата неизвестна), в семи днях езды на вёслах от устья. В 1612 году перенесён вверх по реке Кети ближе к озеру. Как и большинство деревянных острогов, он полностью выгорал, строился на том же месте или переносился на более удобное.

По некоторым источникам сгорел он в 1627 году и отстроен на том же месте. В 1660-61 гг. в очередной раз перенесён на новое место.

Н.Г. Спафарий в «Статейном списке путешествия в Китай» указывает примерное расположение Кетского острога: «...Июня в 16 день приехал в старое городище... А старое городище словёт для того, что прежде сего был острог Кецкой, а ныне это место лежит пусто, а едучи от Нарыма к Маковскому половина пути...».

Г.Ф. Миллер в 1740 году пишет, что старое городище Кетского острога находилось в четырёх верстах от остяцких юрт Ирбейских.

В этой же главе он подробно описывает Кетский острог: «Кецкой острог, на южном берегу предыдущей протоки (Старая Кеть, устье которой в 6 верстах от д. Шириханова или Усть-Речешная), в 5 верстах от её нижнего устья и в 6 верстах по прямой дороге

от Ширихановой, а от Нарыма согласно одному имеющемуся здесь в канцелярии известию, в 201 промеренной версте. Здесь имеется маленький четырёхугольный острог со сторонами примерно в 20 сажений, с двумя башнями, одна из которых стоит на углу со стороны реки, а другая над воротами с верхней материковой стороны. В остроге имеются: жилище приказчика, канцелярия и 3 амбара. Рядом с острогом, с его верхней стороны, имеется церковь Живоначальной Троицы с домами жителей, которые все являются служилыми и разночинцами и составляют 20 дворов. Кецкий острог издавна имел собственных воевод, присылаемых из Москвы. Однако с 1669 года он стал зависимым от Нарыма и ежегодно сюда стали присылаться приказчиками нарымские дети боярские или служилые». Расстояние между Кетским и Маковским острогами указано в 832 промеренные версты.

Следует отметить, что в 1687 году уже вымерено расстояние между городами, а в 1689 году учреждена государственная почта от Москвы до Камчатки.

Река Кеть уже к 1626 году имела огромное транспортное значение. По сообщению Н. Н. Оглоблина в делах Сибирского Приказа имеется отписка Енисейского воеводы Андрея Ошанина о жалобе на Сургутского воеводу Никиту Пушкина, о том, что «он задержал без причины, шедших в Енисейск торговых и промышленных людей, чиня им «обида и насильство»; флотилия которых более 100 каюков и 7 дощаников, замёрзла на р. Кети, не доходя до Маковского острожка». В.Е. Вершинин в своем труде «Дощаник и коч в Западной Сибири» указывает, что сибирские каюки имели грузоподъемность до 300 пудов хлеба (4,8 тонны), а дощаники до 15 тонн. Таким образом, только эта флотилия имела грузов около 600 тонн.

О масштабности перевозок можно судить и по делу 137 года о недоставке Енисейскими служилыми людьми в Красноярский острог продовольствия. Летом 1629 года

в Маковском находилось красноярских хлебных запасов около «сомисот девяноста двух четъ муки да круп и толокна... да соли тоё ж присылки, прошлого 136 году, пятьсот тридцати семи пуд». Если енисейская четъ имела вес 4 пуда, то только красноярских хлебных запасов и соли хранилось в Маковском около 60 тонн. А ведь были грузы и для других острогов.

В июле и октябре 1652 года Верхотурскому воеводе были посланы две царские грамоты об изготовлении судов в Верхотурье и слободах Верхотурского уезда для отправки в Даурию трёх тысяч служилых людей: «Указали есма послать, с Москвы и из Поморских и из Сибирских городов, в Сибирь, в новую в Даурскую землю, с околничим нашим и воеводою Иваном Ивановичем Лобановым-Ростовским, наших служилых людей три тысячи человек; а под тех служилых людей указали есма делати суды, в чём им дойти до Енисейского Маковского острожку...» и о сроках изготовления: «...а сделать суды во 161 (1653) году, на весне совсем наготово; ... делати судов на два года по сороку судов на год, чтоб за судами в Верхотурье и в слободах служилым людем, во 161 году на весне, мешкоты нисколько не было, и отпустить их в судех с запасы в Тоболеск без всякого мотчанья...». Это самое многолюдное одновременное перемещение войска служилых людей по Кети и через Маковский острог и волок во всю их многолетнюю историю.

Воеводы сибирских острогов при отправлении в Москву царской казны-ясака подробно описывали в своих наказах служилым людем путь и обязательно указывали реку Кеть.

Около 1680 года якутский воевода пишет: «... по подорожной под ту великого государя казну велеть дать (в Енисейске) подводы и провожатых, и ехать в Маковский острог, не мешкая нигде, и в Маковском острожке великого государя соболиную казну покладчи в дощаники... и везти от воды надёжно

и безстрашно, плыть с того великого государя с казною Кетью рекою».

Отправлялись по Кети и переселенцы. В 1688 году во время массового заселения Сибири из Тобольска в Енисейск и Иркутск отплыли 583 крестьянина-переселенца на 14 дощаниках.

В XVII–XVIII веках шли споры о том, по какой реке – Кети или Чулыму выгоднее доставлять грузы в Восточную Сибирь и в 1761 году даже было выпущено высочайшее повеление «О склонении купцов, торгующих в Сибири, к оставлению судоходства по р. Кети и к отправлению судов по р. Чулыму». Но известный уже в течение почти полутора веков путь по Кети был, по-видимому, выгоднее и по истечении 7 лет вышло новое повеление «О предоставлении купцам, отправляющимся водою с товарами от Тобольска к Енисейску, избирать путь по рекам Чулыму или Кети – кто как пожелает».

В 1797 году «в видах воспособления торговым целям» даже была проведена гидрографическая съёмка русла р. Кети в рамках исследования Южно-Сибирского водного пути, которое включало в себя ещё и изучение р. Ангары, озера Байкал и р. Селенги. Руководителем этих исследований был Фролов Пётр Кузьмич, известный деятель культуры, техники и горной промышленности, а затем ставший и крупным государственным деятелем начала XIX века. В Российской Государственной библиотеке (г. Москва) хранятся три рукописные карты – результаты этих исследований. Мною просмотрена карта р. Кети. Она называется «Карта положению реки Кети от села Маковского до Тогурского (на устье Кети), промерянная унтер шихт мейстером Сергеем Сметаниным». На мелкомасштабной карте показана р. Кеть с находящимися на ней сёлами Маковское и Тогурское, всеми деревнями, а также Кетским острогом, находящимся между деревнями Мунгаловой и Юрлиной. Обозначен и старый Кетский

острог выше по течению реки между деревнями Манзыровой и Сосновым Яром. Возле села Маковского показаны пять «плотбищ» по строительству судов: «Пушкарёво», «Павлово», «Высокий Яр», «Маковка» (у самого села) и пятое плотбище, где строились купеческие и подъяческие суда, в отличие от других, расположенное немного выше села Маковского по течению реки.

Путь в Енисейск и на Маковский волок начинался в Тобольске или Верхотурье, где в большом количестве строились речные суда по наказам государя, так на Туре в 1639 году было построено 103 дощаника, 2 коча и 7 лодок. Конечно, не все они предназначались для перевозки грузов в Енисейск, но с учётом имеющихся, это была огромная флотилия. Строились ещё и купеческие суда. Там же ранней весной они загружались государственными грузами и товарами купцов и вслед за ледоходом отправлялись вниз по рекам Туре, Тоболу и Иртышу. Доплыв до устья Иртыша, суда ожидали ледохода на р. Оби, который обычен в третьей декаде мая по новому стилю.

Н.Г. Спафарий описывает в «Статейном списке (т. е. отчёте) путешествия в Китай» о трудностях плавания по Оби во время ледохода: «И мая в 8 день приехали на Самаровский ям (ныне город Ханты-Мансийск на реке Иртыше, недалеко от его устья) и стояли мая до 10 числа для того, что готовили паруса и всякие судовые снасти, которые надобны перебежать парусом супротив воды рекою Обью, да и для того, что сказывали на Обе-реке льды стоят. Из Самаровского яму поехал мая в 10 день рекою Обью, и мая в 11 день встретили льды великие, и стоял мая до 12; и ехал опять мая до 13 числа и опять встретили льды великие, и стоял мая до 15 числа, для того, что льды великие шли на низ воды, что горы; и ехал опять мая до 16 числа меж льдов по берегу (т. е. вблизи берега) ... А как стояли от льдов на берегу, и дощаники закладывали лесом и брёвнами, для того, чтоб дощаников

не попортило». Только 21 мая продолжилось плавание меж льдов подле берега.

Плавание вниз по течению несравненно легче и быстрее, чем путь вверх против течения по рекам Оби и Кети. Вот здесь-то для экипажей судов и начиналась тяжелейшая работа, да еще жара, комары, мошка и оводы. Для движения судов старались использовать попутный ветер и идти под парусами, что подтверждает Н.Г. Спафарий: «Из Нарымского острога ехали парусом»; но чаще приходилось передвигаться посредством применения людской силы – на вёслах, шестами и бечевой, а ведь дощаники суда не маленькие – до 25 метров в длину и общим весом с грузом и людьми более 30 тонн, несколько меньше и легче каюки.

Адам Бранд – сотрудник посольства Избранта Идеса в 1692 году описывает их путешествие по Кети: «...Мы шли под парусами по этой реке с большими опасностями больше месяца. ...Нам повезло и в отношении попутного ветра, который со свистом и рёвом доставил нас, наконец, 28 сентября к монастырю (Лосиноборскому), где мы от всего сердца возблагодарили бога. Теперь, если бы даже вновь ударили морозы, мы всё же двигались бы дальше, так как здесь мы запаслись продовольствием и фуражом и могли, в крайнем случае, путешествовать сухим путём, хотя такая необходимость не возникла. 2 октября после благодарственного молебна...мы прибыли в маленькую деревеньку (Ворожейкину), где жило только шесть семейств».

Это описание указывает на то, что они везли с собой лошадей и на наличие зимнего санного пути от Лосиноборского монастыря до Маковского острога.

На Кети выше устья р. Сочур начинались мели и песчаные перекаты. По свидетельству путешественников глубина реки на перекатах составляла всего от полутора до двух с половиной футов (фут равен 30 сантиметров), так что Кеть и в то время была не очень-то полноводной. Особенно мелкий перекат был

у яра Колокольного, описанного Н.Г. Спафарием: «...На левой стороне яра Колокольной. А против того яру мель Колокольная. А против того яру и мели от (для) торговых людей, на правой стороне на ельнике был поцеплен колокол небольшой для того, чтоб то место знали люди, которые будут на дощаниках, идучи вверх реки Кети. А в том месте мель великая и река быстрая. И такая мели и быстрого места на Кети иного нет. Да против того ж яру зимовье казачье, которые ходят по Кети реке с хлебными запасами в Енисейск, и в тех местах дощаники замерзают, и в том месте они и зимуют...».

В особо мелких местах приходилось суда разгружать и перетаскивать груз на себе или перевозить на маленьких лодках и снова загружать в суда, или для подъёма уровня воды и снятия судов с мели устраивать запруды из парусов.

Очень правдиво, как я считаю, описал все тяжести пути по реке Кети служилых людей А.А. Дубенского – основателя Красноярского острога современный писатель-драматург Н.А. Зайцев в поэтической драме «Андрей и Рогнеда».

*«С Тобольску шли дощаниками мы.
Пока что плыли Иртышом и Обью
Всё было нам как будто вполбеды,
Там руслина речная глубока,
Но как вошли мы в Кеть, тут началось!
Посадка у дощаников в аршин,
Да с четвертью ещё. А Кеть мелка...
Едва аршин местами наберёшь.
А уж шуга за вёсла нам хваталась!
На мель наскочишь: груз за волоки
По берегу волочишь, а дощаник,
По грудь купаясь в ледяной воде
Артельно бечевой спущаешь с мели...
Да, нелегко досталось казачкам!
Пока возились в Маковский острог,
Помёр Путимка Скалков; а потом*

*Двоих ещё пришлось похоронить:
Гаврилов Прошка, Федька Кочергин
В санях в пути болящие замёрзли,
Как шли уже с обозом в Енисейск...»*

Весь путь от устья Иртыша до Маковского острога занимал от двух с половиной до четырёх месяцев, а иногда и больше. Даже посол в Китай Избрант Идес, у которого было меньше проблем с рабочей силой, затратил, согласно его дневнику, на весь путь от Тобольска до Маковского ровно два с половиной месяца (отплыв из Тобольска 22 июля по старому стилю его посольство прибыло в Маковский острог только 7 октября 1692 года).

Расстояние от устья Кети до пристани перевалки на волок в Маковском остроге проходили обычно за 6–7 недель. К концу июля-началу августа около Маковского скапливалось большое количество судов, которым нужно было срочно разгрузиться, подремонтироваться, а многим ещё и успеть вернуться в Тобольск до ледостава. Поэтому весь берег Кети от Красной горки и до Слободской курьи представлял одну огромную пристань. Метрах в 50-ти ниже, имевшегося в наше время, водомерного поста кто-то даже соединил небольшое озерцо с рекой, устроив, таким образом, небольшую искусственную гавань. Так как срок эксплуатации судов был всего 2-3 навигации, то весь берег был захламлён останками судов, что, конечно, очень мешало выгрузке-погрузке грузов и товаров.

По свидетельству посланника Н.Г. Спафария уже в 1675 году в полуверсте от острога находилась слобода торговых людей (это известный нам Слободской колхозный огород), где во время навигации сосредотачивалось огромное количество различных товаров для всей Сибири и основная перевалка торговых грузов производилась, несомненно, в районе Слободской курьи.

Велико значение Маковской пристани и волока было даже в начале XIX века. В очерке «Судьба сибирского

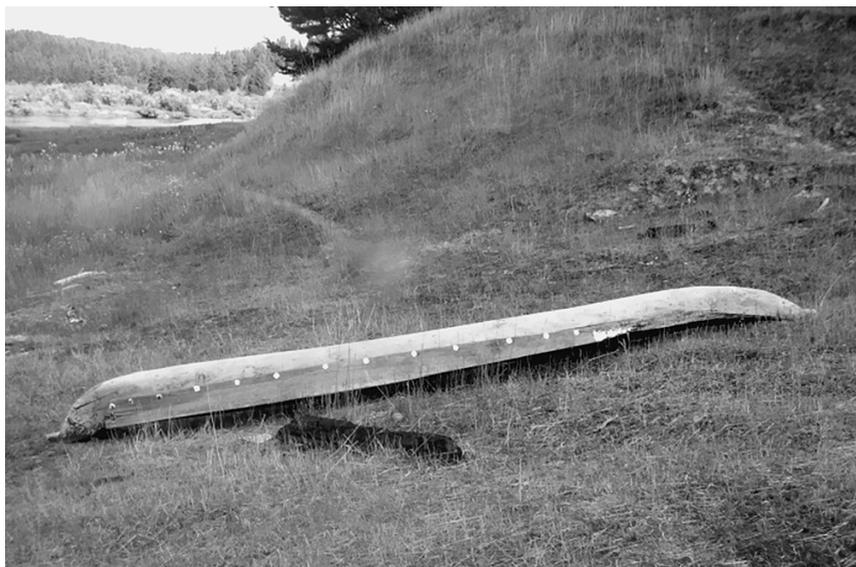
города» А. Стабилини приводит данные об объёме грузо-перевозок в 1814 году через Маковское в 10 млн. рублей, это огромная для того времени сумма. В это время по Кети перевозился, в основном, свинец с нерчинских заводов. За десять лет его перевезено около десяти тысяч тонн. Риддер Ф.Ф. около 1810 года писал: «Казённый свинец с реки Кети от Маковской пристани плавитца до Барнаульской, а в Казань идущий свинец – до Тобольской пристани».

Вот на этой стратегически важной реке и находился Маковский острог, известный не своими военными укреплениями и оборонительными функциями, а перевалочной пристанью для пути на восток.

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Коренные жители – остяки-кеты летом по рекам передвигались в обласках, называемых в других местах по-разному – долблёнками, осиночками. Н.Г. Спафарий пишет: «А ходят они в лодках самых лёгких, деланы деревянные, сидят по 5 и по 6 человек и болши». Обласки выдалбливались из толстых, осиновых, без сердцевинной гнили брёвен, распаривались и разводились в ширину распорками. В зависимости от назначения имели разную грузоподъёмность – от 150 до 600 килограммов. Какое же изумление и любопытство у остяков вызвали те первые, невиданные доселе большие суда – дощаники и каюки, прибывших бородатых русских служилых людей! Наверное, такое же, как первый самолет в Маковском или первый вертолёт, приземлившийся в конце

1950 годов посреди села у клуба, когда посмотреть на них сбегались и стар, и мал.

Зимой остяки передвигались на широких камусных лыжах, грузы перевозились на нартах – высоких, длинных до 3-х метров и узких, в ширину лыжни, санях, в которые в помощь человеку подпрягались 1–2 собаки, таким образом, за один раз доставляли до 150 килограммов охотничьих припасов или продукции охоты.

Тунгусы-эвенки ещё и в начале XX века иногда приезжали в Маковское на оленях, впряжённых в оленье нарты.

Служилые и торговые люди до Маковского острога прибывали в грузовых судах, в основном, дощаниках и каюках «топорного дела». В XVII веке пилы на Руси ещё не было и доски для изготовления судов тесали топорами из брёвен, расколотых пополам с помощью клиньев. Отсюда и пошло название «тёс» – не пиленые, но тёсаные доски. Толщина тёса была не очень равномерной и, думается, не меньше 5–7 сантиметров, поэтому суда имели большой вес и были непригодны для перетаскивания на большие расстояния из одной реки в другую. Легче было построить новое судно в бассейне другой реки.

Изготавливать тёсаные доски было окончательно запрещено только в середине XVIII века.

Кроме этих использовались и другие типы судов. В описанных Н.Н. Оглоблиным сибирских «Сметах судов и судовых припасов» упоминаются: «лодья, дощаники, струги, лотки, струшки, каюки, каючки, кочи и пр.». Сметы имели цель вести полный учёт всех государевых судов и снастей, кроме частных, с указанием их краткой описи, куда и за какой надобностью посланы, года постройки. Указывалось и количество вновь построенных судов. Упоминается «Енисейская роспись дощаников и других государевых судов, находящихся в Маковском остроге в 1716 году».

В труде Е.В. Вершинина «Дощаник и коч в Западной Сибири» описаны дощаники и каюки, применяемые в бассейнах рек Оби и Енисея. «Дощаники, наиболее употребительные суда XVII века, грузоподъёмность от 600 до 3000 пудов, ширина 4,5 метра, высота 2 метра, осадка 1 метр, длина от 21 до 26 метров.... В 1697 году грузоподъёмность казённых дощаников определялась в 240 четей ржи или 380 четей овса». Енисейская четь равнялась 4 пудам, таким образом, грузоподъёмность казённого дощаника составляла от 15 до 24 тонн. Несколько большей грузоподъёмности были торговые дощаники, размеры которых строго не регламентировались. Дощаники имели парусную оснастку, несколько пар вёсел, шесты, прочные верёвки – то есть всё для передвижения по большим и малым рекам. Для предохранения груза от воды делалась прочная крыша из колотых досок и бересты, для прохода в трюм делалось несколько дверей. Он также пишет: «Дощаники, построенные в этих уездах (в основном в Верхотурском), предназначались для плаваний по Иртышу и Оби. Некоторые из них шли только до Тобольска, но большинство отправлялись дальше. На них доставляли хлеб в Сургут и Березов, плыли до Маковского волока направлявшиеся в Восточную Сибирь отряды служилых людей и воеводы, ссыльные, колодники и послы в Китай».

У него же: «Сибирский каюк – парусно-гребная беспалубная крытая лодка. Большой торговый каюк мог достигать даже 7 сажен (15 метров) в длину и поднимать до 300 пудов хлеба» (около 5 тонн).

Во время царствования Петра I по всей России вводились новые, современные для того времени типы судов, на европейский манер. Суда старинного типа рядом указов 1714–1715 гг. строить было запрещено. И только поняв, что новые суда для мелких сибирских рек непригодны, царским повелением в 1723 году было предписано «о нестроении в Сибири судов новым манером».

Кстати, на гербе города Тюмени с 1785 года и до сих пор сохранилось изображение старинного дощаника, это говорит о больших заслугах этого типа судов в освоении Сибири.

Вопреки здравому смыслу некоторые современные путешественники строят из пиленных досок лодки грузоподъемностью 2-3 тонны и с гордостью именуют их дощаниками.

Как назывались такие лодки в старину можно только предполагать.

Фаддей Булгарин в соавторстве с Н.А. Ивановым в 1837 году выпустили книгу: «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношении. Ручная книга для русских всех сословий», в которой они описали, как доставлялись китайские товары и свинец с Нерчинских заводов через Ангару в Тобольск:

«...проплыв им (Енисеем) вниз по течению 80 вёрст, пристают при устье Кеми к селу того же имени. Здесь перегружают клади на подводы и сухим путём перевозят 90 вёрст через, так называемый, Маковский волок до села Маковского, которое стоит на берегу Кети. При благоприятном пути из Иркутска водяной сплав по Кети начинается в половине июля на плоскодонных павозках, поднимающих до 1200 пудов. Оне длиною в 12 сажен, шириною в 8 аршин с двумя вёслами на стороне...».

«... но свинец имеет своё исключение. Он зимует в Енисейске; к весне перевозится в село Маковское и к 10 мая нагружается в суда, которые поднимают от 10 до 12 тысяч пудов. Качество сих судов, оснащённых по надлежащему, и ранний выход в полую воду, из села Маковского, способствуют доставлению свинца в Тобольск к 20 числу июля».

В этом же разделе книги они описывают подобные суда: «...Их построение производится близ Ачинска с сентября месяца из ели и сосны. Длина их от 13 до

15 сажен, широта (ширина) от 8 до 10 аршин. Они имеют дек, по 9 и 10 вёсел на стороне и мачту с двумя парусами: понизовым и противным».

Перевозка различных грузов и товаров между Маковским острогом и Енисейском осуществлялась на лошадях, вначале вьюками, а после расширения дороги на колёсных повозках и на санях. Современные авторы указывают еще и волокуши, но мне встречать в старинной литературе такой вид перевозки не доводилось.

Местные перевозки товаров для «низовских» деревень Маковского сельсовета осуществлялись по зимнику на лошадях до с. Маковского и только с 1954 года, с появлением в маковском колхозе гусеничного трактора, часть товаров стали завозить в Маковское на нём, хотя рыбокооп основной завоз по-прежнему осуществлял на своих лошадях. Весной и летом товары отправлялись вниз по Кети катером с двумя лодками-илимками на буксире, грузоподъёмностью каждая около 10 тонн, которые гордо именовались у нас «баржами». Так продолжалось до конца 60-х годов 20 века, пока существовал Маковский рыбокооп. После его ликвидации весь завоз товаров в «низовские» деревни производился самолётами Аэрофлота. С появлением лесоучастков и зимника в с. Маковское основной завоз товаров длительного срока хранения стал осуществляться автотранспортом, но многие товары доставлялись в летнее время и самолётами.

Было регулярное пассажирское авиасообщение между Енисейском, с. Маковском и деревнями Маковского сельсовета. В расписании до Маковского был один ежедневный пассажирский рейс, кроме воскресенья, а в сезон сбора брусники в отдельные дни выполнялось около десятка рейсов.

А теперь только два рейса вертолёта в месяц до Айдары с посадкой в Маковском и зимник по лесовозной дороге.

Летом в Маковское можно иногда попасть с оказией на гусеничном вездеходе по разбитой лесовозной дороге с глубокими колеями, лужами, ямами и ручьями. Расстояние в 70 километров от Ялани до Маковского можно с трудом преодолеть за 5-6 часов. И это в век техники!

Это же расстояние в 1878 году Епископ Енисейский и Красноярский Антоний в конном экипаже проехал практически за такое же время. О чём имеется запись в Путевом журнале по обозрению церковей Енисейского округа: «Поездка в село Маковское неудобством пути стоит больших затруднений. Не было возможности вперёд в продолжение 7 часов, а обратно 6 часов сидеть сколько-нибудь спокойно в экипаже».

Дорога в Маковское 140 лет назад была явно лучше нынешней.

ОБЬ-ЕНИСЕЙСКИЙ ИЛИ КЕТЬ-КАССКИЙ КАНАЛ

Желководная летом и осенью река Кеть и более чем восьмидесятивёрстный Маковский волок очень затрудняли путь на восток. Поэтому в конце XVIII века возникла идея соединения бассейнов рек Оби и Енисея судоходным каналом. При осуществлении этой идеи получался бы непрерывный Транссибирский водный путь от Урала до Байкала и верховьев р. Селенги. Всего два волока – через Уральские горы и с р. Селенги в бассейн р. Амура – соединили бы Волгу с Тихим океаном.

Первое упоминание о канале встречаем у историка-архивиста, исследователя Сибири П.Н. Буцинского в труде «Заселение Сибири и быт её первых насельников»: «В 1797 году Иркутский кривгс-комиссар генерал-майор Новицкий представил проект о соединении Обского и Енисейского бассейнов посредством канала между реками Тымом и Сымом».

В следующем году состоялось царское повеление главному директору водяных коммуникаций действительному тайному советнику Я.Е. Сиверсу об осуществлении этого проекта, но приведение такового в исполнение не состоялось, вероятно, из-за постоянной нехватки денег в царской казне, а на осуществление проекта нужно было два с половиной миллиона рублей, очень большие деньги в те времена.

У И.В. Щеглова в «Хронологии истории Сибири» встречаем новое сообщение о канале: «20 ноября 1809 года учреждён в Сибири X округ путей сообщения, на обязанности, которого лежало приведение в исправность дорог и водяных путей. Округ существовал в 1810–1814 гг. и Правление посылало инженеров для исследования судоходных путей, служащих прежде сообщением вод Обского и Енисейского бассейнов, между реками Вахом и Елогуем, Тымом и Сымом, Кетью и Кемью. Личное участие в обследовании окрестностей Маковского волока принимал управляющий директор полковник-инженер Ф.Ф. Риддер. По исследованию местности не было установлено особых препятствий к устройству соединительных каналов по какому-либо из этих трёх направлений. При этом между реками Кетью и Енисеем произведены были более подробные изыскания и составлен проект на соединение р. Сочура посредством канала длиною 8 вёрст с р. Малою Песчанкою, впадающей в Большую Песчанку, текущую в р. Кемь, приток р. Енисея». Но и этому проекту не суждено было осуществиться.

У него же встречаем ещё одно упоминание о канале, датированное 1841 годом: «В Министерство путей сообщения представлена смета на устройство Кетского канала, по коей, на устройство этого канала со всеми гидротехническими сооружениями и на углубление рек Кеми, Большой и Малой Песчанок, Сочура и Кети требовалось 950 тысяч рублей ассигнациями. (Но это не подвинуло вперед дело об устройстве канала).

При этом любопытно ещё и то обстоятельство, что Правление X округа путей сообщения предполагало, в общей связи с Кетским каналом, устроить Васюганский канал, для сокращения пути между Тобольском и Енисейском с лишком на 500 вёрст (предполагалось соединить каналом реки Туй и Васюган, имеющие начало в Барабинской степи и изливающиеся, первая в Иртыш и вторая в Обь. Для выполнения этого предположения, по осмотре местности, никаких препятствий не открылось, но на этом дело и остановилось)».

Таким образом, путь из Тобольска до Енисейска проходил бы по совершенно другому маршруту: р. Иртыш – ее правый приток р. Туй – канал – левый приток р. Оби р. Васюган – р. Обь – р. Кеть – р. Сочур – канал – реки Малая и Большая Песчанки – р. Кемь и р. Енисей.

Понимая огромное значение Обь-Енисейского водного пути, как для торговли, так и для государственных перевозок продовольствия, людских ресурсов, в 1861 году владелец пароходства ссыльный поляк Юзеф Адамовский обратился в Министерство финансов с просьбой разрешить за свой счёт строительство канала или железной дороги между реками Кетью и Енисеем и летом 1862 года начал изыскательские работы на предполагаемом пути канала. Однако правительство считало невозможным строительство канала частным лицом и разрешение не было выдано. Изыскательские работы были прекращены.

И только в конце XIX века был составлен новый проект канала между реками Кетью и Касом. Изысканиями занималась в 1875 году экспедиция под руководством лейтенанта флота Александра Карловича Сиденснера, потомственного офицера из дворян Великого Княжества Финляндского, входившего в состав Российской империи, впоследствии адмирала. Предусматривалось использовать естественную речную систему, что давало возможность значительно снизить затраты на земляные

работы. Корреспондент газеты – современник проекта описывает это так: «По проекту экспедиции путь от р. Оби должен идти по рекам Кеть, Озёрная, Ломоватая и Язёвая, обходя верховья последней каналом в 1 версту 435 сажен; далее по Большому (Водораздельному) озеру, из которого канал длиною в 7 вёрст 175 сажен вступает в притоки Енисея – Малый и Большой Кас, с устройством при впадении последнего в Енисей, канала в 1 версту 100 сажен».

В 1878 году барон Бьорк Александрович Аминов – будущий начальник строительства канала, дополнительно производил техническое исследование водораздела между реками Кетью и Касом для выяснения возможности соединения Обского и Енисейского бассейнов.

Строительство первого и единственного в Сибири искусственного судоходного канала началось в 1883 году. Руководил работами начальник Томского округа путей сообщения инженер барон Б.А. Аминов.

До постройки Транссиба это был самый масштабный строительный проект в истории Сибири. В летнее время в работах участвовало до двух тысяч вольнонаёмных рабочих, в основном из Томской и частично из Енисейской губерний. Работать приходилось в воде и болотах; проводили обводные каналы, спрямляли русла рек, строили лежнёвки, шлюзы и новые каналы (7,8 версты), жильё. Жара, вода и таёжный гнус, от которого спасались только накомарниками, дёгтем и дымокурами, делали труд невыносимо тяжёлым. Историки называют строительство канала уникальным, так как оно впервые производилось в практически незаселённой лесной болотистой местности, почти без механизмов, за исключением паровой машины, приводящей в действие копёр для забивки свай и «архимедова винта» – водоподъёмной машины (шнека в наклонной трубе) способной поднимать наверх воду вместе с илом.

Одновременно с каналом строился и базовый посёлок Новый Стан. В нём были построены церковь, больница, конторы управления строительством и лоцманской службы, кирпичный завод, лесопилка, слесарная мастерская, пристань, имелось около 50 жилых домов. Вдоль канала были построены бараки для рабочих-землекопов, дороги, как вдоль канала, так и до Колпашева на Оби и Нижнешадринной на Енисее.

Из-за отсутствия в казне нужной по проекту суммы денег уже в начале строительства по решению Министерства путей сообщения проект был изменён – уменьшили ширину и глубину канала, сократили количество шлюзов с 29 до 14, по 7 со стороны Кети и Каса. В итоге по каналу могли проходить только малотоннажные суда, грузоподъёмностью до 500 пудов, а в половодье до 5000 пудов, да и скорость прохождения канала была медленной. В шлюзах помещались суда длиной до 22 м и шириной до 7,5 м, осадкой 1,25 м. Суда в шлюзах поднимались постепенно на высоту 17 сажен.

Из дневника красноярского протоиерея Василия Дмитриевича Касьянова известно, что в июне 1888 года из Томска по Обь-Енисейскому каналу приплавлено в Енисей на барже 3 тысячи пудов муки, а в конце июня 1889 года 500 пудов крупчатки на устье Каса.

Со строительством канала запоздали на целое столетие. К моменту окончания основного этапа строительства (1893 год) быстрыми темпами велась прокладка Транссибирской железной дороги. Её к этому времени довели уже до Оби, а в 1898 году до Красноярска и канал после ввода в эксплуатацию Транссиба имел только местное значение. Однако во Всеподданнейшем докладе в 1895 году уже шла речь о необходимости реконструкции канала. На заседании Междуведомственной комиссии в ноябре 1909 года бывший начальник строительства – начальник Томского округа путей сообщения Б.А. Аминов докладывал о «необходимости переустройства Обь-Енисейского

соединительного пути, как составного звена Транссибирской водной магистрали».

В 1897–1898 гг. продолжающимися работами по проведению Обь-Енисейского водного канала руководил начальник участка коллежский асессор, инженер путей сообщения Станислав Антонович Жбиковский, а шлюзным мастером был дворянин Степан Иосифович Подгурский.

И только в 1911 году была произведена попытка расширить старый или построить новый канал. Для изыскания Обь-Енисейского водного пути была организована экспедиция под руководством инженера путей сообщения Е.В. Близняка. В течение трёх лет велись съёмки Кетско-Кемского и Сочур-Кемского водоразделов, производились расчёты возможных путей прокладки канала, варианты (а их было 7) обсуждались на разных уровнях.

Для нас – жителей с. Маковского и Енисейского района, интересны следующие варианты, описанные в книге Е.В. Близняка:

1. р. Кеть – р. Озёрная с притоками – существующий канал – р.р. Малый и Большой Кас;

2. р. Кеть – р. Сочур – перевал – р. Песчанка – р. Кемь;

3. р. Кеть – р. Шайтанка – водораздел – р. Нижняя Берёзовая – р. Тья – р. Кемь;

4. р. Кеть – р. Шайтанка – водораздел – р. Верхняя Берёзовая – р. Тья – р. Кемь;

5. р. Кеть – р. Большая Кеть – водораздел – р. Тья – р. Кемь.

Наиболее перспективным представлялся вариант 5, так как канал проходил бы по наиболее населённым местам, которые усиленно продолжали заселяться крестьянами-переселенцами во время столыпинской аграрной реформы. Варианты 2–4 имели существенный недостаток – отсутствие необходимого запаса воды для заполнения шлюзов и большой перепад высоты (до 57 сажен) при пересечении водораздела.

При неоднократных обсуждениях вариантов прохождения канала было принято решение о расширении существующего канала, который имел к тому же необходимые незадействованные запасы воды. Решающим аргументом стала предварительно рассчитанная стоимость переустройства канала, которая оказалась на 31,5 млн. рублей дешевле, чем строительство Кеть-Тыя-Кемского канала. Сметная стоимость, по некоторым источникам, могла составить около 33 млн. рублей. Теперь вспомним, что сметная стоимость работ по первоначальному строительству канала в 1883 году была определена в 8 млн. рублей, а было выделено и освоено всего 3 млн., то есть затраты на переустройство были бы больше в 11 раз, чем осуществлённое ранее строительство.

Переустройству канала помешала Первая мировая война. Ещё некоторое время канал, имея местное значение, использовался, и по нему осуществлялись перевозки до 1921 года, когда отступающие белогвардейцы Олиферова взорвали часть шлюзов и разрушили «баронский тракт» – лежнёвки, проложенные во время строительства. В советское время к переустройству канала уже не возвращались.

Некоторыми авторами приводятся сведения о проводке судов по каналу во время Великой Отечественной войны (1942 г.) и 6-ти малых рыбацких катеров, построенных на Колпашевской судовой верфи, из Оби в Енисей во время весеннего половодья в 1964 году. Мне помнится о перегоне с Енисея катера для Маковского рыбокооператива и прохождении небольшого катера с баржей какой-то экспедиции из Енисея в Кеть в конце 50 – начале 60 годов прошлого столетия.

Таким образом, Обь-Енисейский или Кеть-Касский канал, называемый народом во время строительства «Прокоп», так и не стал связующим звеном единой Транссибирской водной магистрали и теперь только экстремалы – любители острых ощущений испытывают

свои силы при прохождении этого очень трудного пути на велосипедах, джипах или водных мотоциклах-скутерах.

В 1991 году Обь-Енисейский канал внесён в список памятников природы Красноярского края. В Верхнекетском районе в 2011–2012 гг. проводились работы по изучению канала, как объекта истории и культуры Томской области.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Существовал и ещё один транспортный проект, осуществиться, которому было не суждено. Это Томско-Енисейская железная дорога протяженностью 482 версты. Идея строительства этой дороги возникла ещё в середине XIX века.

Ссылный поляк Юзеф Адамовский в 1861 году кроме строительства канала между бассейнами Оби и Енисея предлагал построить железную дорогу между Кетью и Енисеем, однако, Министерство финансов не одобрило его предложения.

В труде «Хронология истории Сибири» И.В. Щеглов сообщает, что в 1882 году учёный М.О. Маркс на средства купца Харченко исследовал кратчайший путь от Енисейска к пристани на реке Чулым у озера Полуустного и определил возможность устройства конно-железной дороги, как более дешёвого и удобного способа соединения речных систем Оби и Енисея. Однако, конно-железная дорога была признана не отвечающей потребностям государства и решено было построить железную дорогу на паровозной тяге.

В 1910 году Енисейская городская дума ходатайствовала о проведении железной дороги от Ачинска через Мелецк до Енисейска.

Но этот маршрут в то время был признан неактуальным, и летом 1913 года началась разведка нового маршрута планируемой железнодорожной ветки. Дорога от Томска должна была пройти через Асино – пересечь реку Чулым – в районе д. Ворожейки пересечь р. Кеть – пройти к с. Маковскому, затем вдоль Маковского волока, пересечь р. Кемь и выйти к Енисею в западной части г. Енисейска на незатопляемой в половодье горке. По замыслу проектировщиков железная дорога от Енисея должна бы пройти далее по правобережью Ангары на Якутск и затем к тоннелю под Беринговым проливом в Северную Америку.

Первостепенной целью строительства железной дороги было выйти к Енисею, посредством его соединиться с Северным морским путем, вдохнуть жизнь в неосвоенные таёжные пространства Кетско-Чулымского междуречья, привлечь в экономику огромные запасы хвойного леса. Железная дорога должна была дать много рабочих мест на предприятиях по заготовке древесины, обслуживанию путей, обработке грузов. Намечены были переселенческие участки.

Строительство Томско-Енисейской железной дороги началось в 1915 году и должно было завершиться в 1918 году, но уже в 1916 году было остановлено в связи с нехваткой финансов из-за продолжающейся Первой мировой войны. Затем две революции, гражданская война и восстановление разрушенного хозяйства. В 1930 году строительство дороги решили продолжить, частично расчистили от леса трассу и отсыпали полотно; на середине ветки, на правом берегу Чулыма, построили базовый посёлок Центрополигон, но нашлись более важные народно-хозяйственные дела и средства пошли на строительство Новокузнецкого металлургического комбината. До п. Асино (а это около 100 километров пути), после продолжительного перерыва, дорогу в 1939 году силами спецпереселенцев и заключённых Асинлага всё же достроили, на все 482 версты денег не хватило. А вскоре ещё более страшная война и после неё восстановление народного хозяйства.

После гибели в 1951–1956 гг. от сибирского шелкопряда елово-пихтово-кедровых лесов в междуречье Кети и Чулыма строительство Томско-Енисейской железной дороги совершенно утратило свою актуальность. Так и не довелось нам проехать от г. Енисейска по железной дороге до Томска.

Но, оказывается, всё еще впереди.

Стратегией развития железнодорожного транспорта России до 2030 года, утверждённой правительством

в июне 2008 года, предусмотрено строительство Северо-Сибирской железной дороги. Она должна пройти от Сургута и Нижневартовска на Колпашево, правым берегом Кети на Белый Яр и Лесосибирск, пересечь Енисей и по левобережью Ангары пройти через Карабулу на Усть-Илимск, где уже есть выход на Байкало-Амурскую магистраль – знаменитый БАМ.

Новая железная дорога обеспечит ускоренное развитие Ангаро-Енисейского промышленного комплекса и будет иметь выходы на Транссибирскую магистраль через ныне тупиковые ветки Белый Яр-Асино-Томск, Лесосибирск – Ачинск, Карабула – Решоты.

То есть Енисейск не останется на слишком большом расстоянии от железной дороги и не мы, так наши потомки проедут по ней до Москвы и Владивостока.

МАКОВСКИЕ НАСЕЛЁННЫЕ ПУНКТЫ

*«Родная деревня краше
Москвы».*

Сибирский афоризм

Панорама с. Маковского – вид с реки. Фото 2000 год

Первый населённый пункт – это, конечно, Маковский острог. О нём уже сообщено в предыдущих главах.

Вспомните, как описал Маковский острог Н.Г. Спафарий: «...стоит на красном месте, на Кете, на яру...».

В детстве я много раз плавал на моторной лодке по Кети с отцом до Ворожейки и на такое же расстояние вверх по реке и считаю, что невозможно найти на Кети другое такое красивое, я даже бы сказал, величественное место. Всё здесь необычно – резкая смена общего направления течения Кети, которое изменяет Красная горка, большая песчаная отмель, курья и небольшие озёрки без названий, разлив в ширину перед Красной горкой,

высокие, поросшие на склонах елями и кедрами, холмы, а во впадинах между холмами текут весенние ручьи. С холмов открывается прекрасный обзор на заречный обширный луг с озёрами.

После острога были основаны деревни Ворожейка и Рыбная, которые изначально выполняли функции промежуточных пунктов на пути по Кети и Маковскому волоку, каждая в одном дне пути от Маковского.

Первое упоминание о д. Ворожейке встречено мной у посланника Н.Г. Спафария. Во время своего путешествия в Китай в 1675 году он пишет 5 июля: «На правой стороне (это по его передвижению) деревня русская Ворожейкина. А та деревня стоит на красном (т. е. красивом) месте на яру. От Кецкого острога первое житьё по всей Кети и хлеб всякой родится много. А в присуде та деревня к Маковскому острогу. А живут в той деревне крестьян 6 человек; и от той деревни до Маковского сухим путём езды сутки, а водою двои сутки».

Присуд – это предшествующая волости административно-территориальная единица, входящая в состав уезда, включающая в себя несколько поселений, территориально и экономически тяготеющих в нашем случае к Маковскому острогу, во главе с приказчиком из служилых людей (сыны боярские, сотники, пятидесятники).

Российский посол Избрант Идес, в 1692 году проехавший на судах по Кети с посольством в Китай сообщает о том, что Ян Георг Ветсель, художник, сотрудник посольства, скончался 3 октября у деревни Ворожейкиной и 7 октября был похоронен посреди Маковского, на пригорке у реки.

В Переписной книге пашенных крестьян Енисейского уезда 1710 года она числится почему-то деревней Усть-Мендельской, вероятно, из-за её месторасположения вблизи впадения реки Мендель в Кеть, в которой проживало семь семей крестьян.

*Деревня Ворожейка. Фото
2014 год*

Историк Г.Ф. Миллер в своих путевых описаниях в начале 1735 года приводит список деревень, которые относятся к Маковскому острогу:

1. Тархова, на реке Большая Кеть, немного выше устья р. Малая Кеть;

2. Калинина, или Полухина, на юго-западном берегу р. Кеть, в 30 верстах выше острога (расстояние указано водным путём);

3. Филипова, на том же берегу, в 10 верстах выше острога (сухим путём).

4. Ворожейкина, на южном берегу р. Кеть, в 40 верстах ниже острога (сухим путём);

5. Серёдкина (позднее он пишет «или Ворошилова»), на том же берегу в 12 верстах ниже предыдущей.

В этом перечне населённых пунктов отсутствует Лосиновборский монастырь, но он описан у него на другой странице.

К сожалению, у Г.Ф. Миллера пропущена д. Рыбная, хотя она к тому времени уже существовала и в Переписной книге Енисейского уезда 1669 года в ней числилось пять посадских людей.

О д. Рыбной ранее сообщает Н.Г. Спафарий: «А жилья нет на том волоку (Маковском), oprичь одного места, толко на одном месте есть изба одна, где живут люди (это место позднее имело название Бармино зимовьё и Антонова деревня или Антошка). А после волоку выходят на еланьные места. И тут есть деревня небольшая под самым волоком (это и есть Рыбная). А после того недалеко есть деревня болшая, в которой острог и церковь (с. Большая Елань – ныне д. Ялань)».

*Здесь на Маковском волоке была расположена д. Рыбная.
Фото 2014 год*

Н.Г. Спафарий сообщает также и о д. Тарховой: «А от Маковского острогу еще три днища (то есть три дня пути) есть деревня русская при берегу Кети».

Количество дворов в разные годы по селу Маковскому и деревням приводятся в следующей таблице:

Название населенного пункта	годы			
	1789	1859	1893	1917
Маковское	38	46	44	63
Ворожейка	8	7	10	19
Лосиноборское	5	4	3	6
Рыбная	13	11	10	11
Филиппова	4	4	6	8
Калинина		3		
Бармино зимовьё	2	1	сгорело	

В разные годы на Кети, на землях Кабинета Его Императорского Величества имелось 3–5 остьятских улусов (Налимский, Урашенский, Глазковский, Марковский, Колоколенский) с количеством юрт от 4 до 11. Самым крупным был Марковский, в котором

в 1859 году было 65 жителей и даже имелась православная часовня.

Часовни были также в д. Ворожейке и Лосиноборской.

Лосиноборское в разное время носило неодинаковый статус населенного пункта: было пустыней, вотчиной, монастырём и деревней.

*Деревня Лосиноборское.
Фото 2006 год*

Все старожильческие русские деревни в отличие от инородческих улусов располагались на казённых землях.

С 1783 года, когда присуды были заменены на более крупные административно-территориальные единицы – волости и до образования в 1920 годах Маковского сельсовета, все населённые пункты Маковского сельского общества входили в состав Яланской волости. В селе Яланском находилось волостное правление, которое возглавляли волостной старшина, а позднее волостной староста; становой пристав 4-го участка; полицейский урядник 5-го участка; врачебный участок; сельское двухклассное училище, основанное в 1861 году; Сретенская церковь (к её приходу относилась д. Рыбная); одно казённое питейное заведение.

В селе Маковском в то время была Покровская церковь, казённый запасный магазин, одноклассная церковно-приходская школа, открытая одной из первых в Енисейском уезде в 1888 году.

В послереволюционное время, около 1929 года, бежавшие от коллективизации и переселившиеся на р. Кеть и её притоки, староверы основали много небольших деревень и заимок. В 1929 году их было уже 17. Количество заимок постоянно менялось, одни жители уезжали, другие приезжали и селились на этом же или на новом месте. В самом с. Маковском староверов до девяностых годов 20 века практически не было. Отдельные семьи в разное время приезжали на жительство, но спустя непродолжительное время уезжали.

Количество населённых пунктов на территории Маковского сельского Совета в середине XX века доходило до 30 и более. Те, что были покрупнее существуют до сих пор: Айдара, Лосиноборское, Суханова, Ворожейка. Все мелкие, с количеством хозяйств от 1 до 3, давно разъехались. Тем не менее, считаю необходимым перечислить все населённые пункты, включая старожильческие, инородческие и староверческие.

На р. Кети – Половинка, Колокольникова, Айдара, Олёнка, Маркова, ещё Половинка, Язёвка, Глазкова, Злобина, Урашная, Горбунова, Налимка, Маркова, Лосиноборское, ещё одна Половинка, Быстрый Яр, Ивашкова, Серёдкина, Ворожейка, Маковское, Филиппова, Калинина.

На р. Еловой – Усть-Еловая, Чёрная Речка, Колегова, Суханова, Сухановская, Казанцева, Соломенникова, Пустошная, там же Фалилеева, Чекуровская.

На р. Сочур – две заимки Сочур и Сочур 2.

На р. Мендель – одна заимка.

На Енисейской дороге – Антошка и Рыбная.

В бассейне р. Кас – Кельма, Кельма2 и Якша.

А ещё в разных местах – Новая Безводная, Весёлая курья, Берёзовая, Короткова, Вешняя, Полуярск,

Питерская, Юркова, Трофимова, Озерная, Бельники, Низовская, Сахарова.

Как вы обратили внимание, на Кети было три заимки с одинаковым названием «Половинка». Это название действительно связано с половиной пути между населёнными пунктами, например, между Ворожейкой и Лосиноборском, существовали они для ночлега путников во времена перевозок по Кети водным и гужевым транспортом. Среди названий населённых пунктов они нигде в официальных документах XVII–XIX веков не встречаются, тем не менее, эти маленькие заимки или зимовья должны были существовать уже в XVII веке.

В 1930 году в 40 километрах от с. Маковского вблизи речки Шайтанки поселены ссыльные крестьяне во вновь образованном посёлке Ларионовском, по-местному Шайтанке. Просуществовал он до конца 1940-х годов.

НАЗВАНИЯ НАШИХ МЕСТ

*Ах, ты малая Родина,
Дорогие места...*

Игорь Тавдин

Рслушайтесь и вдумайтесь в названия наших старожильческих поселений – МАКОВСКОЕ, ВОРОЖЕЙКА, ЛОСИНОБОРСКОЕ, ФИЛИППОВА, КАЛИНИНА, РЫБНАЯ, БАРМИНОЗИМОВЬЁ, то же деревня АНТОНОВА. Где ещё можно встретить сразу столько красивых и звучных названий?

Красноярский поэт Игнатий Рождественский, бывавший много раз в Маковском и на Кети, с любовью отметил в одном своём стихотворении названия наших мест:

*Быстрый Яр, Айдара, Ворожейка –
Дорогих мне имён череда,
Ты придумать звучней сумеи-ка!
Не придумаешь никогда.*

Как и многим нашим землякам, мне интересно узнать от чего произошли названия наших населённых пунктов, улиц, рек, ручьёв, яров, стариц, курей. Со времени начала освоения р. Кети и заселения территории прошло уже четыре века и доподлинно восстановить происхождение многих названий не представляется возможным. Выскажу свою точку зрения и с благодарностью приму любые дельные замечания и поправки.

Историк Г.Ф. Миллер приводит изменение названия Маковского острога. Как известно острог был построен на месте стоянки остяцкого князя Намака и, по Миллеру, вначале назывался Намаковским, Намацким, затем Макьцким, Макуцким, Макоцким и, наконец, Маковским или от первоначального названия «Намаковский

«был постепенно утрачен первый слог «На». Издавна бытует и другой вариант происхождения названия Маковского острога – он расположен на маковках (вершинах) прибрежных холмов.

Свою историю имеют и старые названия улиц в селе: «Слобода» – название возникло от места расположения торговой слободы;

«Хутор» – от поселенных вблизи острога в 1669 году беломестных казаках;

«Большая улица» – самая центральная по местоположению и самая прямая. Названа так, вероятно, по аналогии с названием центральной улицы уездного города Енисейска (ныне улица Ленина);

«Солдатская улица» – на ней в конце XIX века жили два отставных унтер-офицера – Максимов Захарий Ксенофонович и Белозёров Пётр Алексеевич;

«Угор» – улица расположена на склоне угора (горы), на котором был расположен острог;

«Червяный угол» – небольшая улица, расположенная вдоль Кети, с небольшим переулком. Объяснить название не могу. Андрей Иннокентьевич Панов высказал версию происхождения названия этой улицы – непогода на село всегда надвигается с юго-западной стороны, и эта улица первой принимает дождь, т. е. это наиболее сырое и мокрое место.

Лосиноборское, как утверждает историк Г.Ф. Миллер, получило свое название от Лосиноя яра и расположенного там тёмного леса, в котором была превосходная охота на лосей.

Название Ворожейка или в документах XVII–XVIII веков Ворожейкинская и Ворожейкина деревня, по моему мнению, произошло от прозвища «Ворожейка». Жил в наших местах во второй четверти XVII века крестьянин Костя Ворожейка. Его имя встречается в 1639 и в 1646 годах в «Росписи имеющих лошадей» в Енисейском остроге (без указания названий деревень). У пашенного крестьянина Кости Ворожейки числилось

сначала одна, затем две лошади. Предполагаю, что этот Костя и мог быть первым жителем и основателем деревни Ворожейки.

Деревни Серёдкина, Филиппова, Полухина и Тархова названы по фамилиям и именам их основателей.

Сложнее с объяснением названия деревни Рыбной. Речушка Рыбная, на которой была расположена эта деревня, не была богата рыбой. Возможно, что её называли так из-за того, что все проезжие, и из Маковского, и из Енисейска, рассчитывались с хозяином постоянного двора рыбой. Это только версия.

Деревушка или зимовьё «Антошка», или другие названия – Бармино зимовьё и Антонова деревня, называлась так в одном случае по фамилии, в другом по имени Бармина Антона. Она известна с конца XVIII века как Бармино зимовьё, в середине XIX века носила название Антонова деревня и была расположена на середине пути между Маковском и Рыбной и носила те же функции, что и все заимки под названием Половинка. Сгорела около 1893 года, была снова отстроена и просуществовала до начала 1960-х годов.

Названия мест по реке Кети возникли ещё в первые годы освоения и сохранились до сих пор. Как я уже отмечал, посланник в Китай Н.Г. Спафарий в 1675 году приводит те же названия речек, яров, которые нам известны и доныне. Эти названия возникли из чьих-то имён или фамилий, как, например, боры Павлов и Пушкин или из приметных мест – боры Высокий, Долгое Плёсо, Долгий Яр, Глинка (там копали «белую» глину для побелки), Горелый, Домашнее Плёсо. Выше Маковского по Кети находятся боры: Плехановский, Шайтанский, Шевяк, Заречный, Трофимовский, Пашков, Малый, Тёмненький, Молчановский.

Реки Кеть, Сочур и Мендель (у Спафария Миндын, у Ремезова Минда) получили названия ещё от аборигенов-кетов, а вот их притоки имеют уже русские названия, хотя некоторые имеют и сложные для восприятия

и объяснения названия. Так река Большая Еловая встречается как Тет («тет» в переводе с остяцкого языка означает – река) и Чижандзи. Речки Бобровка и Окунёвка имеют точно выраженное название по обитаемым в них зверям и рыбам. Речка Боровая, протекающая по краю бора, в котором стоит с. Маковское получила название от бора.

Речка Вахрушёвка и Вахрушёв бор названы по фамилии Вахрушевых, проживавших в Маковском в XVII–XIX веках и имевших пашни по этой речке.

Речка Шайтанка протекает по пойме, густо заросшей пихтово-еловым лесом, и от того имеет дремучий вид, в котором по сказкам, обычно, живёт всякая лесная нечисть.

Ручьи, впадающие в эти речушки, имеют названия по фамилиям владельцев пахотных и сенокосных угодий (Полуянов) или по каким-то природным или внешним признакам, так Чёрный ручей протекает в густом лесу, ручей Косой Мост, вероятно, когда-то имел кривой, покосившийся мост.

Имеют названия и ручьи, впадающие в р. Кеть. Название Винный ручей произошло от сильного, винного запаха цветущих весной деревьев и кустарников. А вот Вшивый ручей возле Красной Горки, по моему мнению, не заслуживает этого названия, ведь вода в нем ключевая, чистая и прозрачная.

Каждая курья, старица или озеро вблизи с. Маковского тоже издавна имеют свои названия: курьи – Каменная, Павлова, Синовья, Берёзовая, Никитиха, Мысовская, Слободская; старицы – Банчикова, Каменная; озёра – Конопленник, Круглое, Чёртово, Учительское, Долгая Курья, Зыбунное.

Все основные дороги также имеют названия – Городская ведёт в г. Енисейск, Ворожейская в д. Ворожейку, Филипповская в д. Филиппову, Гаревая в гарь, т. е. на покосы и в поля, Шайтанская в д. Шайтанку (Ларионовку), Мельничная на мельницу, Бревенская

в лес по брёвна и дрова, Прямая – спрямляет путь к полям и сенокосам.

Как известно, крестьяне среди своих полей и сенокосов имели избушки (в других местностях их называли заимками), в которых жили со скотом и семьями всё лето и эти избушки носили названия хозяев. Но были и другие интересные названия сельхозугодий, такие как «Угол», или «Отвод». «Угол» – это сенокосы правее Мельничной дороги, несколько в стороне от других сельских угодий, а «Отвод» – сенокосы, отведённые сельским обществом священнику и дьячку за Чёрным ручьем в 10 километрах от села.

Названия Слободской огород, Слободской ручей, Слободской луг и Слободская курья возникли от расположенной здесь в старину торговой слободы, а не от названия улицы.

Красная Горка названа так из-за красноватого цвета слоистых песчаников у подножия горы.

В каменистых местах на поворотах реки образовались из мелкой гальки «Камешники», в окрестностях села их всего три.

Сохранились и другие интересные названия мест: Старая Поскотина, Заворы, Сенной бор, Коновальша, Прорва, Подпуткино, Сороки, у Гладкого пня, ручей под названием Мосточек. От колхозных времён остались названия бригад: Первая, Вторая, Мордвиново. Последняя реквизирована у лавочника Мордвинова Ивана Степановича.

По городской дороге имеется несколько мелких, практически пересыхающих летом, речушек и ручьёв, впадающих в Таху и Тыю – приток Кеми. Хмелёвка в 15 километрах от Маковского, Антошка (встречается в описаниях и как ручей Быстрый) в 25, Сухая в 38 и Рыбная в 45 километрах.

ПОСТРОЙКИ МАКОВСКОГО

Первым строением был непосредственно сам острог.

Подлинного описания или рисунка самого первого острога обнаружить не удалось. Кое-что известно из «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера. Как и большинство небольших острогов, он был обнесён бревенчатым частоколом, что помогло выдержать осаду тунгусов весной 1619 года.

Одновременно с постройкой острога началось и возведение зимовий для 150 стрельцов, прибывших с Албычевым и Рукиным. Описание зимовий тех лет встречается в замечательной книге красноярского краеведа Леонида Васильевича Безъязыкова «Красноярск изначальный». Зимовья представляли из себя небольшие срубы с земляным полом, низкие нары занимали половину помещений, небольшие окошки были затянуты брюшиной, стол из колотых плах располагался около окна, в стены вбиты деревянные колья, на них развешивалась одежда для просушки. Освещением служила лучина, «перинной» была высушенная трава и верхняя одежда. Он не указывает, как же отапливались зимовья, но из других источников известно, что они в те времена топились «по-чёрному», то есть дым выходил через «волоковое окно», вырубленное в двух соседних брёвнах, высоко в стене.

Острог был построен на самом высоком месте, откуда просматривалась река Кеть и вниз, и вверх по течению. Из записей священника Василия Иоаннова Дроздовского 1862 года в Памятной книге (летописи) Маковской Покровской церкви известно, что острог, по воспоминаниям старожил, был построен «на высоком яру реки Кети, против старой церкви».

По имеющимся остаткам камней от фундамента старой предыдущей церкви (известно, что старая

*Стрелкой показано место расположения острога.
Фото 2014 года*

церковь стояла на каменном фундаменте) место расположения острога вполне идентифицируется, т. е. располагался он на вершине холма, ближнего к кладбищу. Рядом были расположены дома жителей острога и села, что подтверждается записью священника Иоанна Петрова Сулова в Памятной книге церкви: «1885 год, апрель, 20 дня. В 6 часов утра в селе Маковском случился пожар, сгорела старая Покровская церковь (уже не действующая 21 год). При ветреной погоде погорели шесть деревянных домов с надворными постройками. Сгорел дом псаломщика Флегонта Попова».

После этого пожара жилые дома на вершине этого холма уже не строились, а при организации колхоза здесь были построены скотные дворы. Место острога было распаханно под огороды и там до сих пор выпахиваются большие камни от фундамента церкви.

В РГАДА найдены некоторые материалы с описанием Маковского острога постройки 1666 года.

В связи с тем, что острог с 1619 года не подвергался нападениям недружественных соседей, то он уже в середине века потерял свои оборонительные функции и в документах Российского Государственного архива древних актов (РГАДА) второй половины XVII века уже не встречено ни одного описания острожного вооружения (пушек, затинных пищалей), наличия запасов зелья (пороха), пушечных ядер и свинца в Маковском остроге. Но всё же служилые люди – годовальщики несли в нём сторожевую службу и известны вместе с беломестными казаками даже в 1682 году.

Наиболее полно острог описан в подлиннике дела 1666 года. Из описания становится понятно, что это уже не тот первый острожек, построенный наспех стрельцами Петра Албычева и Черкаса Рукина в 1618 году.

«В Маковском поставлен острог. На углах острогу зделаны четыре выходы з бойницами. Башня проезжая в вышину мерою и с обламами до кровли тритцать венцов, а на верху башни клетка рубленая десять венцов. А мерою та башня трёх сажен с печатными углами во двух стенах же. А на той башне зделаны бои верхней и средней и с поднизу. А мерою тот острог и с выходы сто шесть сажен. А около острогу зделаны надолбы кругом двойные с вязми и наметными слегами мерою кругом те надолбы сто пятьдесят сажен а поперёг по три сажени. И в том остроге поставлены Великого государя на хлебные запасы и для присылу казны шесть анбаров больших, да в том же поставлены будут торговых людей анбары для клатки привозу товаров. Да в Маковском же в разных местах засечено засеков триста сорок сажен. А острог поставлен на брёвнах на иглах. А делал тот острог и надолбы и засеки атаман Иван Колесников да посацкой человек Оська Банщикова да служилой человек Пронька Сиротинин».

Для лучшего восприятия старинный сплошной текст мною разделён точками на отдельные предложения.

К этому описанию прилагаю необходимые пояснения:

Острог представлял из себя замкнутое пространство со стенами длиной около 25 сажений (50 метров).

Стены острога представляли собой тыновое ограждение из плотно пригнанных между собой заострённых брёвен – «острожин» высотой около двух сажений (сажень равнялась 213 сантиметров), диаметром 20-25 сантиметров, вкопанных в землю на глубину около полутора аршин и соединённых для устойчивости поперечными брёвнами, на которые опирался помост – «полати» для ведения боя. В соседних «острожинах» прорубались вертикальные бойницы для стрельбы по нападавшему неприятелю. Бойницы делались обычно в двух уровнях – для стрельбы с земли и с помоста. Стены с внутренней стороны подпирались «иглами» – заострёнными наклоненными брёвнами, выступающими под углом с наружной стороны стены.

По углам Маковского острога, в отличие от других острогов, не было башен, а имелись только закруглённые тыновые стены в форме башен, но без внутренних стен, выступающие за пределы прямой линии стен – «вывода» – с бойницами, которые позволяли вести из них стрельбу как прямо, так и вдоль стен.

Проезжая башня, как и в других острогах, должна была иметь ворота высотой около трёх с половиной аршин (аршин равен 71 сантиметру) и шириной около четырёх аршин. Общая высота башни с «обламом» (30 венцов) составляла 7–8 метров, в том числе «облам» около полутора метров. Стены башни были длиной по три сажени, т. е. около 6,5 метра. В верхней части башни имелся нависающий выступ – «облам», выдвинутый за пределы башни на 40–50 сантиметров, с которого можно было через щель вести сверху стрельбу по неприятелю, подступившему

вплотную к стенам или обливать его кипятком, смолой, или сбрасывать на него обрубки брёвен.

Наверху башни имелась сторожевая вышка высотой десять венцов (около 2,5 метра) и площадью около 4 квадратных сажений.

«На башне зделаны бои верхней и средней и споднизу «— бойницы для стрельбы с «облама», с уровня «полатей» стен острога и с земли.

«Надолбы» — врытые в землю наклонные короткие брёвна, расположенные вокруг острога группами по несколько штук двумя рядами в шахматном порядке полосой три сажени. Между собой они соединялись наметными слегами и вязами.

«Засеки» — завалы из деревьев, шириной до пяти сажений.

«Надолбы» и «Засеки» препятствовали продвижению всадников к стенам острога.

Российский посланник в Китай Николай Милеску Спафарий, будучи в 1675 году проездом в Маковском остроге, в своём описании путешествия отметил только, что в остроге имеется церковь, да в полуверсте торговая слобода с амбарами.

В Переписной книге Енисейского уезда 1691 года также имеется краткое описание Маковского острога: «В остроге церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. В острожной стене башня проезжая. В остроге шесть анбаров государевых простых покрытым дранью. Два анбара з государевым хлебом покрыты тёсом, мерою те анбары по три сажени стена, под горою два анбара государевы покрыты тёсом мерою по три сажени стена. Сверху по Кете реке слобода торговая а в ней построены анбары. Анбар гостя (купца) Остафья Филатьева о дву жирах (т. е. в два этажа) покрыт тёсом мерою по три сажени стена...». (Точно так же описаны амбары и двух других купцов).

Известный тобольский картограф, историк и художник С.У. Ремезов в 1701 году в «Чертёжной книге Сибири»

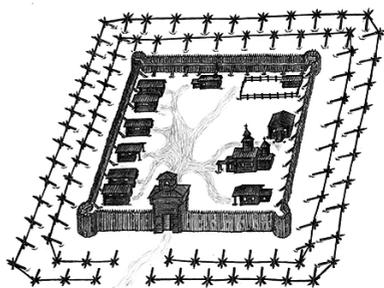
изобразил Маковский острог без башни, показана только церковь, окружённая тыновыми стенами. И это только условное изображение острога на карте Енисейского уезда. Точно так же изображены Балаганский, Бельский и Казачинский остроги, так же одинаково и условно Ремезов изображал и церкви.

В деле Сибирского Приказа 1703 года в Архиве древних актов обнаружено ещё одно краткое описание острога: «Маковский острог стоячей кругом того острогу мерою 104 сажени. По тому острогу башня с проезжими вороты».

Известный впоследствии историк Г.Ф. Миллер – участник второй экспедиции Беринга в 1735 году, вскоре после прибытия в Енисейск, по рассказам служилых людей описал Маковский острог следующим образом: «Острог полностью развалился и от него осталась одна только башня. Помимо частных домов он имеет церковь Покрова Пресвятой Богородицы и различные амбары».

В XVIII веке необходимость в оборонительных функциях отпала окончательно и острог уже не восстанавливали.

Подлинных рисунков этого острога не обнаружено и по всем имеющимся описаниям мною совместно с Вячеславом Николаевичем Сныховским произведена графическая реконструкция острога. Кроме указанных выше описаний использованы в качестве примера реконструированные рисунки острогов других авторов. Этот рисунок не является точной копией изображения острога – это только один из его вариантов – таким я его представляю.

Археологическая экспедиция под руководством кандидата исторических наук Максимова Сергея

Владимировича, побывавшая в с. Маковском несколько лет назад, следов острожных укреплений – острожин в земле уже не обнаружила. Это можно было ожидать – органика (а дерево тоже органика) в песчаном грунте разрушается очень быстро.

Так как русский народ был очень верующим, то в первые годы после основания в Маковском остроге, так же, как и во всех вновь построенных острогах, была возведена церковь.

О строительстве зданий церкви в разные годы описано подробно в главе «Маковская Покровская церковь».

Вскоре после основания острога была отстроена и торговая слобода, расположенная по утверждению посланника в Китай Н.Г. Спафария (это 1675 год) в полуверсте от острога. Это место известно нам как Слободской огород.

Археологические раскопки, проведённые экспедицией директора Лесосибирского музея С.В. Максимова, показали, что складские амбары были заглублены в землю на северном склоне Слободского ручья. А мною во время поездки 2014 года восстановлены воспоминания детства о срытом наискосок склоне холма, что служило дорогой для проезда от реки к торговой слободе. Эта старинная дорога видна до сего времени.

В 1669 году вблизи Маковского острога были поселены девять беломестных казаков, но в архивном документе мною обнаружено только пять имён. Я считаю, что поселены они были на месте, которое позднее стали называть улицей Хутор.

Таким образом, Маковский острог некоторое время состоял из трёх несколько удалённых друг от друга частей – собственно острога, хутора беломестных казаков (улица Хутор) и торговой слободы (дома старой Слободы находились на задах огородов нынешней улицы Слобода), а также поселения аборигенов-кетов, расположенного, предположительно, на среднем из холмов.

На современной карте Гугл села Маковского цифрами обозначено расположение объектов в XVII веке:

1. Острог
2. Церковь
3. Дома жителей острога
4. Хутор беломестных казаков
5. Торговая слобода
6. Дома жителей торговой слободы
7. Дорога от реки в торговую слободу
8. Поселение аборигенов-кетов
9. Сельское кладбище

В «Чертёжной книге Сибири» С.У. Ремезова Маковская торговая слобода изображена далеко от острога. В ней показана церковь, окружённая домами, но это только условное обозначение слобод на его карте, Маковская Покровская церковь находилась всегда только в остроге или вблизи него, но не в торговой слободе.

Торговая слобода в церковных документах в конце XVIII – начале XIX веков записывалась отдельно как Маковская слобода, а иногда и Слободская деревня. В Ревизских сказках XVIII века такого разделения не было и всё вместе именовалось однозначно – Маковский острог.

В с. Маковском долгое время существовал государственный хлебозапасный магазин – это тот большой амбар, который стоял на выезде из села в сторону Енисейска, он был известен всем как «Мангазина». Запасные провиантские магазины создавались с 1738 года для обеспечения бесперебойного снабжения населения зерном и солью и для помощи коренным народностям. Заведовали запасными магазинами должностные лица из мещанского сословия, именовавшиеся «вахтёр». Зерно в магазине должно было обновляться ежегодно. Положение о казённых запасных хлебных магазинах в Енисейской губернии было разработано при первом губернаторе А.П. Степанове. Во время губернаторства И.Г. Ковалёва (1831–1835 гг.) в хлебный запасный магазин села Маковского ежегодно завозилось одна тысяча пятьсот пудов хлеба (24 тонны).

В 1892 году был принят Устав «Об обеспечении народного продовольствия», в это же время разработан и типовый проект хлебозапасного магазина.

Последний маковский провиантский магазин соответствовал всем описанным требованиям проекта 1892 года: внутри был двухэтажный, с внутренней лестницей для подъёма на второй этаж. Закрома имели двойное дно и располагались на расстоянии не менее 15 см от стен. В страховых ведомостях с. Маковского

на 1895–1898 гг. записано: «Хлебозапасный магазин, шестистенный, покрыт тёсом на две стороны, отстоит от домов на 35 сажень».

В 1907 году к Маковскому хлебозапасному магазину были приписаны 201 человек мужского пола, на душу в магазине должно быть по три с половиной четверти зерна, на 01.03.1907 года при общей норме 703 четверти фактически было 682 четверти ржи и 173 четверти было в ссудах и недоимках. Четверть зерна в то время имела объём 210 литров и четверть ржи весила около 140 килограммов. Таким образом, общий запас зерна составлял около 100 тонн.

В советское время до образования колхоза здание использовал комитет крестьянской взаимопомощи.

В колхозные времена в нём был зерновой склад, на стенах сохранялись записи и пометки ещё с досоветских времён. В конце XX века он был разобран, перевезён неподалеку и из него построили колхозный гараж.

На речке Шайтанке, неподалеку от её впадения в Кеть, имелась частная мельница, построенная ссыльным Николаем Корнеевичем Леоновым. Мельница после коллективизации перешла в собственность колхоза. Построена она была неправильно или колхозники её «довели до ручки», но каждую весну в половодье плотину размывало, и колхозники её восстанавливали. Вскоре после Великой Отечественной войны она прекратила существование. Была предпринята попытка открытия механической мельницы в пристройке колхозной зерносушилки, но вскоре за ненадобностью и она была ликвидирована. В начале 1950 годов муку, в том числе и сортовую, стали свободно продавать в магазине рыбкоопы, и мука грубого помола из собственного зерна уже была не нужна.

Жилые дома в Маковском не были большими, даже пятистенных было немного, а в основном были простые избы с тремя окнами на улицу, крытые желобником, вытесанным из половинки елового или пихтового

бревна, некоторые пятистенные дома были крыты дранкой или пилёным тёсом, совсем не было домов под железными крышами. Строительный «бум» произошел в начале 1930 годов, когда почти одновременно были построены четыре дома с резными наличниками, три из них рядом на Большой улице. Надо понимать так, что народ перед коллективизацией стал жить немного богаче. В последующие годы, до самого открытия лесоучастков, строительство новых домов не велось, перевозились только старые дома из ближних деревень – Филипповой, Рыбной, Ворожейки.

Даже построенные в 1930-х годах дома имели всего одну комнату и куть (кухню) с глинобитной русской печью и печуркой из листового железа. Для сохранения тепла окна были небольшими, внутренние рамы на лето вынимались. На этих рамах для сбора воды от таявшего льда делались желобки. Пол и потолок делали из колотых, протёсанных и простроганных плах толщиной до 15 сантиметров. На потолочные плахи укладывалась береста и засыпалась для утепления землёй, под полом делалось подполье для хранения картофеля и овощей. На матице подвешивалась зыбка для младенцев.

«Убранство» в домах и в 1950 годы было более чем скромное. В доме моего деда стояли две деревянные кровати, три сундука, стол, две лавки, три табуретки и были две закрытые ситцевыми занавесками вешалки для одежды, пол был застелен домоткаными половиками. В правом переднем углу была божница с иконами. Посуда была чугунная, глиняная, алюминиевая и эмалированная. На крыльце делалась кладовка для хранения продуктов, в середине 1950 годов стали пристраивать сени. В ограде обязательно был амбар, завозня, погреб-ледник, во дворе хлев и сенник, в огороде погреб для хранения запасов огородной продукции. Наружные стены ограды и двора делались высотой до трёх метров из заплотника, уложенного

горизонтально в пазы лиственничных столбов, следи были также из лиственницы. На следи укладывались жерди, которые на зиму укрывались сеном, и снег не попадал внутрь двора и ограды. Справные хозяева во дворах и оградах настилали полы из плах, а крыши перекрывали тоже желобником.

Бани топились «по-черному», были пожароопасными и поэтому располагались в огородах в удалении от всех хозяйственных построек. Внутри бани из природных камней устраивался очаг с вмазанным в него большим котлом, дым выходил через волоковый дымоход в ближней к очагу стене. Тёплые предбанники не делали, поэтому в холодное время года раздевались и одевались в самой бане, и надо было очень постараться, чтобы не вымазаться в саже.

Восхищает то, как умели строить дома в старое время. Лес специально подбирался ровный, несбежистый, одного диаметра, вырубался только в определённое время года, брёвна укладывались северной плотной стороной наружу, за неимением в Маковском камней и кирпичей фундамент устраивался из вертикально поставленных вплотную, предварительно просмоленных или обожжённых, лиственничных чурок. Такие дома стояли по 100 и больше лет, наглядный пример – дом местного торговца, который простоял в косогоре уже более 100 лет и не покосился. А, помнится, в 1963 году к нему

*Дом крестьянина-торговца
И.Т. Максимова постройки
1910–1912 гг. Фото 2000 г.*

*Здание церковно-приходской
школы постройки 1888 г.
Вид от ручья. Фото 2014 г.*

пристроили из бруса несколько школьных кабинетов, а лет через 10 они уже сгнили.

Здание первой церковно-приходской школы, построенной в 1888 году, расположено напротив дома И.Т. Максимова.

Особенного восхищения вызывает деревянная на фундаменте из обожжённой лиственницы Маковская Покровская церковь, построенная в 1862–1864 гг. и освящённая 12 июля по старому стилю 1864 года. Об её строительстве подробно написано в главе о церкви.

МАКОВСКОЕ СТАРОЖИЛЬЧЕСКОЕ «ГОВОРЬЁ»

*Я такого говора чистейшего
отроду не слышал никогда.
Да, словами свежими, росистыми
славится округа из округ.
Эх, сюда нагрнуть бы с лингвистами,
чтоб из Академии наук!
Из глубин добыть бы слово русское,
над каким не властны времена.
С этим словом даже осень тусклая
вырядится в жаркие тона.*

*Игнатий Рождественский,
«О Маковском»*

Ио определению М.Ф. Кривошапкина, составившего «Словарь местных слов, употребляемых в Енисейском округе» и, напечатавшего его в своей книге «Енисейский округ и его жизнь», изданной в 1865 году, «говорьё» – это произношение и выговор слов.

Русский язык в Сибири в XVII–XVIII веках был не литературным, а диалектным и некоторое развитие он получал только в деловой документации.

Учёные-филологи, изучающие старожильческие говоры сибиряков, утверждают, что диалекты русского языка в Сибири сформировались на базе северорусского поморского наречия и под влиянием южнорусского и тюркоязычного вкраплений. Но думается, что на говор жителей маковских деревень эти «вкрапления» не оказали большого влияния, так как южнорусского, казачьего и тюркоязычного населения (напомню:

кеты-остяки относятся к аринской языковой группе), а равно и большого количества переселенцев в наших местах не было. Влияние оказывали местные кеты и ссыльные, отдельные слова заимствовались и от проезжих, много употреблялось церковных слов. И он долгое время оставался таким, каким был в конце XVIII – начале XIX веков, когда практически прекратилось движение по Маковскому волоку.

Ещё в первой половине XIX века известный сибирский историк П.А. Словцов в «Историческом обозрении Сибири» написал: «Сибирский говор есть говор Устюжский, подражатель новгородского. Сибирь обыскана, добыта, населена, обстроена, образована всё устюжанами и их собратией, говорившею тем же наречием».

В XIX веке в связи с неграмотностью нашего населения литературный русский язык также не оказал влияния и не изменил старожильческий говор. Люди, родившиеся на рубеже XIX–XX веков, особенно пожилые женщины, до середины XX века употребляли в своей речи много старинных слов, и это всё казалось естественным. В то время старожильческий говор сохранился, в основном, только в таких удалённых, как наши, деревнях и заимках. Всё начало меняться во второй половине века, когда носители старого языка поумирали, молодёжь стала получать, как минимум, восьмилетнее образование, старожильческий язык начал отмирать и быстрыми темпами сближаться с литературным языком. Сейчас только отдельные слова встречаются в нашей речи из того старожильческого сибирского «говорья» и даже 80-летние люди мало их употребляют.

Разговорный диалектный язык жителей нашего села оказался настолько своеобразным и интересным для филологов-лингвистов, что в середине XX века учёный-филолог Константин Макарович Браславец изучал его и в соавторстве с Едвардом Станкиевисжем издал в Южно-Сахалинске книгу «Заметки о фонетике

села Маковского Енисейского района Красноярского края». К моему большому сожалению, эту книгу мне не удалось найти даже через межбиблиотечный абонемент Тюменской областной библиотеки.

С помощью словаря М.Ф. Кривошапкина попробую воскресить в нашей памяти и объяснить некоторые старожильческие слова, употребляемые в старину, как в нашем селе, так и в других населённых местах Сибири:

Ажно – между тем как, напротив, даже

Азям – армяк из шерсти

Анадысь – тогда

Анбар – амбар

Бабничать – повивать

Базанить – реветь

Балаболка – надземный плод картофеля

Баской – ясный, красивый

Бастрик, бастрыг – стяг на возу сена

Бат – болванка на шесте пугать рыбу

Баять – говорить

Блазнить – показаться

Болони надорвать – много смеяться

Бродни – кожаная обувь

Брусница – брусника

Бунчать – бормотать

Бусить – мелким дождем накрапывать

Быгать – вымерзать (о мясе, рыбе)

Верстаться – рассчитаться

Вехотка – мочалка в бане

Вица – сдвоенный прут на стог сена

Волгнуть – впитывать влагу

Волокуша – вид примитивных саней – две жерди-оглобли, загнутые на нижнем конце и скреплённые поперечинами, использовались для перевозки грузов в бесснежное время

Волокчи – тащить

Выдулить и вызюзить – выпить

Вычилькать – выдоить корову

Гача – штанина
Глыза – куча, глыба
Говорьё – произношение, выговор слов
Голяшка – голенище
Греби – вёсла на лодках
Гребь – подсохшая скошенная трава
Губы – древесные грибы
Гузно – мешок и большой живот
Дивно – много, довольно
Докуль – до которого места
Доспеться – случиться
Дранка – колотая широкая и тонкая доска
Еван чё – вот что
Жаравь – журавль
Жаркой – оранжевый (цветок жарок)
Желобник – вытесанный из ели или пихты жёлоб
Желомудник (мудышки) – род жимолости
Жельё – колотая узкая дранка для котца
Истопель – одна закладка дров в печь
Забереги – осенью лёд у берега, весной растаявший лёд у берега
Заводь – место у берега, где вода течёт в обратную сторону
Заворот – поворот
Заворы – звено из жердей в изгороди для проезда
Заплот – забор из тонких брёвен, вставленных в пазы столбов
Зарод – продолговатый стог сена
Затесь (тёс) – зарубки на деревьях при прокладывании охотничьего путика
Землянка – земляника
Зимовьё – избушка охотника
Зобить – хлебать
Зыбка – люлька
Извередить – повредить рану
Иманье – ловля
Ичиги – лёгкие кожаные сапоги на мягкой подошве
Казанки – суставы на пальцах рук

Казёнка – отгороженная досками комната и сама стенка
Камусы – шкурки с ног лося, оленя
Карга (карча) – дерево, свалившееся в воду с корнями
Катушка – ледяная горка
Качуля – качели
Кирпич – фунт простого прессованного чая (отсюда кирпичный чай)
Кить – сильный мокрый снег
Клюка – кочерга
Колода – сломленное или вывернутое дерево в лесу, лежащее на земле
Колот – чурка для сбивания кедровых шишек
Кондовый – стойкий, характерный
Кондырь – козырек у фуражки
Копалуха, пеструха – глухарка
Копыл – вертикальная стойка на санях, нартах
Косач – тетерев
Косица – бок головы, висок
Котец – зимняя рыболовная снасть, сделанная из желья, соединенного саргами
Кремлёвое дерево – твёрдая древесина
Кросна – домашний ткацкий станок
Кудель (куделя) – вычесанный пучок льна для прядения
Кузов – заплечный короб из бересты
Куржаветь – покрываться инеем
Курья – большой речной залив
Кухта – снег, висящий на деревьях
Лабаз – склад на столбах у зимовья, а также засидка охотника на дереве
Лагун – небольшая бочка с двумя днищами и отверстием
Ледник – черпак для льда из проруби или котца, изготовленный из прутьев или проволоки
Лён – загривок у животных
Лонись – прошлого года
Лопоть – одежда

Лунтаи – сапоги из камуса шерстью наружу
Лучить – добывать рыбу острой
Ляга и лыва – лужа
Макса – печень у рыб
Махнашки – рукавицы из шкуры собаки
Машкара (от маскарад) – ряженые во время святок
Медунка – медуница
Мендач – слабый лес
Морговать – брезговать
Морда – ловушка на рыбу, разновидность вентера
Морочный – пасмурный
Мульга – поперечная дощечка на верхнем конце весла
Мумлить – мямлить
Набирка – корзина из бересты для сбора грибов, ягод
Наплавок – поплавок на сети
Норки – ноздри
Нырок – ухаб на тележной дороге
Оболокаться – одеваться
Одонья – остатки сена на земле от стога
Одыбаться – выздороветь
Оловянка – гриб волнушка
Опружить – опрокинуть
Остожье – изгородь у стога, зарода
Отымалка – тряпка для прихватывания чугунов, горшков
Очап – шест для подвешивания люльки
Очурайся – опомнись
Ошурки – вытопки сала
Падера – сильный снегопад
Пальма – нож на древке
Парунья – курица-наседка
Пасма – единица измерения пряжи
Паужин – полдник
Паут – овод
Песок – один поворот реки как мера расстояния
Пехать – толкать
Плевать – сеять изо рта семена

Повод – часть узды
Погода – сильный ветер
Погодые – состояние погоды
Подберёзовик – сырой груздь
Подвязка – кожаный шнурок для подвязывания голенищ
Подчамбариться – заправить рубаху в шаровары
Подъеловик – жёлтый груздь
Подътурахом – навеселе
Позаречьи – за рекой
Полый – открытый, отсюда полынья
Польник, польнюшка – тетерева
Помочь – общая работа в выходные или праздничные дни по приглашению хозяина без оплаты, только с угощением (например, строительство дома)
Поскотина – городьба от скота за деревней
Постегонка – ссученная нитка для сшивания кожи или чего-нибудь толстого
Потачить – баловать
Потяг – прочный повод для лошади
Пролубь – прорубь
Промышлять – заниматься охотой
Простокиша – простокваша
Прямик – в половодье место, где на лодке можно проехать прямо и миновать излучину реки
Пурыш – гриб-дождевик
Расквелить – растревожить
Ремуга – изношенная одежда
Рёлка – островок после наводнения
Ростана – перекресток
Рушать – нарезать хлеб
Ряски – лохмотья
Рясная (ягода) – обильная
Саип – мережа для сети
Сак – большой сачок для подледной ловли рыбы
Самопряха – станок для прядения, приводимый в движение ногой

Сарга – заболонь у черемухи, упругий и не ломкий слой под корой, обработанная служила для сшивания бересты, изготовления котцов

Свиловатый – волнистый слой дерева

Сёгуду (сёгоды) – в этом году

Сивер – северный ветер

Сколотень – заготовка для туеса из бересты без разреза

Слега – длинное прочное тонкое бревно

Слопец – ловушка на глухарей

Сновать – готовить основу для тканья

Сохатый – лось и созвездие Большой Медведицы

Спорка – поперечная распорка в долбленной лодке

Стегно – бедро

Стена – единица длины половиков и холста

Стожар – шест в середине стога или по краям зарода для устойчивости

Строганина – стружка мороженой рыбы

Субой – сугроб

Суседка – домовая

Сутунок – небольшое бревно

Таперича – теперь

Тараи – простежёная теплая обувь на валенки для зимних поездок

Тёмный – слепой

Тёс – вытесанные топором доски из расколотых пополам брёвен

Торба – мешок для кормления лошадей овсом, подвешенный на оглоблях

Трухмал – крахмал

Туес – сосуд из бересты

Турить – прогонять, гнать

Турусить – говорить в горячке и во сне

Тычка – прут для установки сети

Тюрючок – катушка ниток

Убродно – идти по рыхлому глубокому снегу

Угор – пригорок

Ужо – постой, погоди

Улово – глубокая и большая заводь
Урак – засушенная в печке мелкая рыба
Уросить – капризничать
Утартать – унести
Ушкан – заяц
Фурять – кидать, бросать, швырять
Фырчать – быть всегда недовольным
Чёсанки – мягкие валенки
Хайлать – бестолково кричать
Хиус – северный ветер в мороз
Хлётко – скоро, быстро двигаться
Хлопуша – лгун, трепач
Хрушкой – крупный
Чамбары – холщовые шаровары
Чередить – обрабатывать дичь
Чир – наст
Чирки – разновидность кожаной обуви
Чуман – ёмкость, корыто из бересты для хранения припасов
Шаглы – жабры
Шарба и шерба – уха, похлебка
Эвонде-ка – вот где
Юксы – крепления на лыжах
Яман – козёл
Яманья доха – шуба из шкур козла наружу мехом
Ямщичить – заниматься перевозкой грузов на лошадях
Яроститься – сердиться

ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Население Маковского острога и ближних деревень во все времена занималось, в основном, сельским хозяйством. Хотя посадские люди и мещане с самого основания острога имели и другие заработки.

Крестьяне во время функционирования Маковского волока также имели возможность зарабатывать на погрузо-разгрузочных работах и перевозках грузов, товаров и людей.

Экономика Приенисейского края и в начале XX века была, в основном, аграрной. В 1905 году в Енисейской губернии было около двух миллионов голов скота. В Енисейском уезде было 37123 лошади, 31372 головы крупнорогатого скота, 28250 овец, 2840 свиней и 18 коз. Проживая своими хозяйствами в составе сельского общества до октябрьского переворота 1917 года, маковские крестьяне занимались земледелием, скотоводством, огородничеством, извозом и промыслами. Были и купечествующие крестьяне.

Состояние сельского хозяйства Енисейской губернии по данным Всероссийской сельскохозяйственной и городской переписи 1917 года и по другим исследованиям 1916–1919 гг. приведено в статистическом сборнике «Списки населённых пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края» (нынешняя Республика Тува), изданных Енисейским губернским статистическим комитетом в 1921 году. Приведу некоторые данные из этого сборника по маковским населённым пунктам:

1. Село Маковское: имелись церковь, школа, общество потребителей, 56 старожильческих хозяйств и 7 переселенческих, из них приписано к сельскому обществу 60. Население всего 302 человека, в том числе мужчин и женщин по 151. Не использовали наёмный труд 33 хозяйства, а 3 имели годовых или срочных работ-

ников. Промысловые заработки имели 40 хозяйств. Наличие скота: не имели никакого скота 3 хозяйства, не имели лошадей 9 и коров 6; имелось лошадей 150 голов, в том числе 133 рабочих; крупнорогатого скота 178 голов, в том числе 98 дойных коров; овец было всего 32 головы, свиней не было. Земледелием не занималось 8 хозяйств. Всего было посеяно 86,2 десятины озимой ржи, 11,3 десятины овса и прочих (ячмень, горох) 8,4 десятины, яровую рожь и пшеницу не сеяли вообще. Под парами было 74 десятины пашни. Площадь, занятая покосами, составляла 390,6 десятины. Таким образом, на одно хозяйство в среднем приходилось: рабочих лошадей 2,1, коров 1,5 головы, 2,85 десятины пашни, 6,2 десятины покосов.

2. Деревня Ворожейка: имелось 19, приписанных к сельскому обществу, старожильческих хозяйств. Всего населения 94 человека, в том числе 46 мужского и 48 женского пола. Не пользовались наёмным трудом 10, занимались промыслами 11 хозяйств (только мужчины – значит, охотились). В одном хозяйстве не было лошадей и в одном коров, а всего лошадей было 55, в том числе 49 рабочих; крупнорогатого скота всего 70, в том числе 32 коровы; овец 66. Одно хозяйство не имело посевов, а всего посеяно было 24,6 десятины, в том числе озимой ржи 21,6, овса полдесятины и прочих 2,5 десятины, под парами было занято 18,3 десятины. Сенокосных угодий было 176,1 десятины. На одно хозяйство приходилось в среднем: почти 3 рабочих лошади, 1,7 коровы; 2,26 десятины пашни и 9,25 десятины покосов.

3. Деревня Лосиноборское: имелось 6 приписанных к сельскому обществу крестьянских хозяйств, в том числе 5 старожильческих и одно переселенческое, 4 из них не использовали наёмный труд, трое мужчин занимались промыслом. Население 30 человек, в том числе 7 мужского и 23 женского пола. В хозяйствах имелось 17 рабочих лошадей, 16 коров и 50 овец. Пахотных земель имелось всего 1,3 десятины, покосов 101,5 десятины.

4. Деревня Рыбная: имелось 11 приписанных к обществу старожильческих хозяйств с населением 50 человек, 7 хозяйств использовали наёмный труд, 8 занимались промысловыми заработками. Имелось 23 рабочих лошади, 14 коров и 20 овец, 33 десятины пахотных земель и 91 десятина покосов.

5. Деревня Филиппова: имелось 8 приписанных к обществу старожильческих крестьянских хозяйств с населением 30 человек, 4 хозяйства использовали наёмный труд и 4 имели промысловые заработки. Имелось скота: 17 рабочих лошадей, 9 коров и 31 овца. Не все хозяйства имели лошадей, коров и посевы. Имелось 20,3 десятины пашни и 48 десятин покосов.

Мясо и рожь в основном шли на собственное питание, овёс и ячмень на корм лошадям, некоторые излишки, произведённые хозяйствами, продавались в уездном г. Енисейске.

Огородничеством занимались только женщины, помогали им ребяташки. Всё выращенное в огородах шло на пропитание семьи. Выращивали репу, редьку, брюкву, морковь, капусту, лук, чеснок, огурцы, тыкву. Картофель не использовался для скармливания скоту, а шёл только для собственного питания и выращивался, как и все овощи на грядках. В с. Маковском сохранился уникальный сорт картофеля, имеющий местные названия: «Сибирячка», «Старенькая». Ученые отдела картофелеводства научно-исследовательского института Северного Зауралья говорят, что такого сорта они никогда не встречали. Весной 2012 года несколько клубней было передано для их коллекции, насчитывающей, кстати, около 500 сортов.

Выращивали в огородах для собственных нужд и табак.

Как и во всех малохлебных местностях, где земледелие и скотоводство не могли прокормить большие семьи, крестьяне занимались сразу несколькими промыслами и ремёслами.

Пчеловодство в Маковском, да и во всем Енисейском уезде, было развито слабо. Первые пасеки появились у Бармина Петра Ивановича, у отставного унтер-офицера Белозёрова Петра Алексеевича и Белозёрова Платона Евдокимовича.

Рыболовством занимались для собственного пропитания, а зимой и на продажу. По открытой воде взрослые ловили рыбу сетями, а ребяташки удочками и бреднями. Осенними вечерами «лучили» с зажжённым факелом из бересты и острогой. После рекостава ставили котцы, после зимних заморозов ловили рыбу саками около ключей. Рыбу зимой морозили, а в теплое время года солили, вялили, мелкую сушили в русских печах, получался «урак», из которого в безрыбное время варили похлёбку.

После первого снега охотники уходили в тайгу с собаками и охотились на белку, колонка, боровую дичь. Очень желанным трофеем были соболь, медведь и лось-сохатый. Для добычи пушнины использовали самодельные ловушки – кулёмки, черканы, плашки. Лосей поздней осенью и зимой добывали, устраивая на путях их ежегодной миграции длинные «огороды», а в оставленных проходах копали и маскировали глубокие и узкие «ямь», в которых иногда устанавливали острые колья. По глубокому снегу опытные и выносливые охотники догоняли лосей на камусных лыжах и пристреливали. Распространённой была, запрещённая еще в царское время, охота на лося по насту. Летом подкарауливали лосей в озёрах во время кормёжки водной растительностью.

Осенью, до снегопада, «слопцами» добывали много глухарей, прилетающих на излюбленные места – «копаллица», чтобы набить зоб мелкими камешками перед зимой для перетирания хвои, которая для глухарей в зимнее время является единственной пищей. Осенью на убранных овсяных полях добывали много тетеревов «срубам»-перевёртышами, приманкой на которых был необмолоченный овёс.

Ребятишки весной, летом и осенью добывали петлями бурундуков и кротов, зимой кулёмами и петлями зайцев, по-маковски – «ушканов». На моей памяти в начале 1950-х годов белок было так много, что летом и осенью они бегали по заборам деревенских огородов, а по утрам проснувшиеся собаки загоняли их на телеграфные столбы.

Были случаи добычи лосей зимой прямо посреди деревни и около прорубей на Кети напротив деревни. Хорошие охотники были и среди русских промысловиков, но особенно искусными охотниками были аборигены-остяки. Почти вся туша лося, за исключением требухи, шла в дело. Шкура лося охотниками использовалась в качестве постели или выделывалась для пошива обуви и сбруи, камусы шли на изготовление обуви и лыж. Лосиными жилами шили обувь и одежду, рога использовали в качестве вешалки. Сейчас это украшение деревенских и городских квартир. Мясо сушили, вялили, солили, варили, жарили, а из замороженного делали строганину. Особенно вкусна строганина из печени. А кто хоть однажды пробовал отварную лосиную губу, тот не забудет вкуса этого деликатеса на всю жизнь.

Насколько большое распространение и значение охота имела в маковских деревнях можно судить по названиям местных колхозов: «Промысловик» и «Охотник».

Ореховый промысел, из-за отсутствия крупных кедровников, не имел большого промыслового значения, но, тем не менее, орехи заготавливали в больших количествах, и они служили развлечением в длинные зимние вечера.

Одним из видов зимнего заработка была ямщина – коммерческий извоз грузов. Маковские мужики на своих лошадях подряжались перевозить грузы и товары из Енисейска на золотые прииски и в другие места.

Заготовка леса, из-за удалённости от уездного города, и в связи с этим отсутствием сбыта, производилась только для собственных строительных нужд и на дрова. Для столбов и слег рубили лиственницу, для желоб-

ника ель и пихту, для заплотника сосну, на дрова сосну и берёзу, для жердей осину.

Население, опять же из-за удалённости, жило в основном натуральным хозяйством, покупали только различные хозяйственные изделия из железа: топоры, пилы, зубья для борон, лопаты, литовки, серпы, ухваты, иголки, а также самовары, котлы, сковороды, окованные сундуки. Много изделий для хозяйственных нужд изготавливалось самостоятельно из дерева: корыта (выдолбленные колоды) для поения крупно-рогатого скота и лошадей; средства передвижения: сани, нарты, телеги, обласки, колёса, дуги, хомуты, лыжи, конскую сбрую; сельскохозяйственный инвентарь: вилы, грабли; для домашнего обихода: бочки, шайки, лагуны, ковши, различные деревянные лопаты; из бересты изготавливали кузова, набирки, чуманы, лукошки, туеса – от маленького на 2–3 литра до двухведёрных для хранения солений. Конечно, не каждый хозяин мог сделать обласок, колесо, бочку, домашнюю посуду, для этого нанимали опытных местных мастеров.

Женщины вечерами теребили и пряли на прялках или «самопряхах» шерсть и лён, шили одежду, вязали рукавицы и шарфы, ткали половики на кроснах, «личины» из конского волоса для противомоскитных сеток и сит, ткань изо льна и конопли. Конопля выращивалась в крестьянских хозяйствах и вымачивалась в озере, которое до сих пор носит название «Конопленник», это напротив села, за рекой. Много конопли шло на изготовление веревок. Верёвки изготавливались и из конского волоса. Разложенная по окружности вокруг места ночёвки, волосяная верёвка во время дальних поездок при ночлегах предохраняла от змей.

Мужчины занимались сыромятной выделкой скотских и лосиных шкур, которые использовались для пошива обуви, сбруи. Выдывали камусы для лыж, выгоняли смолу и деготь. В некоторых деревнях из шерсти катали валенки и войлок.

В Маковском на речке Шайтанке была водяная мельница, а в селе кузница. Во всех старожильческих деревнях имелись постоянные дворы.

Большое значение для питания деревенского населения имели лесные ягоды: брусника, черника, клюква, смородина, кислица, калина, черёмуха, а княженику можно вообще считать царицей ягод. Грибы заготавливали для засолки (белянки, подберёзовики – сырые грузди, подъеловики – жёлтые грузди, рыжики, оловянки – волнушки) и сушили (боровики, красноголовики – подосиновики), а такие, как моховики, маслята и лисички, вообще не собирали. В начале лета в большом количестве собирали и солили черемшу, которая во все времена предохраняла сибиряков от цинги. Весной собирали листовничную серу, которую жевали, как сейчас жуют различные синтетические жвачки.

При полном отсутствии медицинской помощи женщины и старухи собирали лекарственные травы, лечение которыми передавалось из поколения в поколение, в каждом селении были свои бабки – знахарки и повитухи. В Маковском при родах всегда приглашали Матрёнушку – сестру Никиты Дмитриевича Сапожникова, с болезнями шли к Катеринушке – Екатерине Тимофеевне Казаковой, в девичестве Распуткиной. Многие старухи знали «заговорь» и «наговорь» от испуга, от сглаза; чирей заговаривали около печной заслонки, начертив на нем крестик; знали «порезную» траву для заживления ран; раны после обваривания кипятком смачивали растительным маслом и посыпали порошком листовничной серы; место ожога смазывали гусиным жиром. Пытались лечить и серьезные заболевания, однако смертность была очень большой, особенно среди новорожденных детей и мужчин, часто люди умирали от инфекционных заболеваний во время эпидемий.

В с. Маковском даже и в колхозные времена был свой «коновал» – Пётр Григорьевич Сидоров, который лечил скот домашними средствами.

Ежегодный календарь работ крестьян был неизменным, только погода вносила свои поправки и сдвигала некоторые сроки их начала или окончания. Так летнее ненастье могло растянуть сенокос и до сентября, а поздняя или дождливая весна отодвигала сроки весенней пахоты и сева.

Ежегодный календарь деревенских работ был примерно таким:

Январь и февраль – общие работы по хозяйству, завершение вывоза сена, ямщина, изготовление саней, инвентаря, туесов и других изделий из бересты, рыбалка котцами. Охотники на промысле. Женщины ткут, вяжут.

Март – подготовка к посевной и сенокосу: ремонт сохи или плуга, борон, телег, сбури. Подработка семян. Вывоз навоза на поля.

Апрель – заготовка дров, материалов для изготовления черенков, саней, топорниц, граблей и вил. Рыбалка около ключей саком.

Май – с Еремея-запрягальника (14 мая по н. с.) и, в основном, до Николы вешного (22 мая по н. с.) пахота, сев яровых, посадка в огороде.

Июнь – посадка картофеля, прополка посевов, заготовка черемши, бересты, веников. Выгонка смолы и дёгтя.

Июль – после Петрова дня (12 июля по н. с.) начало сенокоса, его обычно старались завершить до Ильина дня (2 августа по н. с.).

Август – до первого Спаса (14 августа по н. с.) вторая вспашка паров и под озимые, до Успенья (27 августа по н. с.) сев озимых. Кедровый промысел, сбор и заготовка грибов и ягод. Уборка озимых.

Сентябрь – уборка хлебов, картофеля и овощей. Сбор брусники и клюквы. Охота на боровую дичь.

Октябрь – обмолот зерновых. С Покрова (14 октября по н. с.) пушной промысел с собаками.

Ноябрь – продолжение обмолота, вывоз обмолоченного зерна, дров и сена.

Декабрь – вывоз сена и ямщина.

СТАРИННЫЕ ПРАЗДНИКИ

Большое место в жизни населения в старое время имели праздники.

Об их строгом соблюдении и поведении населения во время празднования были одинаково озабочены как церковные власти, так и воеводы. В Актах исторических имеется документ от декабря 1629 года «Память Верхотурского воеводы Рафа Всеволожского прикащику Ирбитской слободы Григорию Барыбину, о строгом наблюдении, чтобы служилые люди и крестьяне в воскресные и праздничные дни ходили в церковь, удалялись чародейств и пьянства и не заводили непристойных игрищ». Позднее в губернских правлениях имелись вторые отделения, которые следили за исполнением дел «по охране веры, благочестия и добрых нравов».

В 1667 году Постановлением Святейшего Синода предписывалось не производить никаких работ в воскресные, праздничные и торжественные дни. Исключение было только для «помочи» и для работ по хозяйству. В начале 20 века ежегодно было 37 праздничных дней, таким образом, вместе с воскресеньями почти четверть дней в году были нерабочими. Как пишет в статье «Семейные праздники русских Сибири» к. и. н. Т.Н. Золотова: «Традиционно в семье отмечаются лично-семейные праздники (дни рождения, дни святых-покровителей, крещения, имянаречения, свадьбы, юбилеи) и календарные праздники, которые повторяются из года в год, создавая цикличность существования семьи и ощущение постоянства».

Самым главным праздником всегда считалась Пасха или Воскресение Господне. В каноне праздника Пасха называется «Праздников праздник и торжество из торжеств».

Наряду с Пасхой одним из главных годовых праздников считался Престольный (храмовый) праздник

в память святого или события, которому посвящена церковь. В приходе Маковской церкви таким праздником был и есть Покров Пресвятой Богородицы, отмечаемый ежегодно 1 (14) октября. На Руси этот праздник был установлен ещё при князе Андрее Боголюбском. Основанием послужило чудо 910 года, которое произошло в Константинополе, когда святой Андрей и его ученик Епифаний увидели Пресвятую Деву, окружённую ангелами и святыми. Престольный праздник отмечался во всех деревнях прихода, иногда по несколько дней, тем более что он совпадал с завершением полевых работ.

Следующими по значению были Дванадцатые праздники, перечисляемые по хронологии церковного года, который начинается 1 (14 по новому стилю) сентября:

Рождество Пресвятой Богородицы – 8 (21) сентября,
Воздвижение Креста Господня – 14 (27) сентября,
Введение в храм Пресвятой Богородицы – 21 ноября (4 декабря),

Рождество Христово – 25 декабря (7 января),
Крещение Господне – 6 (19) января, Сретение Господне – 2 (15) февраля, Благовещение Пресвятой Богородицы – 25 марта (7 апреля),

Вход Господень в Иерусалим – воскресенье перед Пасхой,

Вознесение Господне – 40-й день после Пасхи (четверг), День Святой Троицы – 50-й день после Пасхи (воскресенье),

Преображение Господне – 6 (19) августа, Успение Богородицы – 15 (28) августа,

После них по значимости идут Недванадцатые Великие праздники:

Покров Пресвятой Богородицы – 1 (14) октября,
Обрезание Господне и память св. Василия Великого – 1 (14) января,

Рождество Иоанна Крестителя (Предтечи) или Иван Купала – 24 июня (7 июля),

День св. Первоверховных Петра и Павла – 29 июня (12 июля),

Усекновение главы Иоанна Предтечи – 29 августа (11 сентября).

В течение недели в конце зимы, начиная со Сретения весело праздновали Масленицу, считавшуюся православным религиозным праздником. Всю неделю ходили в гости на блины, катались на украшенных лошадях, запряжённых в наборную «выездную» сбрую с колокольчиками, шаркунцами (бубенцами) и начищенными бляхами. Употребляли много домашнего (бражка, настойки) и «казённого» спиртного. Каждый день масленичной недели имел свое название и праздновался по-разному. Завершалась Масленица в воскресенье проводами зимы. Вечером все ходили в баню и просили друг у друга прощение (Прощёное воскресенье).

После Масленицы начинался семинедельный Великий пост до Пасхи. Первый день поста – чистый понедельник. В последнее воскресенье поста – вербное воскресенье. Ходили в церковь с вербами и ставили их дома перед иконами. Вся седьмая неделя поста – страстная неделя.

Во время Великого поста праздновали Благовещение. В этот день было грешно работать и вообще что-то делать. «Красна девица косы не плетёт, птица гнезда не вьёт».

В седьмое воскресенье поста приходила Пасха – Христово Воскресение. Первое воскресенье после Пасхи – Красная горка, когда на игрищах женихи выбирали невест.

Вторник второй недели после Пасхи – Родительский день. Ходили на кладбище, поминали близких и родственников.

Седьмая неделя после Пасхи заканчивалась Пятидесятницей – Троицей – праздником берёзки.

После Пасхи следующим большим праздником считался Иванов день – Иван Купала. Со словами:

«Иван Купала – обливай кого попало» обливали из ковшиков водой всех встречных, на что не принято было обижаться. Ночь на Ивана Купалу считалась разгулом нечистой силы. Лекарственные растения, собранные в этот день, по поверьям имели особенные лечебные свойства. Через несколько дней праздновали день Петра и Павла. В Маковском с этого дня традиционно начинался сенокос, и до Ильина дня (2 августа) откладывались все гулянья.

Илья-громовержец – повелитель грома, молнии и дождя, но и наделяющий землю плодородием. Если в этот день раздавался гром, то говорили: «Илья Пророк на колеснице едет и сердится».

Наиболее значимым первым зимним праздником был день Святого Николая 6 (19) декабря, в народе его называли Никола зимний, с него начиналась настоящая сибирская зима с никольскими морозами.

Рождество Христово в старину праздновали 25 декабря по старому стилю. В течение 12 дней, т. е. до Крещенья, продолжались Святки. Вечер накануне Рождества – Сочельник. В этот день готовили сочиво и сочни. Потребление пищи до первой звезды запрещалось. Дети утром славил по домам, пели праздничный рождественский тропарь. Славильщикам давалистряпню, иногда сладости и мелкие монетки.

Вечером 31 декабря отмечали день Святой Меланьи и Новый год – Обрезание Господне, угощение традиционно было обильным.

В течение святок ходили ряженые, по-маковски «машкара», от «маскарад». Распространённым развлечением было катание с горок на санках, шкурах, санях-дровнях. Девушки гадали – в банях, овинах, хлевах, подпольях, около печи, у ворот и проруби. Гадали всю святочную неделю, но особенно в ночь на Рождество и Крещенье.

6 (19) января праздновали Крещенье или Богоявление Господне. Совершали крестный ход к проруби

в виде креста – иордани. Святую воду хранили на божнице и использовали для лечения людей и скота. В крещенье для оберега от нечистой силы везде рисовали кресты – на воротах, дверях, стенах, столбах.

Очень тесно связаны с церковными праздниками посты, которым православная церковь придавала большое значение, а население неукоснительно им следовало. В христианском календаре постами занято около 200 дней в году. Существуют еженедельные строгие постные дни в среду и пятницу в течение всего года, кроме Святков и сплошных седмиц.

Кроме этого существует 4 больших поста: Великий пост – 40 дней перед Пасхой, Петров пост – через неделю после Троицы и до Петрова дня,

Успенский пост – с 1 по 14 августа по старому стилю, Рождественский или Филиппов пост – начинался с Филиппова дня (15 ноября по старому стилю) и продолжался до Рождества.

Во время этих постов прихожане ходили в церковь на причастие и исповедь.

Строго постными считались: Воздвижение – день усекновения главы св. Иоанна Крестителя,

Рождественский сочельник – накануне Рождества, Крещенский сочельник – накануне Крещенья.

Обязательно постовали перед причащением – говели.

С детства помнится, что бабушка говорила о заговеньи – последнем дне перед постом, когда можно есть скоромную пищу.

КТО БЫВАЛ В МАКОВСКОМ

Через Маковский острог и волок прошло и проехало в XVII–XVIII веках большое количество известнейших первопроходцев, воевод послов, ссыльных и путешественников. На восток – встречать солнцу они шли, не зная, что их имена войдут в историю освоения Сибири.

В отряде стрельцов Петра Албычева и Черкаса Рукина, основавших Маковский и Енисейский остроги, был подьячий Максим Перфильев (Перфирьев) – впоследствии атаман, первопроходец, основатель сибирских острогов.

Основатель Красноярского (вначале Качинского) острога Дубенский Андрей Ануфриевич (из старинного дворянского обедневшего рода Владимирского уезда, из младшей ветви новгородских и столичных Хрипуновых-Аничковых-Ряполовских) в 1624 году был отправлен его родственником – первым воеводой Енисейска Яковом Хрипуновым вверх по Енисею для отыскания подходящего места под будущий острог. После возвращения в Енисейск он был послан с докладом в Москву, а в 1626 году по государевой грамоте отбывает в Тобольск для подготовки экспедиции по основанию острога в Тюлькиной землице (на устье реки Качи – притока реки Енисея). Однако в тот год Дубенского на Енисей не отпустили из-за отсутствия служилых людей и денег для выплаты денежного жалованья за два года вперёд. Дубенский около года в Тобольске «волочился не у дел», без разрешения не мог поехать ни в Енисейск, ни в Москву. После напоминания о себе и получения царского указа деньги были получены, выделено 300 (вместо необходимых 400) служилых людей и около 20 июня 1627 года экспедиция Дубенского отбыла из Тобольска на 16 дощаниках, пяти лодках и одном одноподеревом струге, на устье Кети их

должны были встретить три дощаника с томскими служилыми людьми. На Маковском участке пути из-за большой осадки полученных в Тобольске судов и потому замедленного продвижения, отряд застигла зима. Сказалась и нехватка служилых людей. Выгрузив припасы в Маковском зимовье, и построив 10 изб для зимовки, принялись за перевозку грузов на Енисей. В Томске для перевозки запасов экспедиции были куплены 52 лошади, но 20 из них пали ещё при перегоне в Маковский острог, остальные вскоре пали на месте от дальнего пути, тяжёлых работ и бескормицы. Грузы пришлось перевозить на себе на нартах. Дубенскому пришлось убеждать, а, возможно, и принуждать служилых людей потратить своё жалованье на оплату найма енисейских пашенных крестьян для ускорения доставки грузов в Енисейск зимним путем. Весной 1628 года, после Николина дня, докупив в складчину один недостающий дощаник, экспедиция отправилась вверх по Енисею и добиралась до Красного Яра восемь недель. Срубили острог всего за месяц.

Претерпев много трудностей и построив острог, служилые люди обратились с челобитной к царю, где описали все тяготы пути: «А мы, государь, холопи твои, в те поры людишки нужные (от нужда) и переусталые и неможные (немочь – болезнь) цынгой, в повседневной волоките обезножили, волоча свои запасёнка за волок. Да съели, государь, мы, холопи твои, пойдучи из Тобольску до Макутского острогу и через волок, в бесхарчице, годовые свои полные оклады, и от повседневной, государь, беспрестанной работы мы, холопи твои, перепухли и перецынжали, и многие, государь, в Макутском остроге померли».

За основание Красноярского острога служилым людям «было признано справедливым выдать каждому из них, сверх их обычного жалованья, ещё половину их денежных окладов, а также возместить расходы по перевозке грузов из Маковского острога в Енисейск

и на покупку судов, сделанных ими, якобы, из своих собственных средств. Кроме того, они освобождались на 5 лет от всяких пошлин с купли и продажи».

А.А. Дубенский был первым красноярским воеводой.

В 1627 году известный землепроходец Бекетов Пётр Иванович, из служилых провинциальных детей боярских, по личной просьбе повёрстан стрелецким сотником в Енисейский острог. В 1628 году уже участвовал в походе на р. Верхняя Тунгуска и основал на Ангаре Рыбинский острог. В последующие годы осваивал и объясачивал территории по рекам Лена, Шилка, Амур. Основал несколько острогов, в том числе и Якутский. Два раза ездил в Москву с государевой казной.

Семён Иванович Дежнёв, казачий атаман, торговец мехами, один из самых известнейших исследователей Северной и Восточной Сибири, первопроходцев, путешественников и мореходов служил сначала в Тобольске, затем в Енисейске. Путь из Тобольска на восток в то время был один – по Иртышу, Оби, Кети, через Маковский острог и волок. По этому пути он проезжал неоднократно. В 1636–1638 гг. умирал якутов. В 1648 году за 80 лет до Беринга открыл пролив между Азией и Америкой. Его именем назван мыс – крайняя материковая точка Евразии. В последний раз С.И. Дежнёв проехал через Маковский острог с государевой соболиной казной в 1671 году, через два года он скончался в Москве.

В 1649–1652 гг. приказчиком маковских и енисейских пашенных крестьян был сын боярский Иван Иванович Похабов, впоследствии основатель зимовий и приказчик разных острогов.

В сентябре 1653 года писатель, идеолог и самый видный деятель старообрядчества, мученик за веру – приверженец старой – дониконовской веры, протопоп Аввакум (Аввакум Петров Кондратьев) был сослан в Сибирь с семьёй, в июле 1655 года был отправлен в ссылку в Якутский острог, доехал через Маков-

ский волок до Енисейского острога и был отправлен в Даурию в июле 1656 года. Весной 1663 года из Даурии через Енисейск был отправлен в Тобольск. Во время ссылки с семьёй вытерпел много издевательств от воеводы Пашкова, но остался верен своим мировоззрениям. За 10 лет он побывал в Тобольске, Маковском, Енисейске, в Даурии. В 1664 году вернулся в Москву. Решением Церковного Собора 1681–1682 гг. вместе с тремя единомышленниками был заживо сожжён в срубе в Пустозерске.

Летом 1653 года через Маковский острог и волок проехало трёхтысячное войско служилых людей из Москвы, поморских и сибирских городов, отправленное в Даурию под руководством окольникы и воеводы Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского.

В 1675 году по Кети через Маковский острог и волок проехало посольство в Китай под руководством Николая Спафария Милеску, путешествие которого по Кети описано в другой главе. Следует добавить, что подготовка к нему началась заранее, к воеводам по всему пути следования отправлялись с наказными грамотами служилые люди, готовились суда со всей оснасткой, продовольствием и людьми. Из царской грамоты: «... а велено ему из Тоболска ехать для их государевых дел в Китайское государство в посланниках наскоро, взяв подводы или суды лёгкие и гребцов, и провожатых, тем путём, на которые места в Китайское государство ехать ближе, не замотчав, с великим поспешением». Путь был выбран через Верхотурье, Тобольск, Маковский острог, Енисейск и далее по Верхней Тунгуске и Селенге. Из грамоты Верхотурскому воеводе: «...и тебе б, господине, по указу великих государей изготовить к приезду посланника Николая Спафария с товарищи суды и судовые снасти и кормщиков и гребцов, сколько человек ему будет надобно, из Русских людей...». После отбытия посольства из Тобольска последовала отписка воеводы царю: «...мая

во 2 день посланник Николай Спафарий с товарищи и с Тоболскими служилыми людьми из Тоболска отпущены на трёх дощениках, а кормщиков и гребцов на те дощеники дано ему из Тоболска сорок пять человек...».

Привёз грамоту служилый человек и Енисейскому воеводе, в которой было указано подготовить в Маковском острожке необходимое количество подвод и «отпустить его из Енисейска без задержки». Но задержка всё-таки произошла, о чём Енисейский воевода поспешил сообщить в Сибирский Приказ, указав причину задержки в недостатке гребцов на Оби и Кети, тем самым сняв с себя ответственность.

Проезжали через Маковский острог и волок и знатные царские сановники. Не менее четырёх раз был в Маковском боярин Иван Петрович Борятинский, который был воеводой в 1660 годах в Якутске и затем в 1677–1680 гг. в Енисейске. До службы воеводой он был Рязанским наместником, заключал мир со Швецией, затем был послом в Стокгольме, служил в разных Приказах, при отъездах из Москвы царь оставлял на него город. Неизвестно то ли он проштрафился, то ли сам попросился на «кормление» в сибирские города. Суть «кормления» – воевода за свою службу не получал государственного жалованья, а содержался со своей многочисленной семьёй и челядью за счёт населения уезда. Отсюда взятки, вымогательства и другие злоупотребления властью. Редко кому из воевод удавалось закончить службу без громких скандалов и разбирательств.

В 1686 году состоялся поход русского посольского войска под руководством полномочного посла, брянского наместника Фёдора Головина для определения государственной политики России в отношении к Цинской империи – Китаю.

Верхотурскому воеводе Григорию Нарышкину была послана царская грамота: «По нашему Великих Государей указу послан, с Москвы, на нашу Великих Государей службу, в Сибирь, в Дауры, околничей наш

и воевода Фёдор Алексеевич Головин, а с ним ратных людей послано с Москвы, Московских стрельцов пять сот человек». Приказ выступить был получен 20 января, а 24 марта 1686 года Головин был уже в Тобольске и дожидался подхода полка московских стрельцов общей численностью 506 человек с двадцатью медными пушками и мортирой. Дополнительно было привёрстано 100 служилых человек из Тюмени и 493 из Тобольска. Это войско численностью около 1100 человек, хотя и двигалось с максимально возможной скоростью, сдерживалось тяжёлым обозом и отсутствием дорог. Несмотря на трудности, в сентябре того же года посольство было уже в Маковском остроге, где было вынуждено оставить 10 орудий и 8 станков под расписку приказного человека Маковского острога сына боярского С. Сурвилова. Часть войска осталась зимовать в Маковском остроге, остальные зимовали в Енисейском и Рыбинском острогах. О Фёдоре Алексеевиче Головине: из старинного дворянского рода, ближайший и виднейший сподвижник Петра Первого, первый кавалер ордена Святого Андрея Первозванного, граф, генерал-фельдмаршал и генерал-адмирал, Государственный канцлер, в разное время был Президентом Посольского Приказа, управлял Военно-Морским Приказом, Оружейной, Золотой и Серебряной Палатами, Сибирским Наместничеством, Ямским Приказом и Монетным Двором.

Посольство в Китай Избранта Идеса и Адама Бранда прошло через Маковский острог и волок туда и обратно в ходе путешествия, состоявшегося в 1692-95 гг., о чём каждый из них по отдельности повествует довольно подробно в «Записках о русском посольстве в Китай».

В 1720–1727 гг. состоялось путешествие по Сибири Д.Г. Мессершмидта, немецкого медика и ботаника на русской службе, руководителя первой научной экспедиции за Урал. Он побывал в Селенгинске, Нерчинске, Енисейске. Выехав из Селенгинска 29 февраля 1724 года через Енисейск, Маковский острог вниз по Кети

и Оби выехал в Тобольск. Историк Г.Ф. Миллер, участвовавший в передаче в Академию наук рукописей Мессершмидта, отметил в своих записках, что количество и ценность материалов превзошли все ожидания.

В 1725–1730 гг. состоялась Первая Камчатская экспедиция под руководством датчанина на русской службе командора Витуса Ионассена Беринга. Он проделал огромный и тягчайший путь по Сибири, от Тобольска до Охотска. До Тобольска экспедиция добиралась сухим путём, от Тобольска по рекам Иртышу, Оби и Кети до Маковского острога, затем посуху в Енисейск. В. Беринг отмечал, что «от Тобольска до Маковского по рекам, где путь имели, живут остяки, которые прежде были идолопоклонниками».

В 1732–1743 гг. под его руководством состоялась Вторая Камчатская или Первая Академическая экспедиция, в состав которой были включены около 100 учёных различных отраслей науки. Экспедиция была разбита на несколько обособленных, каждый со своей задачей, отрядов. Северное побережье и восток Сибири изучали отряды Витуса Беринга и Алексея Чирикова, Мартина Шпанберга, Д.Л. Овцына, Ф.А. Минина, Д.В. Стерлегова, Лаптевых Х.П. и Д.Я. Участвовал в экспедиции и Арсений (Мацевич), впоследствии Сибирский митрополит. К сожалению, не всем им было суждено вернуться домой. 8 декабря 1741 года на острове Авача (ныне остров Беринга) скончался от болезни и сам командор.

Академический отряд экспедиции возглавлял действительный член Российской Академии наук, немец по происхождению, Герхард Фридрих (по-русски Федор Иванович) Миллер, после окончания экспедиции написавший «Историю Сибири». В этот отряд входили известные в дальнейшем учёные: А.Д. Красильников, И.Э. Фишер, И.Г. Гмелин, С.П. Крашенинников, Г.В. Стеллер. Основные грузы и люди экспедиции проехали на восток через Маковский острог, но некоторые

участники экспедиции добирались и более южным путем. Так сам Миллер прибыл в Енисейск из Томска.

Летом 1738 года возвращался в Сибирь, ездивший в столицу с отчётом и докладом, участник экспедиции лейтенант флота Дмитрий Яковлевич Лаптев. Вместе с ним ехал, назначенный на новое место службы в составе экспедиции, его двоюродный брат лейтенант флота Харитон Прокопьевич Лаптев. Для продолжения Второй Камчатской экспедиции с братьями были отправлены судовые снасти, форменная одежда, навигационные и плотницкие инструменты, «подарочные вещи» – бисер, медные котлы, топоры, ножи. Из «Записок лейтенанта флота Харитона Лаптева...» известен их путь от столицы до Якутска. «...По Кети шли до Маковского острога, где снова перегрузили имущество на лошадей и привезли в город Енисейск...». В честь братьев Лаптевых названо море, расположенное между полуостровом Таймыр и Новосибирскими островами.

С.П. Крашенинников, участник Второй Камчатской экспедиции, в то время ещё студент, но за время путешествия уже исследовавший и описавший полуостров Камчатку, а впоследствии учёный, профессор и ректор Академического университета, возвращался из экспедиции через Енисейск. Во время своего многолетнего путешествия он подробно, с указанием дат, населённых пунктов, географических объектов и расстояний между ними, описал дорогу до Камчатки и обратно. В августе 1742 года он сделал записи: «... 7. Поехали из Енисейска через Усть-Кемский погост; 10. Маковской острог; 12. Из Маковска поехали; 13. Ворожейкина деревня; 15. Монастырь Лосиноборской; 17. Колокольная мель...».

В с. Маковском в XIX в. несколько раз побывали епископы епархий.

Первое известное посещение относится к 1842 году, когда епископ Томский и Енисейский Афанасий посетил с. Маковское и 25 июля совершил Божественную литургию в Маковской Покровской церкви.

В 1853 году он при обозрении епархии вторично побывал в нашем селе и 28 июля в храме также совершил Божественную литургию.

Первый епископ Енисейский и Красноярский Никодим 12 июля 1864 года освятил в Маковском нынешнюю Покровскую церковь.

Епископ Енисейский и Красноярский Павел 7 июня 1871 года по прибытии в Маковское провёл утреннюю службу и лично проверил ведение церковных документов, ревизовал имущество, архив и библиотеку, отслужил литургию.

Епископ Енисейский и Красноярский Антоний прибыл в с. Маковское 20 июля 1878 года, осмотрел речку и 21 числа отслужил литургию.

Посещали с. Маковское и иностранные учёные, так в 1846 году три недели изучал язык остяков-кетов в с. Маковском и на Кети финский учёный – этнограф и лингвист, профессор Гельсингфорского университета Кастрен Матиас Александр, который также приобретал у них предметы домашнего обихода, о чем сохранились документы в архиве Академии наук. Например: «1846 года Апреля 19 дня я нижеподписавшийся Енисейского округа Надско-Пумпокольского управления Ясашной инородец Семён Петров Белозёров дал сию расписку Доктору Философии Александр Христьяновичу Г. Кастрен в том что обязуюсь я Белозёров вам доставить одежду нашего обряда как то парку, шапку, рукавицы и чарки закоторую получил денег серебром пять рублей в чем и подписуюсь личною прозбою инородца Семёна Белозёрова руку приложил Енисейский мещанин Григорий Стыжных».

В 1911–1914 гг. финский этнограф и лингвист Кай Доннер изучал быт и языки народностей Западной Сибири. Он проплыл и по реке Кети, сделал много фотографий. Среди опубликованных есть фотографии остяков, улицы с. Маковского, Лосиноборской часовни, старожилы с. Маковского.

Считаю необходимым в этой главе рассказать о человеке, который в середине XX века неоднократно бывал в селе Маковском. Это известный красноярский поэт Игнатий Дмитриевич Рождественский. Он был очень дружен с супругами Одинцовыми Константином Георгиевичем и Александрой Николаевной. Думаю, что он искренне любил наше село, знал его историю, и в каждый свой приезд писал о нём новое стихотворение. Несколько его стихотворений посвящены 350-летию юбилею села и одно из них стало началом моей книги:

*Маковское вот оно какое
Древнее сибирское село.
По-над Кетью, плавною рекою,
Словно чайка стала на крыло.
(это не ошибка – так в оригинале)*

В другом стихотворении посвященном юбилею он пишет:

*Со мною снова Север хвойный,
Чуть затуманенная высь
Над Кетью плавной и спокойной,
Как сёстры сосны обнялись.
И рассудительно спокойны,
И торопливы на дела,
И в добрых чувствах неизменны
Крестьяне дальнего села.
Села, что в крае всех древнее,
Чей возраст триста пятьдесят.*

В нескольких стихотворениях Игнатий Рождественский описывает реку Кеть. Одно так и называется – «На Кети»:

*У каждого есть избранные сёла,
Любимые до смерти города,*

*Подсвеченные ландышами доли
Или озёр холодная слюда,
И как бы нам ни приходилось туго,
У каждого есть свой заветный край:
Одним – Березина, другим – Ветлуга.
А мне, чалдону, Кеть мне подавай...
...Здесь расстоянья мерили песками
И выкуренными трубками давно ль?
А Кеть, не расставаясь с тальниками,
Идёт, из сердца вымывая боль...*

Много внимания он уделяет природе наших мест.
В этом же стихотворении он пишет:

*Встаёт сохатый на краю обрыва,
И от кипрея полыхает гарь,
И реку тяжело, неторопливо
Перелетает дымчатый глухарь,
Он огненными хвалится бровями,
Лесной петух к бруснике держит путь...*

Есть и стихотворение «Брусника Маковского бора»:

*Брусника Маковского бора
Румянец стелет по траве.
Как брать её сподручно, споро
В струистой тихой синеве...*

МЕСТО ССЫЛКИ И РЕПРЕССИЙ

Сибирь с самого начала своего присоединения к России, то есть с конца XVI века, была местом ссылки. Сюда ссылали государственных и помещичьих крестьян «на пашню», проштрафившихся чиновников, участников крестьянских бунтов, польских и казачьих восстаний, уголовников, а в конце XIX и начале XX веков революционеров. В Маковском в ссылке известных революционеров не было, вероятно, из-за невозможности осуществлять за ними постоянный гласный надзор полиции, который входил в обязанность станowych приставов и участковых полицейских урядников, местом пребывания которых было волостное село Яланское.

В одной статье о пашенных крестьянах Енисейского уезда упоминается в 1646 году первый пашенный крестьянин Маковского острога – ссыльный из Москвы Васька Михайлов, но подтверждения этому я не нашёл.

Из опубликованного Г.Ф. Миллером дневника китайского посольства к Аюке-хану 1712 года известно о пленном адъютанте шведского короля Карла XII генерале Канифере, живущем со многими другими пленными шведскими офицерами в Маковском остроге в ссылке.

В Енисейский уезд ссылка в основном была на поселение. Ссылнопоселенцы делились на 4 разряда:

1. Назначенные к заселению отдалённых и малообитаемых мест;
2. Распределявшиеся по старожильческим селениям;
3. Поступавшие на пополнение заводских рабочих;
4. Неспособные к поселению по старости или болезни (на пропитание), распределялись в основном по богатым

и большим населённым пунктам, где можно было прожить на милостыню.

В с. Маковское поступали ссыльные только 1 и 2 разряда. В старожильческих деревнях размещали только одиночных ссыльных. В 1864 году в Енисейский уезд стали прибывать партии поляков, сосланных в Сибирь за участие в восстании 1863 года.

До 1820-х годов проследить проживание ссыльных в Маковском не удалось. Первое упоминание о ссыльнопоселенцах встречено только в Ревизских сказках поселенцев Яланской волости 1850 года, из которых известно о проживании в с. Маковском восьми ссыльных. Некоторые из них жили в Маковском с семьями, как, например, Мирон Бондаренко, водворённый в ссылку в 1829 году, переведённый в крестьяне в 1837 году; Иван Дмитренко водворённый в ссылку в 1824 году, переведённый в крестьяне в 1836 году. В Ревизских сказках имеются сведения не только о датах водворения поселенцев в ссылку и перевода в сословие крестьян, но и перевода их в другие волости.

Известно о проживании в ссылке в конце XIX века политического ссыльного, католика по вероисповеданию, Роя (Роха) Васильевича Дубровского (Домбровского), принявшего православие и имя Диомид, умершего в Маковском в возрасте 80 лет в 1904 году.

В 1877 году женился на Татьяне Стефановне Коротких ссыльнопоселенец католик Герт Простак. В 1879 году он принял православие и имя Иван Иванович. В 1883 году у них родился сын Даниил. Даниил Иванович Простак прожил всю свою жизнь в с. Маковском.

В 1899 году уже жил в Маковском в ссылке Иоанн (Иван) Семенович Перепелюков.

Агранов Яков Саулович (Сорензон Янкель Шмаевич), эсер, с 1915 г. член РСДРП(б), в 1915–1917 гг. отбывал ссылку в Енисейском уезде, 5 августа 1915 года прибыл в Рыбную Яланской волости, откуда сразу же обратился к властям с просьбой о переводе его из-за слабого

здоровья в другое место, где есть врачебное учреждение. Освобождён от ссылки по амнистии Временного правительства в 1917 году. Работал в аппарате Совнаркома, затем в органах ВЧК – ОГПУ – НКВД. Один из организаторов массовых репрессий 1920–1930 гг. Начальник особого отдела по делам высылки интеллигенции, заместитель председателя ОГПУ, начальник Главного управления государственной безопасности, заместитель наркома внутренних дел СССР. Арестован в 1937 г., приговорён к высшей мере наказания 1 августа 1938 г. Расстрелян. Не реабилитирован. Этот одиозный человек получил по заслугам.

Иванов Григорий Иванович, 1880 г. р., проживал в с. Маковском, грамотный, крестьянин-хлебопашец, арестован 20 апреля 1920 года, приговор вынесен 10 октября 1920 года по обвинению в службе в армии Колчака. Дело передано на рассмотрение в ГубЧК, решения по делу нет. Реабилитирован прокуратурой Красноярского края в 2004 году.

Центилович Нина Николаевна, социал-демократ, меньшевичка, член РСДРП с 1906 года, до революции неоднократно подвергалась арестам за революционную деятельность, арестовывалась и в советское время (1918–1921 гг.), в октябре 1924 года выслана на 3 года в Енисейск. В октябре 1925 года жила в ссылке в Маковском, в декабре 1927 года находилась в Енисейске. В Маковском она вышла замуж за Дмитрия – сына местного торговца Максимова Ивана Тимофеевича, у них впоследствии родилось трое детей. В декабре 1937 года она в г. Уральске осуждена по ст. 58-10 на 10 лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), срок отбывала на Колыме, затем сослана снова в Красноярский край, умерла в Ачинске в 1972 году. Реабилитирована в 1992 г. Вероятно, из-за неё в феврале 1928 года был арестован её муж Максимов Дмитрий Иванович по обвинению в контрреволюционной агитации, но дело по нему было прекращено.

Бобовский Евгений Адамович (отец Евгений), священник Богоявленско-Николаевского собора, арестован в марте 1925 года в Ленинграде, сначала был в ссылке в Канске, затем в Маковском. За отпевание псаломщика переведён в Енисейск. После открытия в 1946 году в Енисейске Успенской церкви служил в ней до 1953 года, затем вернулся в Ленинград. Протоиерей.

Особенно большие трудности пришлось испытать в начале 1930 года сосланным во внесудебном порядке «на Маковку» раскулаченным крестьянам. Следует отметить, что ссылку на Ворожейский участок малообжитый, практически непригодный для занятия сельским хозяйством, и пригодный только для лесозаготовок, в районе проектируемой Томско-Енисейской железной дороги (это и оказалось впоследствии печально известной «Маковкой») вначале планировали из Красноярского округа Западно-Сибирского края, но он был занят для переселения крестьян из других округов.

Считаю необходимым ознакомить читателей книги с подлинными событиями 1930 года, когда в село Маковское в февральские морозы и глубокие снега были сосланы во внесудебном порядке более четырёх тысяч репрессированных зажиточных крестьян-спецпереселенцев из южных округов нынешнего Красноярского края и Забайкалья.

Невозможно представить, где и как одновременно располагались эти несчастные люди в нашем маленьком селе до того, как для них были построены жилища в тайге. В Маковском в то время было всего около 80 домов.

Вскоре для них стали строить дома на борах «Окунёво» и «Сороки». Наше поколение спустя 30 лет застало остатки этих домов. В это время возле них ещё валялись колоды для поения и кормления скота, остатки сельхозинвентаря. То есть крестьяне ехали с надеждой продолжить сельское хозяйство и в ссылке.

Смертность среди спецпереселенцев была очень высокой. Было организовано два кладбища прямо в барах.

По воспоминаниям Натальи Михайловны Черепановой, которые были записаны в 1999 году основателем Красноярского общества «Мемориал» В.С. Биргером, только за три месяца 1930 года умерло 350 ссыльных и членов их семей.

Работники Енисейского районного архива предоставили мне для исследования документ, проливающий новый свет на количество крестьян сосланных в наши места, условия их существования и дальнейшую судьбу маковской ссылки. Это доклад коменданта Маковской комендатуры Восточно-Сибирского крайадмуправления Злобина по состоянию на 15 октября 1930 года.

Спецкомендатура трудовых поселений располагалась в новом доме торговца-крестьянина Максимова И.Т., выселенного из дома незадолго до этого.

В докладе отмечено, что «кулаки расселены на 3 участках ворожейской группы в возведённых бараках общим количеством 4152 человека».

И далее Злобин признаёт: «На данных участках невозможно заниматься не только сельским хозяйством, но и другими работами, т. к. участки расположены в глухой тайге с песчаной и болотистой почвой. Из-за чего среди расселенцев началось массовое бегство... В конце июня в с. Маковское прибыла специальная комиссия ОкрИКа (окрисполкома) из представителей адмтдела, окрздрава, окрзу (земельного управления), охотрыбаксоюза, окрпрома и Енсоюза с твёрдой установкой устройства кулацкого посёлка и организации работ».

Результатом работы комиссии было принятие решения о переводе спецпереселенцев на Ларионовский участок, который единственный из пяти предложенных был признан пригодным для ведения сельского хозяйства и возведения посёлка.

В конце 1930 года в новом посёлке Ларионовском, в 40 километрах от Маковского, неподалеку от речки Шайтанки, притока реки Кети был организован совхоз «Маковский».

Только не был решён вопрос водоснабжения: посёлок построили вдали от речки Шайтанки, а вода в ближних ручьях летом протухала, поэтому пришлось строить колодцы. И что это – очередное издевательство над крестьянами, головотяпство или вредительство?

В посёлке первоначально планировалось иметь 300 крестьянских хозяйств. Часть крестьян работали на постройке типовых домов-бараков, скотных дворов и подсобных строений. Другие использовались на дорожных работах в СибРПУ, в Кемском участке леспромхоза, в рыболовецких артелях, в разных торгово-хозяйственных организациях. В первый год было засеяно ржи 87 гектаров и вспахано паров 91 гектар, заготовлено сено. Для ремонта сельхозинвентаря открыто две кузницы в Маковском и одна в Ларионовке.

Были организованы собственные бригады по сбору ягод, грибов, черемши, вылову рыбы на Кети. Занимались кустарными промыслами: изготовлением колёс, дрожек, бочек, клещей для хомутов, выгоняли дёготь. Охотились самодельными ловушками: плашками, капканами и кулёмками (огнестрельное оружие им выдавать не разрешалось, призывать в армию сыновей спецпереселенцев и доверять им оружие начали только во второй половине 1942 года).

Большое количество крестьян, сконцентрированное на небольшом пространстве, неудовлетворительные условия проживания, их некруглогодичная занятость не могли не вызывать беспокойство властей. Поэтому в конце года их было решено перевести для работы на золотые прииски.

28 ноября 1930 года в комендатуру была отправлена телеграмма: «Снять 322 спецпереселенца работающих в разных организациях и всех остальных спецпересе-

ленцев передать Союз золото северному вместе со штатом комендатурь» (орфография подлинника сохранена).

Оставлена только небольшая часть спецпереселенцев занятых непосредственно сельским хозяйством на Ларионовском участке. В декабре 1930 года в совхозе было 158 семей с 427 едоками, из них трудоспособных 209 человек, детей школьного возраста 40, дошкольного 38 человек. Жили в 40 бараках временного типа из сухостоя размером 5 на 8 метров. Имелись хозяйственные постройки: полуутеплённый скотный двор, сарай для скота, амбар, навес для сельскохозяйственных машин, три колодца, подвал для хранения овощей; было начато строительство конюшни на 100 лошадей, типового барака на 120 человек, турбинной мельницы, запруды на речке. В совхозе было 134 рабочих лошади, 35 коров, свиньи, куры, кролики. Посевная площадь составляла 245,5 гектара, была организована летняя детская площадка, которую посещали 29 мальчиков и 31 девочка от 3 до 7 лет из семей спецпереселенцев. Дети обеспечивались питанием.

Но уже 2 декабря 1931 года на внеочередном заседании Енисейского райисполкома был рассмотрен вопрос: «О ликвидации Маковского совхоза ПП ОГПУ и организации из спецпереселенцев неуставных артелей. Постановили: ... 1. Из существующего наличия спецпереселенцев в Енисейском районе, которые не могут быть использованы по линии промышленности, организовать две неуставные с. х. артели – первую на базе Маковского совхоза на территории бывшей Шайтанской группы переселенческих участков...».

В 1932 году совхоз был ликвидирован и создано две неуставных сельхозартели, а в конце 1930 годов неуставная сельхозартель в Ларионовке (по-местному Шайтанке) преобразована в колхоз с издевательским названием «Новый путь», который просуществовал до конца 1940-х годов, когда в 1947 году началась ликвидация спецпоселений по всему Красноярскому краю.

Люди разъехались, колхозный инвентарь был передан в другие колхозы, в том числе и в маковский колхоз «Север». Несколько семей переехало в село Маковское.

Так для села Маковского закончилась эта бесславная эпопея со ссыльными крестьянами.

В память об этих обездоленных людях, лишённых свободы, хозяйства, нажитого имущества и крова хочется привести некоторые фамилии:

– Васильев Константин, 1887 г. р., раскулачен в 1930 году и выслан из Пировского района вместе с семьёй (жена, 10 детей и 2 невестки) в с. Маковское;

– в начале 1930 года из с. Б. Мурта в Маковское была депортирована белорусская переселенческая крестьянская семья Визнера Сидора Ивановича. Только перед войной их отпустили в Красноярск;

– Запольский Степан Болеславович, 1898 г. р., в 1930 году раскулачен и выслан из с. Шарыпово в Маковское вместе с семьёй (жена, трое детей, брат с женой, сестра и мать, 1863 г. р.). Могла ли трудолюбивая семья, имея столько работников, быть бедной?

– Зюбанова Наталья Николаевна, 1877 г. р., из Шарыповского района в феврале 1930 года с детьми выслана в Маковское, летом смогли уехать в Мариинск;

– Марков Перфирий Афанасьевич, 1887 г. р., из Ачинского округа депортирован в с. Маковское. В июле 1937 года арестован в Красноярске и осуждён к высшей мере наказания (расстрел);

– Марьясов Василий Егорович, 1898 г. р., раскулачен в феврале 1930 года и выслан из Ужурского района с семьёй в Маковское, добирались в ссыльном обозе на своей лошади. На родине в их доме устроили школу. Осенью того же года отправлен с семьёй в Соврудник (Северо-Енисейск), где и пробыл в ссылке до 1946 года. Реабилитирован в 2000 году;

– Метёлкина Ефросинья Васильевна, 1880 г. р., после ареста мужа, вместе с дочерью Елизаветой, 1924 г. р.,

выселена из дома и сослана в Маковское. Выжили чудом. Летом 1931 года вторая дочь поехала за ними и с большим трудом вызволила их из ссылки и увезла к себе в Красноярск;

– в феврале 1930 года раскулачен и выслан из Ачинского округа в с. Маковское Мурзин Василий Михайлович, 1893 г. р., воевавший в 1919 году в армии Колчака, в мае того же года вернулся домой. Дважды арестовывался, приговорён сначала к 8 годам, а в 1937 году к ВМН (расстрел);

– Попов Степан Иванович, 1885 г. р., неграмотный, из крестьян, раскулачен в Канском округе в марте 1930 года и выслан с семьей в с. Маковское. Летом того же года бежал из ссылки в Уяр, но там сразу арестован и за саботаж осуждён на 4 года концлагеря. Снова был арестован в ноябре 1937 года и расстрелян по обвинению в участии в контрреволюционной организации и контрреволюционной агитации;

– Сидоров Андрей Андреевич, 1884 г. р., уроженец и житель с. Бельское Пировской волости, из зажиточных крестьян, раскулачен в 1929 году и выслан в д. Шайтанку, где работал животноводом в неуставной трудартели. Арестован 25.09.1937 г. по обвинению в участии в контрреволюционной организации. Приговорён 07.05.1938 г. к высшей мере наказания, расстрелян 25.05.1938 г. в г. Енисейске. Реабилитирован 24.12.1957 г. военным трибуналом Сибирского военного округа.

Вина этих крестьян была только в том, что они хотели жить и жили лучше деревенских бедняков, которые пришли к власти после октябрьского переворота и гражданской войны и согласно директивам партии, поспособствовали раскулачиванию и ссылке сельских трудяг.

Следует отметить, что всё хозяйство раскулаченных крестьян, оставшееся после продажи части имущества для уплаты налогов, передавалось в неделимый фонд

колхозов, созданных в местах их прежнего проживания.

20 января 1933 года арестован и осуждён на 3 года условно по обвинению по ст. 58-10 и 58-11 уроженец д. Рыбной Белошапки Павел Платонович, 1888 г. р., проживавший к тому времени в с. Ялань и работавший в личном хозяйстве (единоличник).

Много лет прожил в с. Маковском Эстер Александр Юганович, эстонец по национальности. Семья его родителей была раскулачена во время сплошной коллективизации в одном из эстонских поселений на Ставрополье и сослана в Алтайский край. Позднее он с братом приехал в Маковское, женился и остался здесь жить.

Впоследствии практически все сосланные и репрессированные крестьяне были реабилитированы.

О других репрессированных:

В октябре 1931 года были арестованы, а 25.06.1932 г. осуждены на 3 года условно, за помощь карательному отряду Колчака охотники с заимки Якша Маковского сельсовета уроженцы Пермской губернии – Заворыгин Егор Алексеевич, 1886 г. р., русский, из крестьян, малограмотный и Базуев Павел (Михаил) Фролович (Федорович) 1898 г. р., русский, грамотный. Оба реабилитированы 4 декабря 1989 года. Если бы их осудили в 1937 году, то они получили бы, наверное, лет по 10 ИТЛ, а то и ВМН.

Исайкин Андрей Иванович сослан в Маковское из Мордовии. Женился в Маковском. Геройски воевал во время Великой Отечественной войны.

Самодеев – административно-ссылный в Маковский сельсовет, летом 1933 года умер в ссылке от побоев. За это убийство были арестованы, увезены в Енисейск и не вернулись Панов Илларион Евстафьевич с братом.

Арестованы 18 ноября 1937 года кузнецы из с. Маковское Заворуев Николай Сергеевич, 1895 г. р., русский, малограмотный, из крестьян, уроженец с. Казачинское и Какушкин (так в книге Памяти) Иван Кузьмич,

1903 г. р., уроженец Тамбовской губернии, русский, образование 4 класса сельской школы, из крестьян, по обвинению по статьям 58-10 ч. 1 и 58-11. Дело прекращено Енисейским райотделом НКВД 3 июля 1938 года, и они освобождены. Оба реабилитированы в апреле 2007 года прокуратурой Красноярского края.

В июле 1937 года работники НКВД провели «операцию» по аресту пяти охотников-промысловиков, уроженцев Пермской губернии, из староверческих заимок Маковского сельсовета, по обвинению в создании контрреволюционной организации:

11 июля арестован Нестеров Мокей Нифантьевич, 1914 г. р., русский, малограмотный, проживал на заимке Соломенникова. Осуждён тройкой 18.08.1937 г. на 8 лет исправительно-трудовых лагерей;

12 июля арестован его брат Нестеров Григорий Нифантьевич, 1912 г. р., русский, малограмотный, проживал на заимке Колегова. Осуждён тройкой 25.08.1937 г. на 8 лет ИТЛ. После окончания срока проживал в Ворогово Ярцевского района, снова арестован 28 июня 1949 года по обвинению в КРО. Осуждён 15.10.49 г. на поселение в Красноярском крае;

Их отец – Нифантий Потапович, 1878 г. р., русский, малограмотный, проживал на заимке Соломенникова, арестован 12.07.1937 г. Приговорён 18.08.1937 г. к высшей мере наказания и расстрелян 31.08.1937 г.;

Кустов Степан Лазаревич, 1876 г. р., русский, малограмотный, проживал на заимке Чекуровской, арестован 12.07.1937 г., осуждён 25.08.1937 г. к ВМН. Расстрелян 11.09.1937 г.;

Саблин Федор Тихонович, 1908 г. р., русский малограмотный, проживал на заимке Соломенникова, арестован 30.07.1937 г. Кроме КРО обвинён в антисоветской агитации и 18.08.1937 г. осуждён тройкой на 10 лет ИТЛ.

Эти охотники-староверы не приняли колхозов и бежали от них в нашу тайгу, где и жили так же, как их предки

со времён раскола церкви. А контрреволюционная организация – это фальсификация работников органов внутренних дел для показа своей якобы активной работы.

Все они реабилитированы 04.03.1965 г.

6 ноября 1937 года арестован, 13 ноября приговорён к высшей мере наказания по обвинению в контрреволюционной агитации и оказанию содействия колчаковским карателям, а 26 ноября того же года уже расстрелян в Енисейске, бывший в 1907 году священником Маковской Покровской церкви иерей Вазингер Иоанн Фёдорович, последний священник Енисейского Иверского девичьего монастыря. Реабилитирован прокуратурой Красноярского края в 1989 году.

8 ноября 1941 г. по доносу, организованному учителем, в деревне Ворожейке был арестован Коротких Егор Фёдорович, 1912 г. р., кладовщик и кассир колхоза «Охотник». Осуждён 25.07.1942 г. Красноярским краевым судом на 10 лет исправительно-трудовых лагерей и три года лишения политических прав с конфискацией личного имущества по обвинению по ст. 58-10 ч. 2. Дальнейшая судьба его неизвестна. Стойким человеком оказался Егор Федорович и не оговорил никого из земляков, иначе бы им всем грозила высшая мера наказания за создание контрреволюционной организации. Реабилитирован 21.02.1997 г. прокуратурой Красноярского края.

В апреле-августе 1942 года в несудебном порядке из Ленинградской области выселены вместе с немцами и ингерманландские (ижорские) финны. Несколько семей были поселены в наших деревнях.

Наше село Маковское долгие годы было традиционным местом ссылки руководителей различных сектантских организаций:

В 1936–1938 гг. в ссылке в Маковском был председатель Федеративного союза баптистов Одинцов Николай Васильевич (ЕХБ – евангельские христиане-баптисты),

уроженец Саратовской губернии, 1868 или 1870 г. р. Осуждён в 1934 году на 3 года концлагерей, в 1936 году на 2 года ссылки, в 1938 году приговорён к высшей мере наказания по обвинению по ст. 58-6, 8 и 10. После приговора увезён в неизвестном направлении, умер в заключении. В 1958 году реабилитирован;

В начале 1970 годов был в ссылке в нашем селе Прокофьев Алексей Фёдорович – один из лидеров «отделённых» (Незарегистрированное баптистское братство). Жил в небольшом доме рядом со зданием сельсовета;

В это же время отбывал ссылку в Маковском епископ церкви ХВЕ (христиане веры евангельской – одного из течений пятидесятников) Белых Виктор Иванович. Он перевёз в Маковское семью. Работал на электростанции;

Диссидент – правозащитник, узник сталинских лагерей, экономист, политзаключенный в 1969–1971 гг. Красин Виктор Александрович, 1929 г. р., в декабре 1969 года осуждён по Указу Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года формально за тунеядство, а фактически за правозащитную деятельность и приговорён к 5 годам высылки, в конце января 1970 года прибыл на место поселения в с. Маковское. Осенью 1971 года Верховный суд РСФСР отменил приговор. В июне 1972 года снова осуждён к ссылке. В 1974 году помилован решением Верховного Совета РСФСР и в 1975 году эмигрировал в США.

Как известно, в течение 1940 годов репрессии коснулись прибалтийских республик. Были в ссылке в Маковском и заведовали Маковской больницей: в начале 1950 годов латыш Дэрумс, по-русски его звали Василий Иванович, затем, после его отъезда на родину, в Маковском долгое время жил эстонец Мандри Иоанн Иосифович, по-русски Иван Осипович. По сообщению научного сотрудника Енисейского краеведческого музея Т. Игнатъевой – он выпускник университета в г. Карловы Вары (Чехия).

Необходимо пояснить, что из себя представляла статья 58 Уголовного Кодекса РСФСР в редакции 1927 года в то страшное время. По этой статье наказывали за государственные преступления и контрреволюционную деятельность. Чаще всего обвинения выдвигались по ст. 58-10 и 58-11.

Статья 58-10 – пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление, или хранение литературы того же содержания влекут за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев (то есть максимальный срок заключения не ограничивался);

58-11 – всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, влекут за собой меры социальной защиты вплоть до высшей меры наказания;

58-6 – шпионаж, высшая мера наказания;

58-8 – террористические акты, направленные против представителей советской власти, высшая мера наказания.

СОСЛОВИЯ МАКОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Сословия – по определению энциклопедических словарей – это социально-правовые группы населения, различающиеся объёмом прав и обязанностей по отношению к государству.

Сословия в царской России подразделялись на привилегированные и непривилегированные.

Но я считаю более справедливым вынести в начало статьи местное аборигенное население – ясачных остяков-кетов и тунгусов-эвенков, хотя их чаще приравнивают к непривилегированному крестьянству. Ведь это они с незапамятных времён были хозяевами наших мест.

ЯСАЧНЫЕ

Уже в начале XVII века служилые люди Кетского острога обложили ясаком – натуральным налогом – «мягкой рухлядью» (мехами) местное остяцкое и тунгусское население. После основания Маковского и Енисейского острогов функция сбора ясака в верховьях Кети и по среднему течению Енисея перешла к этим острогам. На Кети были образованы Пумпокольская и Натская ясачные волости.

С какого времени жили остяки-кеты в этих местах установить уже невозможно, как невозможно установить и их происхождение. По предположению археологов и историков кеты могли прийти на среднее течение Енисея и на Кеть из южной Сибири ещё в IX–XIII веках, т. е. эти места заняты ими за несколько веков до появления здесь русских служилых людей.

В Крестоприводной книге 1682 года записано 13 ясачных Натской и 4 ясачных Пумпокольской

волостей, целовавших крест на верность взошедшим на российский престол царям Иоанну и Петру Алексеевичам. Известны их ещё языческие – дохристианские имена и фамилии, но они не имеют ничего общего с фамилиями известными из Ревизских сказок 1784 года и Духовных росписей 1790 года, т. е. уже после их обращения в православную веру. Известно об их именовании новокрещёными уже в 1718 году. Крещение аборигенов Тобольской губернии в православную веру в начале 18 века осуществил митрополит Тобольский и Сибирский Филофей Лещинский, принявший после пострижения имя схимонах Фёдор. В течение своих шести путешествий по Тобольской губернии он окрестил около 40 тысяч аборигенов. Побывал он в 1718–1719 гг. и в Енисейске. Вот тогда и были крещёны кетские остяки и тунгусы.

Из этой книги известно и о собранной мягкой рухляди: «С Кети реки Нацкой волости поминков десять соболей да ясаку два сорока тритцать четыре соболя с хвосты. С Кети реки Пумпокольской волости поминков одинатцать соболей да ясаку три сорока семь соболей с хвосты». Всего собрано в поминок (подарок) царю 21 соболь и ясака 241 соболь.

По Указам Петра Первого от 1706–1720 гг. при крещении в православную веру новокрещёным велено «учинить в податях трилетнюю (трёхлетнюю) льготу а по прошествию тех трёх лет збирать по прежнему без упущения» и кроме этого им выделялись из государственной казны ткани.

В Тобольском архиве имеется дело о выделении «новокрещёным иноверцам за добровольное ими святого крещения восприятие в награждение мужеска на кафтаны сукна сермяжного по девяти аршин на опушку оных зендени по три аршина чалдаров на рубашки по шестнатцати аршин на порты бязи по восьми аршин жёнкам болшим на сарафаны по два хама на подкладку оных зендени по пятнатцати аршин чалдару на рубашки

по шестнатцати аршин и детям их по летам возраста их выдать из Тобольской рентереи из имеющихся в той рентереи в наличности товару». (Сукно сермяжное, зендень, чалдар, бязь – ткани того периода). Всего выделялось новокрещёным мужчинам товару на восемь рублей, а женщинам на четыре с половиной рубля.

Тобольская духовная консистория предписывала новокрещёным «содержать себя в вере христианской твёрдо и постоянно в церковь святую всегда и особливо в господские и двенадесятые праздники в высокосторжественные викторианские дни ходить и слушанию службы божией неленостно и исповедования святых Христовых тайн приобщания повсягду неотменно и в том пребыть до кончины жизни своея непревратно а с некрещёными никакого сообщения не иметь».

В 1705 году эти волости были объединены в одну Натско-Пумпокольскую ясачную волость.

Из путевого дневника историка Г.Ф. Миллера (около 1740 года) известно, что кроме местных остяков к Натско-Пумпокольской ясачной волости причислены также три ясачных остяка с устья реки Пит, четыре чулымских татарина, живущих на реке Енисее неподалеку от г. Енисейска в д. Епишиной и один монгол, бежавший из калмыцкого плена. Не от него ли образовалась остяцкая фамилия Мунгаловы? Ведь в старину монголов называли мунгалами.

После принятия православия остяки и тунгусы стали иметь русские имена и фамилии. Они так же, как и всё русское население, обязаны были ежегодно бывать на исповеди и причастии и отдельно вносились в Исповедные росписи как «новокрещёные остяки и тунгусы, кочующие в разных местах в лесах Нацкой и Пумпокольской волостей». В экстрактах духовных росписей записано новокрещёных в 1773 году 138 мужских и женских душ, в 1782 году – 125 и в 1784 году – 122 души.

Из Ревизских сказок 1784 года известно, что князем у остяков до смерти в 1779 году был Николай Алексеев

(это ещё только отчество), затем его племянник Герасим Максимов сын Мунгалов. В это время ещё не все остяки имели фамилии, а некоторые фамилии в последующие годы были изменены.

В этом документе не записаны ясашные тунгусы, вероятно, они в это время кочевали в другой местности.

Известны и старшины ясашных крещёных татар, переведённых из Тутальской волости Томского ведомства и проживавших в д. Епишиной, приписанных к Натско-Пумпокольской волости. До 1776 года старшиной был Алексей Семёнов сын Кулаганов, затем Максим Берестов. Всего крещёных татар было три семьи Берестовых и одна Кулагановых. Они не были приписаны к Маковской Покровской церкви и в дальнейшем записи о них можно найти только в Енисейском Богоявленском соборе, к которому была приписана д. Епишина.

В 1790 году в Натско-Пумпокольской волости числилось 18 семей остяков и 4 семьи тунгусов. Остяки – десять семей Мунгаловых, по две Распуткиных, Бобровых и Беляшовых, по одной Суторевых и Первушиных: тунгусы по одной Делицыных, Шандыгиных, Голицыных, Корелиных, всего людей было 97 человек; из них 58 мужчин и 39 женщин.

В XIX веке известны фамилии ясачных Мунгаловых, Распуткиных, Белозёровых и Стыжных (Стыжных). Вообще-то, Белозёровы и Стыжные – это русские старожильческие фамилии, как эти фамилии оказались у остяков, остаётся только предполагать. Семьи остяков Тыжных и Распуткиных известны из Ревизских сказок 1763 года, а Белозёровы впервые встречены в Исповедной росписи 1799 года, до этого члены этой семьи именовались Бобровыми.

В родословной литературе встречаются сообщения, что фамилии у аборигенов иногда изменялись при крещении их детей – ребёнку давалось имя, а иногда и отчество восприемника, а всей семье присваивались фамилии восприемников-крёстных.

Так первый остяк Тыжнов – Семён (1730 г. р.) известен из Ревизских сказок 1763–1784 гг. В 1730 году ещё здоровствовал приказчик Маковского острога Семён Анисимов Тыжнов и есть все основания предполагать, что он был восприемником (крёстным отцом) младенца остяка Семёна.

Из Метрических книг известно, в каких юртах в середине XIX века проживали те или иные остяки.

В Марковых юртах жили ясачный инородец Никита Фёдоров Стыжнов, Мунгаловы, Белозёровы, Сутаревы; в Глазковских – Белозёровы; в Колоколенских – Дружинины; в Налимских – Белозёровы и Сутаревы; в Урашенских – Белозёровы и Мунгаловы; Распуткины жили в деревне Филиповой. Никита Фёдоров Стыжнов в 1854 году был записан уже как «села Маковского ясачный Никита Фёдоров Стыжнов».

О браках русских с аборигенами в XVII – первой половине XVIII вв. ничего не известно, но, как и в других местностях, в первые годы заселения Сибири они, несомненно, были, и у нас – потомков старожилов – может быть когда-то примешено хоть немного остяцкой или тунгусской крови.

В середине XVIII века из-за недостатка женщин в семьях ясачных Натско-Пумпокольской волости браки часто совершались с аборигенками Нарымского ведомства.

Ясачные Стыжновы и Распуткины женились, в основном, на русских женщинах.

В Метрических книгах XIX века встречено всего несколько записей о венчании русских мужчин с остячками.

К привилегированным сословиям относилось дворянство, к полупривилегированным – почётные граждане, чёрное и белое духовенство, купечество и разночинцы.

Самыми многочисленными непривилегированными сословиями были податные слои населения. К ним относили мещан (до 1775 года их называли посадскими

людьми), цеховых ремесленников и крестьян, как государственных (до середины XVIII века их именовали пашенными крестьянами, а во второй половине XVIII века поселянами), так и экономических (до секуляризации церковных земель 1764 года их называли монастырскими). К крестьянам приравнивались ясачные и солдаты с детьми.

ДВОРЯНСТВО

В Маковском из-за отсутствия помещиков дворяне могли быть только среди приказчиков острога. Известно лишь о приказчике Маковского острога в 1682, 1683, 1686, 1691, 1693 годах боярском сыне из польской «шляхты» Степане Гаврилове сыне Сурвилове. Польская «шляхта» – это низшая ступень сословия служилого дворянства в Польше, Литве.

Степан Гаврилов сын Сурвилов был повёрстан в дети боярские среди других шляхтичей в 1669 году. О чём имеется запись в Переписной книге Енисейского уезда того же года: «Да в нынешнем же во 177 году прислана Великого Государя Царя и Великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержца грамота за подписью дьяка Льва Ермолаева. Велено быть в Енисейском остроге в детях боярских шляхте, которые били челом Великому Государю в вечную службу...». Среди других указан и Степан Сурвилов.

В Крестоприводной книге 1682 года он записан приказчиком Маковского острога.

Известно, что в 1683 году он кроме государевой службы занимался и землепашеством: «Степан Гаврилов Сурвилов за половину хлебного жалования служит с пашни, оклад тринадцать рублей хлеба двенадцать четей ржи десять четей овса три пуда соли». Четь хлеба в Сибири в то время равнялась четырём пудам.

В 1693 году у него записан сын «Андрюшка дватцати лет и он глух и нем». Других сведений о потомках Степана Сурвилова не встречалось.

Таким образом, никто из уроженцев села Маковского не может причислить себя к дворянскому сословию.

ЛИЧНЫЕ ПОЧЁТНЫЕ ГРАЖДАНЕ

Из записи в Метрических книгах 1882 и 1903 года известно о личных почётных гражданах села Маковского Василии и Михаиле Флегонтовых Поповых. Сыновья дьячка (псаломщика) не были потомственными почётными гражданами, но, по всей вероятности, стали личными почётными гражданами при подаче прошения о выходе из духовного сословия, что было предусмотрено законами того времени. Ранее при венчании в 1882 и 1891 годах они были записаны простыми отставными солдатами.

Право именоваться личным почётным гражданином распространялось только на данное лицо и его жену. Особым правом была свобода от подушного налога и от телесных наказаний. Личным почётным гражданином это лицо имело право именоваться во всех актах.

ЧЁРНОЕ ДУХОВЕНСТВО

Чёрное духовенство – это монастырские служители и монахи. Из истории Лосиноборского Спасского монастыря известны: старец Илья – основатель и строитель монастыря (1677 год); игумен монастыря Гавриил Попов, составивший список жителей для Переписи 1719 года. В 1718 году в монастыре было восемь монахов: строитель Тимофей, иеромонахи Наум и Сергей и рядовые Христофор, Никифор, Иоаникий, Дионисий и Герман. Из архивного дела 1751 года известен иеромонах Измаил – последний игумен монастыря, он имел мирское имя Исаакий Попов, родился в 1701 году в семье священника с. Воскресенского.

БЕЛОЕ ДУХОВЕНСТВО

К белому духовенству относились священно и церковнослужители – священники, диаконы, дьячки, псаломщики и пономари.

Первое упоминание о них в наших местах найдено в Переписной книге пашенных крестьян Енисейского уезда 1683 года. Среди ружников уезда записаны «Маковской Покровской церкви поп Симеон Васильев и дьячок Матюшка Семёнов Конь», с указанием их денежных, хлебных и соляных окладов.

В 1690 году по Указу митрополита Тобольского и Сибирского «посвящён в попь» Маковской Покровской церкви бывший дьячок этой же церкви Осип Васильев сын Пересторонин, был он в этой должности и в 1693 году.

Из Именной крестьянской книги 1698 года известно, что поп Маковской Покровской церкви Иосиф (Осип) Васильев умер в 1694 году и только «в нынешнем 206 (1698) году по указу Великого господина Преосвященного Игнатия Митрополита Сибирского и Тобольского велено в Маковском остроге при церкви Покрова Пресвятой Богородицы быть новопоставленному попу Ивану Васильеву и велено ему попу Ивану давать прежней тоё церкви жалованье». Дьячком в это время был Митька Гарасимов Темнорядов, а просвирницей Степанида. Имеются расписки в получении ими годовых денежных, хлебных и соляных окладов.

В 1712 году священником церкви в Маковском остроге был Диамид Иванов. Он с семьёй известен из Переписной книги церковнослужителей г. Енисейска и Енисейского уезда 1714 года, Ревизских сказок 1722 года и из дела 1724 года, когда «приложил руку» (то есть написал письмо и расписался) за монахов, крестьянина и работных людей Лосиноборского монастыря, жаловавшихся в Тобольскую духовную консисторию на игумена Гавриила.

В РГАДА в деле 1737–1738 гг. «О положении в подушный оклад церковнослужителей и их детей» записаны: поповский сын дьячок Семён Диомидов и сменивший его на этой должности его брат Стефан Диомидов, поповский сын пономарь Василий Иванов.

В духовном ведомстве должности священников, диаконов, дьячков и пономарей передавались по наследству от отца к сыновьям, братьям, племянникам, зятьям в этой же церкви, то есть «по праву рождения». Это было официально закреплено и наследственное право свято соблюдалось церковным начальством. Дети священно и церковнослужителей дома обучались грамоте, с детства принимали участие со своими отцами в церковных богослужениях, получали навыки во всех церковных порядках, с детства воспитывали в себе склонности к духовному служению. Наследником священника назначался обычно его старший сын, его вначале посвящали в пономари, дьячки и лишь в 25 лет в диаконы своей церкви и только в 30 лет в священники. Должность диакона в Маковской церкви никогда не была предусмотрена, поэтому дьячок сразу мог быть произведён в сан священника. При отсутствии свободных мест в своей церкви и невозможностью подыскать место в чужом приходе они выходили из духовного звания. Вышедших зачастую определяли в военную службу на пожизненный срок.

Исходя из этого, предполагаю, что священник Диамид Иванов и пономарь Василий Иванов были сыновьями священника Ивана Васильева из Крестьянской книги 1698 года. А священники Симеон, Иосиф (Осип) и Иван Васильевы вполне могли быть сыновьями одного отца — неизвестного нам попа Василия.

Фамилии у духовных лиц в архивных документах того времени встречаются очень редко, поэтому достоверного подтверждения их родства не найдено.

Диамид (Диомид) Иванов и его сын Стефан, получившие впоследствии фамилию Угрюмовы, являются

основателями династии священно и церковнослужителей Угрюмовых в Енисейской губернии.

Долгое время в Маковской Покровской церкви служили священником сын священника Диамида Иванова Стефан Диомидов, а дьячком внук Пётр Стефанов Угрюмовы. Стефан Диомидов произведён в дьячки в 1738 году в возрасте 26 лет, а в священники мог быть произведён около 1742 года, но документы об этом не обнаружены. Достоверно известно о его служении священником с 1755 года и до смерти в 1776 году, Петра Стефанова дьячком с 1754 года, то есть он начал служение ещё за пять лет до его официального производства в стихарь (в сан) в ноябре 1759 года и до смерти 25 марта 1796 года.

После смерти в 1776 году священника Маковской Покровской церкви Стефана Диомидова сына Угрюмова и до её закрытия в 1930 году, в церкви служили многие священники. Годы служения их в Маковской церкви, в основном, установлены. Приведу имена тех, о ком удалось узнать:

С 1777 по 1782 годы в нашей церкви служил священник Яков Фёдоров Страшников. Бывший дьячок Кашиношиверской церкви был переведён сначала в Енисейскую Христорождественскую церковь, вскоре был произведён в дьяконы, а затем в священники и определён в Маковскую Покровскую церковь.

С 1786 по 1793 годы в Маковской Покровской церкви священника не было. В делах этого периода записано: «В Маковском остроге Покровская церковь учинилась праздна с 1786 года, затем что тоя церкви священник определён в другое место, на место коего к производству во священники никого не представлено и из саможелающих никто не явился, чего ради велено в приходе оной всякие мирские требы исправлять по близости Яланского села Сретенской церкви священнику...». Здесь же указывается, что в приходе церкви в 1787 году было 54 двора, дьячком был «не положенной в подушной оклад» Пётр Стефанов Угрюмов, пономаря не было.

До начала 1789 года мирские требы в Маковском приходе исполнял священник Яланской церкви Леонтий Чикинѳв.

Известно, что в 1789 году непродолжительное время священником был Василий Хавов, дьячком Пётр Стефанов Угрюмов, а пономарѳм малолетний сын священника Александр Хавов.

Сыновья Петра Стефанова Угрюмова продолжили династию священно и церковнослужителей Угрюмовых. Младший сын дьячка Михаил Петров с 1796 года и до смерти в 1840 году служил дьячком этой же церкви.

С 1795 года и до смерти в 1806 году священником Маковской Покровской церкви служил сын дьячка Яков Петров Угрюмов, окончивший духовное учебное заведение. Его сыновья Иоанн и Константин в 1813 году учились в Тобольской духовной семинарии. Четырнадцатилетний Иоанн учился уже четвѳртый год и был в высшем грамматическом классе на вспомогательном содержании и по характеристике учителей в науках был «весьма понятен». Одиннадцатилетний Константин в 1813 году поступил в нижний грамматический класс, учился на казѳнном содержании и в науках был «понятен».

В бытность Якова Петрова Угрюмова священником была построена предыдущая Маковская Покровская церковь. Во время строительства церкви церковными старостами были крестьяне Василий Белозѳров, затем Семѳн Казаков.

Иоанн Яковлев после весьма успешного окончания Тобольской семинарии получил фамилию Розанов и был назначен учителем в Енисейское духовное училище, затем священником в Красноярский Воскресенский собор, а вот Константину Яковлеву закончить семинарию не довелось – чтобы содержать мать и сестру, ему пришлось прекратить обучение и пойти на службу пономарѳм в Енисейскую Богоявленскую церковь.

Пономарь Иоанн Петров Угрюмов в 1805 году был назначен дьячком Градо-Енисейской Воскресенской

церкви, а в 1815 году посвящён в священники Ярцевской Благовещенской церкви и служил в ней до смерти в 1835 году.

Старшая дочь дьячка Мария Петрова Угрюмова в 1834 году выбыла в Енисейский Христо-Рождественский монастырь ждать пострижения в монахини.

Династия священно и церковнослужителей Угрюмовых продолжалась в Маковском не менее 130 лет и продолжилась затем в других церквях Енисейской губернии.

Среди Угрюмовых в XIX веке были приходские священники и протоиереи, благочинные священники, члены и первоприсутствующие духовных правлений, управляющий Енисейским Спасским мужским монастырём, ключарь Красноярского кафедрального собора, член Енисейско-Красноярской духовной консистории. Многие из них заведовали церковно-приходскими школами и исполняли в них должности законоучителей, были преподавателями приходских и духовных училищ.

Василий Шалабанов был священником в Маковской церкви с 1806 до его отъезда в с. Арейское Красноярского ведомства в 1814 году.

После его увольнения от должности Тобольская духовная консистория некоторое время подбирала достойную кандидатуру и в 1816 году священником Маковской церкви был определён дьячок Христо-рождественской церкви села Самойловского Фирсов. Прослужил он в церкви короткое время, и вскоре церковью временно заведовал священник Яланской Сретенской церкви Матфей Карпов, затем священник Чалбышевской церкви Андрей Климовский.

В 1818 году священником Маковской церкви был назначен Иоанн Николаев Климовский, его сын Сергей после окончания Енисейской приходской школы, служил с 1825 года дьяконом Енисейского Градо-Успенского собора, затем чиновником Томской духовной

консistorии. В ноябре 1829 в семье священника в Маковском родился сын Гавриил, который продолжил династию священников Климовских в других приходах Енисейского духовного правления и был благочинным 1-го участка. Ещё один сын – Григорий после окончания Енисейского духовного уездного училища также служил священником. Иоанн Николаев Климовский служил в Маковской церкви до смерти в 1847 году. Похоронен он был в ограде предыдущей Маковской Покровской церкви. Место его захоронения не сохранилось.

С 1847 по 1854 годы своего священника в церкви не было, службы проводили священники Яланской церкви. Так в 1851–1853 гг. это был Алексей Алексеев Попов.

Василий Иоаннов Дроздовский служил священником в Маковской Покровской церкви с 1854 и до его перевода в 1866 году в Усть-Питскую Христорожественскую церковь. В бытность священником его трудами и заботами построена ныне существующая церковь. Он оставил в Памятной книге церкви много ценных записей об истории острога и села Маковского, священниках и строительстве новой церкви. Церковным старостой в 1864 году был крестьянин Фёдор Петров Максимов.

С февраля 1866 года по март 1867 года заведовал Маковской церковью священник Яланской Сретенской церкви Никон Тарасов.

В феврале 1867 года рукоположен в священники и назначен в Маковскую церковь диакон села Нахвальского Красноярского округа Александр Алексеев, который прибыл на место служения в марте того же года.

В 1870 году по резолюции Преосвященного епископа Никодима «определён к Маковской Покровской церкви до усмотрения его доброты и благопристойности» Василий Иоаннов Добротворский. До этого «за дерзкое обращение с прихожанами» в селе Даурском ему велено было «искать другое и то последнее место». После этого

он служил дьячком в с. Шилинском и только после прощения перемещён священником в Маковскую церковь.

Иерей Евграф Попов приступил к пасторскому служению в марте 1875 года. Из его записей в Памятной книге церкви известно, что «июль, стараниями прихожан на церкви крыша возобновлена краскою».

В октябре 1878 года «по резолюции Его Преосвященства Антония Епископа Енисейского и Красноярского перемещён по расстроенному здоровью от Дудинской Введенской церкви Туруханского края к Маковской Покровской церкви и прибыл на пасторское служение ноября 12 дня 1878 года священник Иоанн Ястребов». Церковным старостой в это время был енисейский мещанин, проживающий в с. Маковском, Михаил Никитин Стыжных.

Определением от 29 февраля 1884 года переведён из Никольской церкви с. Никольского Ачинского округа в Маковскую Покровскую церковь священник Иоанн Петров Суслов. Иоанн Суслов родился в г. Томске в семье пономаря, обучался в Томском духовном училище, служил дьячком в Томске и Ачинске, священником в церквях Минусинского и Ачинского округов, награждён набедренником. Оставался он священником до 1887 года.

Дьячком Маковской Покровской церкви с 1843 года по 1888 год служил Флегонт Петров Попов. Флегонт Попов происходил из духовного звания, его отец был священником села Рыбинского. Флегонт Попов обучался в Енисейском духовном училище, но был исключён из низшего класса из-за неспособности. По его прошению определён к Маковской церкви для изучения «причётнических предметов» сроком на два года. А в итоге прослужил в этой должности 45 лет. Он не отличался скромным поведением, приличествующим священно и церковнослужителям, так в 1863 году «за пьянственную жизнь и ругательства, наносимые

священнику, присуждён был на послушание и труды в Красноярский кафедральный собор на 2 месяца».

В мае 1888 года Его Преосвященством Тихоном Епископом Енисейским и Красноярским в село Маковское назначен священником Николай Соколовский. При нём в селе Маковском построено здание школы и 14 ноября 1888 года церковно-приходская школа была открыта.

Резолюцией от 16 июня 1890 года был определён в Маковскую Покровскую церковь священник Павел Лапин. Обязанности псаломщика в 1892 году исполнял Александр Полянский, а в 1893 году сын священника Василий Лапин. Известно о венчании в Маковской церкви сына священника Василия в 1894 году, а дочери Ирины в 1896 году.

Священник Павел Лапин оставил в Памятной книге церкви записи о ремонте крыши, наружных и внутренних стен, потолка церкви. «Храм со времени построения не был поновлён до 1893 года. В начале 1892 года прихожане вошли особою просьбою, кроме приговора, к епархиальному начальству о выдаче сборной книги на предмет возобновления, о чём переписка тянулась около года». После разрешения начальства «Сборщиком собрано 700 рублей, включая и пожертвования прихожан до 40 рублей и лес для тёса. Подрядили мастера и к 15 июня работа была закончена. Храм покрыт железом и обшит тёсом и весь выкрашен, как и ограда поставлена новая, внутри храм оштукатурен глиною и выбелен, а потолок выкрашен».

Из Метрической книги известно о рождении в 1903 году в с. Маковском у местного священника Дмитрия Алексеева и его жены Любви Ивановой дочери Елизаветы. Его вдова в 1906 году подала прошение с ходатайством пенсии за умершего мужа. В деле имеется и его послужной список.

Иоанн Вазингер был священником Маковской Покровской церкви до начала 1907 года. При нём был

произведён очередной ремонт церкви. Иван Фёдорович был арестован 6 ноября 1937 года. 13 ноября по обвинению в контрреволюционной пропаганде и оказании содействия колчаковским карателям приговорён к высшей мере наказания, а 26 ноября того же года расстрелян в г. Енисейске. Реабилитирован прокуратурой Красноярского края в 1989 году.

В начале 1907 года священником был назначен Евфимий Качусов. Вскоре после приезда в Маковское у него умерли от скарлатины двое детей, затем мать, а в июне того же года и он сам умер от туберкулёза.

В марте 1913 года священником назначен Александр Павлович Захаров, обязанности псаломщика исполнял Александр Лаврович Симонов, церковным старостой был Никандр Васильевич Попов.

КУПЕЧЕСТВО

Купечество в Маковском не зафиксировано. Купцы, использовавшие Маковскую пристань и имевшие в торговой слободе амбары для перевалки своих товаров, жили в городах и имели в торговой слободе только приказчиков, которые к купеческому сословию не относились.

Известные сибирские купцы братья Ушаковы Иван и Алексей Ивановичи в 1671–1672 гг. получили откуп на продажу пива и на баню в Маковском острожке, а в 1680 году братья имели здесь и житные амбары. Иван Иванович в 1683 году числился уже в «гостиной сотне», т. е. купцом в г. Москве.

Из Переписной книги Енисейского уезда 1691 года известно о торговой слободе:

«Сверху по Кете реке слобода торговая а в ней построены анбары:

Анбар гостя (т. е. купца) Остафья Филатьева о дву жирах (в два этажа) покрыт тёсом мерою по три сажени стена

Анбар гостя Семёна Лузина о дву жирах покрыт тёсом мерою по три сажени стена

Анбар гостя Гаврила Романова о дву жирах покрыт тёсом мерою по три сажени стена».

Остафей Филатьев в конце XVII века был весьма известным головой московских меховых оценщиков в Сибирском Приказе.

Ивана Тимофеевича Максимова в Маковском в начале прошлого века хотя и называли купцом, но числился он крестьянином. Были в те времена купечествующие крестьяне, которые отдельно не выделялись.

РАЗНОЧИНЦЫ

Сословная категория «разночинцы» впервые в России обозначена Петром Первым во время проведения первой Ревизии (переписи) податного населения в 1719–1722 гг. По определению энциклопедического словаря: «Разночинцы – это межсословная категория населения (выходцы из духовенства, купечества, мещан, мелких чиновников, отставных солдат, солдатских детей), юридически неоформленная, в основном занимавшаяся умственным трудом». К ним же относили и купеческих приказчиков, наёмных работников, мастеровых, а также кузнецов, ямщиков, сторожей, грузчиков.

Неудивительно, что большая часть жителей Маковского острога и деревень после первой Ревизии была отнесена к разночинцам. Ведь большинство из них, так или иначе, были связаны с перевалкой, хранением и доставкой грузов по реке Кети и Маковскому волоку.

Разночинцы известны в Маковском остроге по архивным делам 1755 и 1758 годов и Ревизским сказкам 1782 года. Из дела 1755 года известно о 15 разночинцах, подписавшихся под документом об отсутствии у них запрещённых книг. Среди них жители только самого

острога – «соцкой» (сотский) Пётр Коротких, «десядской» (десятский) Василей Гладкощёков и ещё 13 взрослых мужчин.

Из дела 1858 года известно, что Маковская церковь сгорела в мае 1757 года от «учинившегося» пожара в доме разночинца Игната Тыжнова. Церковным старостой был Пётр Вахрушев, тоже разночинец.

Из экстрактов духовных (исповедных) росписей 1773–1784 гг. видно, что более половины населения Маковского острога в то время относилось к разночинцам. В приходе Покровской церкви Маковского острога в 1773 году было 52 двора, в которых проживало 284 души мужского пола и 257 женского, из них разночинцев было 170 мужских и 150 женских душ. Многие маковские жители записаны разночинцами в Ревизских сказках между 1763 и 1782 годами. В 1775–1781 гг. это сословие было ликвидировано. Большинство разночинцев было переведено снова в крестьянство, остальные в мещанство. В Исповедной росписи Маковской церкви 1789 года разночинцы уже не встречаются.

В г. Енисейске разночинцы в церковных документах записаны даже в середине XIX века.

Из непривилегированного податного населения верхнюю ступень занимали посадские люди (так они именовались до 1775 года) или мещане.

ПОСАДСКИЕ ЛЮДИ И МЕЩАНЕ

Это торгово-ремесленное население городов, острогов и слобод. Посадские люди платили денежный оброк, зависящий от их торгового, ремесленного или иного дохода. Имеющие пашни, кроме того, платили «выдельной» хлеб – «пятый сноп», то есть пятую часть от всего собранного урожая или денежный эквивалент количеству десятин пашни – десять алтын (30 копеек) с десятины.

Несомненно, что посадские люди появились в Маковском остроге сразу после его основания. Ведь надо было ремонтировать и строить суда, содержать постоянные дворы, бани, портомойни (прачечные) и склады, чинить и шить одежду и обувь, продавать продукты, разгружать и нагружать суда и подводки.

Первые посадские люди известны из Переписной книги Енисейского уезда 1669 года. В Маковском остроге с его деревнями тогда проживало 14 семей посадских людей. От одного из них – Ивашки Обросимова с сыновьями впоследствии образовалась и разрослась ворожейская фамилия Коротких, а от Вахрушки Осипова – род Вахрушевых.

Провести чёткую границу между посадскими-мещанами и крестьянами практически невозможно. Среди них было немало людей, имевших пашни и угодья, а каким-нибудь ремеслом или торговлей они занимались в подспорье земледелию. В Переписной книге посадских людей Енисейского уезда 1669 года у большинства уездных посадских людей записано наличие земли.

Из этой Переписной книги известно и о четырёх маковских посадских людях, которые имели пашни и платили оброк зерном:

«Оська Амосов у него Оськи сын Микифорко у Микифорка сын Федька оброку платит полтора рубли здали власти по Указу Великого Государя деньгами по десять алтын з десятины

Ивашко Обросимов (первый) дети у него малы оброку платит рубль дватцать шесть алтын четыре денги здали власти пятой сноп хлеба

Мишка Терентьев з братом дети у них малы оброку платят полтора рубли здали власти пятой сноп хлеба

Ивашко Обросимов (второй) дети у него малы оброку платит рубль здал власти пятой сноп хлеба».

В деревне Рыбной в 1669 году числилось пять посадских дворов. На оживлённом волоке в одном дне пути

от Маковского острога необходимо было иметь постоянные дворы для обогрева и ночлега путников.

Посадские люди известны и из Крестоприводной книги Енисейского уезда 1682 года. В Маковском остроге числилось 11 посадских семей. Среди них записан и Ивашка Абросимов Короткой с сыновьями. В 1690 году Ивашка Короткой записан уже пашенным крестьянином.

Перепись 1691 года содержит записи только о четырёх посадских: Ваське Михайлове Черкашенине, Пашке Терентьеве, Ивашке Семёнове Лодошнике и Федьке Иванове.

Из материалов РГАДА известно, что посадские Лодошниковы и Терентьевы занимались строительством судов.

В Переписной книге 1719 года в Маковском остроге записаны всего три семейства посадских людей: Иван Лодошников, Василий Масленников, посадский сын Афанасей Михайлов Коновалов, а в деревне Ворожейкиной отставной посадский человек Иван Васильев Зырянов.

В конце XVIII века посадские люди стали именоваться мещанами.

В Исповедной росписи Покровской церкви 1789 года в Маковском остроге и Маковской слободе записаны мещанами четыре брата Сапожниковы, Иван Демидов Угрюмов, вдова Фёдора Демидова Угрюмова (известно, что поповский сын Фёдор Угрюмов к 1738 году вышел из духовного сословия «в другие светские чинь»), сын дьячка Лев Угрюмов, братья Леонтий и Алексей Поповы.

Из архивного дела 1791 года известно о мещанах д. Рыбной, «упражняющихся в одном только хлебопашестве: Иване Романове, Степане Романове, Григории Данилове и Петре Данилове Селяниных» и о мещанах Маковского острога четверых братьях Сапожниковых и двух братьях и племяннике Поповых, «кои по наймам находятся в работах и платят налог от этих работ».

ЦЕХОВЫЕ

Из архивного дела Тобольского архива 1758 года известно об енисейском цеховом Иване Фёдорове сыне Угрюмове, среди других прихожан подписавшем за своего отца доношение о сгоревшей церкви. В Исповедных росписях 1790–1795 гг. записан цеховым Иван Демидов Угрюмов, его сын Митрофан Иванов Угрюмов в 1799–1801 гг. также числился цеховым ремесленником.

В экстрактах духовных росписей 1773–1784 гг. посадские и цеховые объединены в одну группу. Вместе их насчитывалось всего около 50 душ.

КРЕСТЬЯНЕ

Крестьяне – самое многочисленное сословие в России. Они несли и самые большие государственные повинности. Государственным пашенным крестьянам в Сибири выделялись под пашню земли, которые они должны были обрабатывать, засеять, а урожай полностью сдавать в казну, весной из казны для этой пашни их снабжали семенами. За это им выделялись необлагаемые налогами земли для «собинной» (собственной) пашни, превышающие площади государевых запашек в 4 раза.

В Переписных книгах это записывалось так: «Во дворе пашенной крестьянин Васька Титов родом Устьянской волости крестьянской сын а пришёл в Енисейску в 191 (1683) году. Великих Государей десятинной пашни пашет по накладу стольника воеводы Степана Сабакина чет десятины в поле а в дву потому ж своей собинной пахоты полторы десятины ржи ярового десятина и против указа в пахоте ево лишка нет сенных покосов две десятинь».

Необходимо пояснить:

«Четь десятинь» – это четверть десятины, а казённая десятина – это 1,09 гектара;

«А в дву потому ж» – при трёхполосной системе земледелия одно поле засевалось озимыми, второе поле яровыми, третье оставалось «под паром», то есть вспаханым и одно лето незасеянным. Все три поля были примерно одинаковыми и обычно замерялась площадь только незасеянного поля и умножалась на три, в документах приписывалось «а в дву потому ж».

Кроме этого крестьяне платили различные разовые сборы, «отправляли» рекрутскую и другие натуральные повинности: косили сено для казны, перевозили грузы по волоку, строили и ремонтировали государевы здания и остроги, мосты и дороги.

Из материалов дела Архива древних актов 1741 года известно о прочистке дорог и ремонте мостов на Маковском волоке.

В РГАДА найдено несколько документов об обязательной сдаче крестьянами ежегодно в казну холста, пеньки и смолы. Количество этого оброка зависело от площади государственной пашни у каждого крестьянина. В документе 7198 (1690) года записано: «В Маковском остроге пашенных крестьян одиннадцать человек государственной пашни пашут полшести (т. е. пять с половиной) десятины с полчетью а по окладу против десятинной пашни в нынешнем 198 году собрать с десятины по двенадцать аршин холста по пуду пеньки по полведра смолы итого шестьдесят семь аршин с поларшином холста пять пудов дватцать пять гривенок пеньки три ведра бес чети смоль». Всё это с крестьян не было собрано и велено было взыскать с них всю стоимость деньгами.

Государева десятинная пашня была отменена только в 1762 году и заменена денежным оброком.

Крестьяне известны в Маковском остроге с 1640 годов. В Российском Государственном архиве древних актов имеется несколько дел о приказчиках енисейских и маковских государевых пашенных крестьян. В Крестьянской книге Енисейского уезда 1654 года

в Маковском остроге числился всего один крестьянин (фамилия его не записана), в Крестьянской книге 1666 года в Маковском остроге записано шесть крестьян: Софронко Константинов, Гришка Орех, Ортюшка Попов, Петрушка Филипов, Пятунка Резвухин и Оська Варакин. Все те же шесть крестьян записаны и в Крестьянской книге 1668 года.

Однако, в Переписной книге Енисейского уезда 1669 года пашенных крестьян в Маковском нет. Из книги «Обозрение столбцов и книг Сибирского Приказа» архиографа Н.Н. Оглоблина известно, что в 1669 году многие крестьяне в Енисейском уезде были повёрстаны (причислены) воеводой самовольно в беломестные казаки, а возвращены в своё прежнее сословие в 1670-х годах.

Из Дозорной книги крестьян 1673 года известны только четверо из них.

В Крестьянской книге 1675 года в Маковском остроге и Ворожейкиной заимке числилось уже 10 семей пашенных крестьян. Митька Титов отделился от своего брата Фильки, Якунька Осипов перешёл в крестьянское сословие из посадских людей, а остальные – Полуянко Мокеев, Микитка Юдин, Харка Лукьянов, Гришка Банщиков «вновь прибранные крестьяне» из других местностей. В дальнейшем все они остались жить в Маковском, кроме последнего. Известно, что в 1670-80 гг. в Енисейский уезд массово переселяли государственных крестьян из северных губерний России.

В Крестоприводную книгу 1682 года в Маковском остроге записаны только пашенные крестьяне Гришка Орехов с детьми и Полуехтко с сыном Лучкою, остальные пропущены, вероятно, из-за того, что они в это время были в отлучке или жили не в Маковском остроге, а в деревнях и потому не могли присутствовать при приведении к присяге на верность новым царям и вновь записаны только в Крестьянской книге 1683 года. От двоих – Гришки

Ореха и Фильки Титова – образовались известные нам фамилии Ореховых и Белозёровых.

Переписная книга Енисейского уезда 1691 года содержит записи только о семи дворах маковских пашенных государевых крестьян. По неизвестной причине пропущены крестьяне из деревень Филиповой, Калининой и Ворожейкиной.

Количество крестьянских дворов в 90-х годах XVII века почти не прирастало, так в 1690–1701 гг. было всего 13 крестьянских семей и пахали они государственной пашни в 1701 году шесть десятин с полчетью и полполчетью. В 1702 году крестьян стало 19. Это произошло после смерти Ивашки Абросимова Короткого и выделения его пяти сыновей в самостоятельные крестьянские хозяйства. «Да в прошлом годе переехал пашенный крестьянин Большой Елани Козма Вдовин а из Ярлыковой деревни Михайло Кучин». Кроме того, всем остальным крестьянам «по прибавочным книгам прибавлено две десятины без полчети и велено пахать девять десятин с четью и полчетью».

В Переписной книге Енисейского уезда 1710 года пашенные крестьяне впервые расписаны по населённым пунктам. В Маковском остроге вместе с деревнями Филиповой и Калининой числилось 15 крестьянских семей, в д. Усть-Мендельской (так почему-то названа д. Ворожейкина) – 7 семей пашенных крестьян. Фамилии или прозвания в это время имели только некоторые крестьяне. В остроге проживали крестьяне Орех, Барма. Сын Фильки Титова Яков в 1702 году уже был записан по фамилии Белозёрцов. В д. Ворожейкиной числилось пять семей братьев Машкиных, которые и до того, и после того года писались Короткими.

В Крестьянской книге Енисейского уезда 1712 года в Маковском остроге вместе с его деревнями числилась 21 семья пашенных крестьян. Все они уже имели фамилии и лишь некоторые фамилии остались для меня в дальнейшем неизвестными. Кроме перечисленных

выше проживали крестьянские семьи Енговатова, Вершинина, Кучина, Масленникова, Вдовина, Панова, Лоскутова.

Из Переписи 1719 года известно о 14 крестьянских дворах в Маковском остроге, о семи в д. Ворожейской и о пяти в деревнях Калининой и Филиповой.

В духовных росписях 1773–1784 гг. крестьяне записаны поселянами. В те годы их числилось всего 40–50 душ обоего пола. Количество крестьянских дворов значительно уменьшилось из-за перехода большей части крестьян в сословие разночинцев. Но к 1789 году снова возросло, так как жителей острога перестали записывать разночинцами и снова перевели в крестьянское сословие.

Здесь мною описаны только пашенные государевы крестьяне, а была ещё и категория монастырских крестьян.

МОНАСТЫРСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ

В наших местах монастырские крестьяне жили только в Лосиноборском Преображенском монастыре и на его Еланской заимке. В 1710 году в самом монастыре было четыре крестьянских семьи и 4 семьи монастырских вкладчиков. В Переписи 1719 года записаны всего три крестьянина, обрабатывающих монастырскую землю, к 1722 году вообще остался только один – Алексей Хохряков. Остальные были выселены игуменом Гавриилом из монастырской вотчины «за непотребное поведение их жён и детей». Вернулась впоследствии в вотчину Лосиноборского монастыря только семья Ивана Максимова.

В 1748 году в Лосиноборском Преображенском монастыре записаны только три семьи Максимовых – сыновей Ивана Максимова сына, а Егор Алексеев сын Хохряков умер в 1748 году в 5 лет, Пётр Осипов Коротких в 1762 году в 67 лет.

После изъятия у монастырей земель в 1764 году монастырские крестьяне были переданы в Коллегию экономии и стали именоваться экономическими крестьянами.

В Ревизских сказках монастырских (экономических) крестьян Енисейского уезда 1766 года в Лосиноборском Преображенском монастыре числились пять семей Максимовых – сыновей и внуков вкладчика монастыря Ивана Максимова сына.

В Ревизских сказках крестьян 1782 и 1795 годов в Лосиноборской вотчине записано по семь семей экономических (бывших монастырских) крестьян Максимовых и три семьи – две Коротких и одна Замятинных жили на заимке монастыря около села Еланского.

В середине XIX века несколько семей лосиноборских экономических крестьян Максимовых переехали на жительство в село Маковское, Степан Семёнов Максимов с братом Тимофеем в д. Ворожейку, а Лаврентий Николаев Максимов в д. Подгорную и они все были «перечислены» в государственные крестьяне.

До конца XIX века в деревне Лосиноборской (она же Лосиноборская вотчина) жили только Максимовы – потомки монастырских крестьян.

ВКЛАДЧИКИ МОНАСТЫРЯ

Это лица, жертвующие или завещавшие в монастырь денежные средства или материальные ценности, за что монастырь давал им приют в старости. Имя вкладчика заносилось в Синодик – книгу для записи имён умерших для вечного поминания при богослужениях. Вкладчики могли жить как в монастыре, так и за его пределами.

О вкладчиках Лосиноборского монастыря известно из Переписи 1710 года. Не все они в последующие годы жили в монастырской деревне, что видно из Переписной книги 1719 года.

Так вкладчик – монастырский отставной крестьянин Иван Максимов с семьёй жил в то время по чужим подворьям в д. Ворожейкиной, а вкладчик Иван Дорофеев Овчинников в семье маковских беломестных казаков Малышевых.

В 1718–1724 гг. внесли вклад в монастырь: «купецкий» Иван Подоруев товаром, который был продан за 30 рублей, и вложили по 20 рублей: енисейский житель Данила Щукин, енисейский жилец Гаврила Щукин и нарымский житель Семён Соснин.

Можно сделать вывод, что Лосиноборский монастырь в то время считался надёжным пристанищем в старости людям различных сословий.

КРЕСТЬЯНЕ ПЕРЕД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЕЙ

Государственными крестьяне считались до свержения царского строя, затем до коллективизации 1933 года они были советскими крестьянами, которые ещё в большей степени зависели от государства – это и продразвёрстка, и продналог, земельный и прочие налоги, различные принудительные сборы и взносы.

О благосостоянии маковских крестьян можно судить по документам 1930 года, обнаруженным в Енисейском районном архиве. 17 февраля того года на заседании сельсовета были определены кулацкие хозяйства. Это трое крестьян-торговцев и два крепких крестьянина. Торговцам – Ивану Тимофеевичу Максиму, его зятю Ивану Степановичу Мордвинову и Петру Алексеевичу Белозёрову предписывалось внести вклад в сельхозкооперацию по 500 рублей, а крестьянам братьям Ивану Кузьмичу и Павлу Кузьмичу Максимовым по 300 рублей. И это при том, что крестьяне вносили всего по 50 копеек. В апреле и в декабре на заседании ячейки бедноты села Маковского к крестьянам-беднякам были отнесены 36 крестьянских хозяйств.

Классовой борьбы в Маковском не было. В протоколе заседания сельского Совета 1930 года отмечено лишь о сгоревших покотине и лесе вокруг села и потраве «кулаками» трав и посевов. Вероятно, причастность «кулаков» к этим происшествиям не была доказана, и обошлось без репрессий, никто не был осуждён и даже раскулачен.

Торговцы (кроме Петра Алексеевича Белозёрова) самостоятельно покинули Маковское, а Иван Кузьмич в годы войны был даже председателем колхоза и, благодаря его заботе о людях и рачительности, немало людей было спасено от голодной смерти. Известно, что братья Павел и Иван Кузьмичи Максимовы в начале 1920 годов поочерёдно были председателями Маковского сельсовета.

СОЛДАТЫ

Здесь я остановлюсь на отставных унтер-офицерах, солдатах и матросе, проживавших в разные годы в Маковском остроге и его деревнях.

Из Ревизских сказок 1722 года известно о взятом в рекруты в 1719 году Евсее Иванове Чуркине. Он вернулся со службы и умер в Маковском остроге в 1768 году.

В Ревизских сказках 1782 года записан отставной солдат Афанасий Лукин Полуянов, затем в Духовных росписях 1790 года отставной солдат Василий Митрофанов Мунин.

Военная служба до 1793 года была бессрочной, затем срок службы был ограничен 25 годами, а с 1834 года до 20 лет с последующим пребыванием в, так называемом, бессрочном отпуске в течение 5 лет.

Возраст призыва был определён от 20 до 35 лет. Кого сдать в рекруты определяло общество с учётом рабочей силы в каждой семье.

В отставку отправляли только «за ранами, за болезнями, за увечьями, за старостью и за дряхлостью»,

отставные солдаты не платили налоги и подати, а в старости они даже получали небольшую пенсию.

В 1855–1872 гг. были последовательно установлены 12-, 10- и 7-летние сроки службы и соответственно пребывание в бессрочном отпуске 3, 5 и 8 лет.

Из Ревизских сказок 1782 года известно, что в период между Ревизиями 1763 и 1782 годов в рекруты отдано из Маковского острога и деревень 13 человек.

В документах Маковской Покровской церкви в последующие годы их имена не встречаются, то есть в Маковское никто из них не вернулся.

В те времена редко кто возвращался после службы в родные места. Причин на это было множество – погибали, умирали, женились (женатых среди солдат было до 20 %), больные и увечные определялись на пропитание в монастыри.

В мирное время для призыва на военную службу ежегодно в начале года издавался Высочайший Манифест о проведении рекрутского набора с указанием количества рекрутов (4–5 человек) с каждой тысячи душ.

Между Ревизиями 1834 и 1850 годов, то есть за 16 лет, взяты в рекруты 23 крестьянина из с. Маковского и ближних деревень, а из Метрических книг Маковской церкви впоследствии известно только о четверых из них.

В Ревизские сказки крестьян 1850 и 1857 годов отставные солдаты, унтер-офицеры и солдатские вдовы вписаны отдельно.

Во время Русско-турецкой (Крымской) войны 1853–1856 гг. из села Маковского и деревень призваны на военную службу 8 человек.

Из Метрической книги известно, что бессрочно-отпускной унтер-офицер Ксенофонт Мефодиев Максимов (1829 г. р.) служил во время Крымской войны 1853–1856 гг. в Суздальском пехотном полку, который участвовал в героической обороне Севастополя.

В Исповедных росписях 1861 года в с. Маковском отставные унтер-офицеры и солдатские жёны записаны сразу после священника и дьячка.

Записи об отставных военных часто встречаются в Метрических книгах церкви.

Был в нашем таёжном, сухопутном селе Маковском даже один отставной матрос – Афанасий Фёдоров Мунин (1838 г. р.).

В 1886 году в с. Маковском отставные военные одновременно проживали в девяти домах из имеющихся сорока восьми. Вот от них произошло и название одной из улиц села – Солдатская. Достоверно известно, что на ней жили отставные унтер-офицеры Захарий Ксенофонов Максимов и Пётр Алексеев Белозёров.

В XVII веке в разных переписных книгах Енисейского уезда встречается много «гулящих» людей и промышленников.

ГУЛЯЩИЕ ЛЮДИ

Это по определению юридического словаря общее название вольноотпущенных холопов, беглых крестьян, посадских людей и прочих лиц без определённых занятий и места жительства. Они не несли государственные повинности, жили главным образом работой по найму или промыслами.

Из Крестоприводной книги Енисейского уезда 1682 года известно, что много гулящих людей числилось при монастырях, острогах и сёлах. Однако в Маковском остроге они не вписаны.

В РГАДА найдено несколько документов, в которых упоминаются жители Маковского острога, «повёрстанные» из гулящих людей:

Микулка Епифанов Малышев «повёрстан» в беломестные казаки в 1669 году;

«да по указу в 7199 (1691) году и по челобитью гулящего человека Ивашки Михайлова сына Мазунина

«повёрстан» он Ивашка в пашенные крестьяне Маковского острога и пашет чет десятины»;

в 1706 году «повёрстаны» вновь в государеву десятинную пашню в Маковский острог гулящие люди Михайло Фёдоров сын Панов и Максим Стефанов сын Лоскутов. Им велено «пахать по чети с полчетью и дана льгота с той пашни в тягле два года».

В условиях Сибири невозможно было провести грань между гулящим человеком и промышленником.

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЛЮДИ

Охотники-промысловики (промышленники) – происходили в основном с Русского Севера. Они отдавали государству на таможах десятую часть от добытой пушнины. В 1682 году в Маковском остроге были записаны 10 промышленных людей, фамилий ни у одного из них ещё не было, как не была вписана и местность откуда человек пришёл в Сибирь, хотя в то же время в других острогах и деревнях такие записи имелись.

Известно, что в Маковском остроге из промышленных людей «повёрстан» в 7193 (1685) году в пашенные крестьяне только Васька Титов сын Вершинин.

ВОИНСКОЕ СОСЛОВИЕ

Служилые люди-стрельцы были в Маковском остроге только в первые годы после его основания, в последующие годы из-за отсутствия угрозы нападения отпала необходимость держать в нём постоянный гарнизон. Для охраны острога и перевалочной пристани сюда направлялись годовальщики из Енисейского острога и других городов и острогов. Известны имена пяти тобольских служилых людей-годовальщиков, записанных в Крестоприводной книге 1682 года.

Из всей массы просмотренных и изученных мною архивных документов только в нескольких обнаружены

записи о служилых людях – приказчиках Маковского острога.

В деле РГАДА 152 (1644) года имеется «наказная память» приказному человеку Маковского острога Енисейского уезда Богдану Юрьеву Болкошину, а из дела 157 (1649) года известно о назначении енисейского боярского сына Ивана Похабова «приказным человеком того же острога и прикащиком тамошних пашенных крестьян» с выдачей ему «наказной памяти».

В 1682–93 гг. приказчиком Маковского острога был сын боярский Степан Сурвиллов.

В Переписи Маковского острога 1719 года записано: «Прикащик енисейской служилый человек Семён Тыжнов...». Во время Переписи 1710 года он находился в селе Яланском, исполняя одновременно и обязанности приказчика Маковского острога. В материалах той Переписи имеется запись: «Прикащик енисейской конной казак Семён Анисимов сын Тыжной 50 живёт в государеве дворе». Это единственный, известный мне служилый человек – казак, потомки которого остались жить в Маковском остроге. В Ревизских сказках 1722 года он записан енисейским отставным конным казаком.

Из более поздних архивных документов известна из казачьего сословия только жена дьячка Петра Степанова Угрюмова Матрона Михайлова. В Ревизских сказках священно и церковнослужителей Енисейского духовного правления 1782 года записано, что она «взята у отставного енисейского казака Михаила Артемьева». На дочери отставного енисейского казака Григория Попова был женат лосиноборский крестьянин Пётр Петров сын Максимов.

БЕЛОМЕСТНЫЕ КАЗАКИ

Их не следует относить к воинскому сословию, по существу, это вооружённые крестьяне, «повёрстанные» (причисленные) из разных сословий и выполняющие

некоторые охранные функции острога. Они от государства не получали жалованья, взамен этого имели льготу – не платили подати. Историк И.Е. Фишер ещё в XVIII веке написал о беломестных казаках: «Казаки в Сибири, получающие вместо жалования земли, называются потому беломестными казаками, понеже они не платят с них никаких податей в казну». «Белыми» назывались земли свободные от налогов.

Первое упоминание о беломестных казаках в Маковском остроге относится к 1669 году, когда девять беломестных казаков были поселены возле острога, однако их имена, прозвания или фамилии в Архиве древних актов, в указанном архиографом Н.Н. Оглоблиным, документе не обнаружены.

Список только из пяти беломестных казаков Маковского острога «повёрстанных» в 1669 году обнаружен в другом документе РГАДА: Офонька Устинов Вилюга, Васька Масленников и Ивашко Варфоломеев из посадских людей, Микулка Епифанов из гулящих людей, Богдашка Леонтьев стрелецкий сын.

Из Крестоприводной книги 1682 года известно о семи маковских беломестных казаках.

Потомки беломестных казаков Вахромейки Осипова в дальнейшем известны как крестьяне Вахрушевы, а Харки Лукьянова как крестьяне Харитоновы.

Переписная книга Енисейского уезда 1691 года и Именная крестьянская книга 1698 года содержат записи о пяти маковских беломестных казаках.

В Переписи 1719 года записаны шесть беломестных казаков, двое казачьих детей и один отставной беломестный казак. Некоторые из них в Переписи 1691 года не значились. Вероятно, они новоприборные (вновь причисленные) или переведённые из других мест. Выборным (т. е. старшим среди них) был Никифор Вилюгин.

Следует отметить, что в Ревизских сказках 1782 года все потомки беломестных казаков записаны крестьянами.

ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЫ

В XVII–XVIII веках в Маковском остроге ссыльные не значатся. В Метрических книгах 1828–1838 гг. записаны поселенцы: Иван Ефимов Дмитренко (у него с женой Ириной Михайловой в с. Маковском родилось десять детей), Мирон Андреев Бондаренко (запись о нём впервые встречена в Метрической книге 1829 года), Ефим Мокеев Мамченко, Фёдор Ефимов Кутцов, Иван Фёдоров Доленко, Иустин Иустинов Буречка (Бурунов) и Григорий Козмин Козминых. В дальнейшем ссыльнопоселенцы известны из Ревизских сказок поселенцев Яланской волости 1850 и 1858 годов. В промежутке между VIII и IX Ревизиями (1834–1850 года) в селе Маковском проживало восемь ссыльнопоселенцев. Из них на постоянное жительство остались только потомки Мирона Андреева Бондаренко.

Из материалов дел «Экспедиции о ссыльных Енисейской губернии» 1870–1879 гг. в селе Маковском и деревнях известно о 21 ссыльном. Большинство из них были определены в село Маковское, трое в д. Рыбную и один в д. Ворожейку. Их фамилии в последующие годы у нас не встречались. В разные годы поселяли ссыльных даже в Бармином зимовье и Лосиноборской деревне.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Всех первых русских жителей Маковского острога можно отнести к категории переселенцев. Все они, кто раньше, кто позже, переселились в наши края с севера европейской части России, в основном из Поморья. В Переписных книгах, Исповедных росписях, Ревизских сказках и Метрических книгах эта категория населения никак не выделялась.

Переселение в Сибирь в основном шло с севера европейской России.

Д.Я. Резун из Института истории СО РАН в своём труде «Повседневность быта» пишет: «По данным А. Н. Копылова в 1645–1646 гг. приехавшие в Енисейск в большинстве были жителями Устюга, Сольвычегодска, Ваги и других поморских и северных городов. Из Москвы и Ярославля было всего 10 человек, а из других русских городов вообще никого не было. По нашим документам в 1686–1687 гг. не проходит ни одного жителя центральных районов России, все в основном жители Поморья и Севера, т. е. «устюжской набожности».

Многие современные молодые люди, произвольно записавшие себя в «казаки», пытаются доказывать, что большинство старожильского населения Сибири – «чалдонь» или «челдонь» – это люди, пришедшие с Дона, однако, по материалам различных исследований видно, что потомственных казаков в Сибири было очень мало.

И это подтверждается не только историками, но и работниками культуры. Доктор искусствоведения из Тюменской академии культуры Л.В. Демина при обсуждении вопроса о корнях сибиряков в интервью областной газете сказала «Сибирская деревня по кусочкам и составляет всю Россию. С кем пришёл Ермак? Да вся Россия пришла с ним. Они тоже были переселенцами из разных областей. Пусть историки разбираются кто там был, но в песенной культуре, как бы мы ни копали, мы не нашли казачьего фольклора. Северо-русские корни у Сибири».

Н.Н. Оглоблин в части 3 своего «Обозрения...» сообщает, что в 1635–1636 гг. переведены с семьями в Тобольск, Тюмень и другие города Сибири ратные люди-стрельцы из разных городов Московской Руси: из Холмогор 500, Вологды 200, Устюга 50, Каргополя 20 человек и 140 «иноземцев» из Нижнего Новгорода.

Массовое переселение крестьян с севера европейской части России в Восточную Сибирь происходило в 1680-х годах. Так в 1688 году из Тобольска в Иркутск и Енисейск отплыли 583 крестьянина на 14 дощаниках.

Из Переписи Енисейского уезда 1691 года известны в Маковском остроге по двое «усольцев» и «устюжан», по одному «сольвычегодцу», «черкашенину» и выходцу из Усть-Янской волости.

О количестве переселенческих семей в наших местах известно только из материалов Всероссийской сельскохозяйственной и городской переписи 1917 года, дополненной другими исследованиями 1916–1919 гг.

В то время в селе Маковском было семь переселенческих хозяйств и одно в деревне Лосиноборской. Не изучая специально вопрос переселения начала XX века, можно только предположительно назвать фамилии некоторых крестьян, переселённых в село Маковское по столыпинской аграрной реформе. Это: Калистратов, Поляков, Сидоров.

МЕЖСОСЛОВНЫЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ

Межсословные перемещения не были запрещены, хотя разрешались только властями, как и переселения в другие населённые пункты. Это было связано с уплатой подушных податей.

В 1669 году, как отмечено выше, в беломестные казаки «повёрстаны» и посадские люди, и гулящий человек, и стрелецкий сын.

О других межсословных перемещениях:

1669 год – два Ивашки и Алёшка Обросимовы (Короткие) были посадскими людьми; в 1692 году Ивашка Обросимов сын Короткой уже пашенный крестьянин и в последующие годы он и его потомки записывались только пашенными крестьянами.

1669 год – Офонька Устинов был посадским человеком, в том же году он «повёрстан» в беломестные казаки, в 1682 году Афонька Устинов с сыном Никифорком беломестные казаки. Выборным беломестным казаком в 1719 году записан Никифор Вилюгин. Его фамилия впервые встречается в Переписи 1719 года.

1669 год – Вахрушко Осипов посадский человек, в том же году его сын Ивашко «повёрстан» в беломестные казаки, в 1682 году Вахромейко Осипов с сыном Ивашком беломестные казаки, в 1710 году Иван Вахрушев пашенный крестьянин.

1710 год – Лаврентий Иванов Вахрушев пашенный крестьянин, в 1719 году он беломестный казак. В последующем Вахрушевы были всегда крестьянами.

1682 год – Харка Лукьянов беломестный казак, в 1683 году он пашенный крестьянин, во все последующие годы Харитон Лукьянов сын пашенный крестьянин. В дальнейшем все Харитоновы также были пашенными крестьянами.

Не все люди переходили из одного сословия в другое.

Всегда были пашенными крестьянами Белозёровы, Ореховы, Полуяновы.

В другие сословия переходили и дети лиц духовного звания. В деле 1738 года записано, что сын священника Фёдор Демидов (Угрюмов) «вышел в другие светские чины», его брат Иван был мещанином. Лев – сын дьячка Петра Стефанова Угрюмова – во время Ревизии 1782 года «перечислен в мещане».

Межсословные перемещения были и в XIX веке, так сын мещанина и цехового ремесленника Ивана Демидова Угрюмова – Митрофан, как и его отец, был записан вначале мещанином, затем цеховым, а потом крестьянином.

Крестьянский сын Дмитрий Митрофанов Угрюмов после переезда из Маковского в г. Енисейск в 1834 году к сестре – мещанской жене записан в мещане, вначале служил трубочистом, затем смотрителем припасов, в 1862 году он уже купец третьей гильдии с капиталом 2400 рублей, в 1863 году городской староста, а в 1865 году купец второй гильдии.

Дети и внуки приказчика Маковского острога казака Семёна Анисимова Тыжного в середине 18 века записывались разночинцами, в конце века числились

крестьянами, его правнук Никита Данилов Стыжнов (Стыжных) в 1818 году числился также крестьянином, а в 1822 году вместе с детьми записан енисейским мещанином, жительствовавшим в селе Маковском. Его дети оставались в мещанском сословии до конца XIX века.

Мещане Сапожниковы и Поповы, известные из Исповедных росписей 1789 года, в начале XIX века перешли в сословие крестьян.

МЕЖПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ

Такие перемещения существовали во все времена. Проследить откуда к нам прибыли и куда уехали те или иные люди практически невозможно.

Перемещений особенно много было в начальный период освоения Сибири. Через Маковский острог и волок прошли огромные массы людей и неудивительно, что многие хотели остаться здесь, чтобы не переносить и дальше трудности пути и связанные с ними невзгоды. Одни оставались здесь на всю жизнь, другие только на несколько лет. Немаловажное значение имело и то, что желающие заниматься пахотой продвигались в менее лесистые места, где можно было с меньшими усилиями разработать под посев поля. А маковская таёжная сторона была для этого мало пригодна.

Приведу примеры:

Из Крестьянской книги 1666 года известен пашенный крестьянин Маковского острога Ортюшка Попов, а уже к 1669 году он вместе с сыновьями обосновался на Белой речке и в 1683 году Ортюшка Елисеев Попов пашет десятину государевой пашни в Ярлыковской деревне. Его сыновья оставались в этой деревне и в 1712 году.

Надо отметить, что менее лесистые места по рекам Кеми и Белой в тот период заселялись особенно быстрыми темпами, если в 1669 году в Ярлыковской деревне жило всего три крестьянина, то в 1683 году уже 39 и пахали они государевой пашни восемнадцать

десятин с четью а в дву потому ж. В 1712 году в этой деревне было уже 67 крестьян. Первые жители успели разработать и большие площади.

Посадский человек Стенька Яковлев Кыштым в 1669 году проживал в Маковском остроге, а в 1673 году в Троицкой деревне он пашет государевой пашни полдесятины с осминою и ему дозволено пахать на себя ещё две десятины. В 1710 году три семьи Кыштымовых, вероятно, его внуков записаны в деревне Остяцкой.

Известны случаи и переездов с Кеми на Кеть. Продолжительное время (известны с 1669 года) в деревне Черкасской жили пашенные крестьяне – братья Сидорко и Васька Михайловы Масленниковы. Сын Сидорки Микифорко в 1682 году записан беломестным казаком Маковского острога, Васька Михайлов в 1691 году был посадским в Маковском остроге, а его сыновья в 1710 году числились: Илья – крестьянином Ворожейкиной деревни и Иван – вкладчиком Лосиноборского монастыря.

В 1669 году в Большой Елани жил пашенный крестьянин Афонька Кучин с сыновьями. В 1690–1712 гг. в Маковском остроге известен его старший сын пашенный крестьянин Никифорко (Микишка) Афонасьев сын Кучин, а его братья Григорей и Иван в 1710 году записаны в Черкасской деревне. В 1701 году из Ярлыковской деревни переехал в Маковский острог пашенный крестьянин Михайло Кучин.

«Да в прошлом (1701) годе переехал пашенный крестьянин Большой Елани Козма Вдовин». Он пашет чет десятины с полчетью. Козму позднее стали записывать Муниным.

Для учёта налогооблагаемого мужского населения – плательщиков подушного налога периодически проводились переписи населения – Ревизии. Учёт плательщиков налога вёлся в административно-территориальной единице – уезде, присуде, волости. Все перемещения строго фиксировались в Ревизских

сказках. И это единственные архивные документы, которые могли бы показать перемещения жителей из наших мест в населённые пункты других уездов и волостей, однако не все они сохранились в архивах.

Известно о перемещениях жителей Маковского острога и деревень только из Ревизских сказок крестьян 1782, 1795, 1850 и 1857 годов.

Из церковных документов можно проследить лишь переезды из одной маковской деревни в другую за период с конца 18 века до 1920 года. И это, кстати, разрешалось. Другие перемещения в Исповедных росписях и Метрических книгах не фиксировались.

Известно, что Максимовы и Казаковы переселились в Маковское из деревни Лосиноборской, Коротких из Ворожейки, Белозёровы, Пановы и Распуткины из Филипповой, Белошапкины и некоторые Бармины из Рыбной, ясачные Стыжных из Марковских юрт, остяки Белозёровы и Мунгаловы из низовских юрт. А вот одна ветвь крестьян Угрюмовых переселилась из Маковского в Ворожейку, монастырские крестьяне Коротких из Лосиноборского монастыря в Еланскую монастырскую заимку.

В качестве примера переселения маковских крестьян перечислю все передвижения между Ревизиями 1763 и 1782 годов:

Григорий Малышев в 1779 году «выключен» (т. е. переведён) в Туруханский присуд;

Мирон Иванов сын Тыжнов «выключен» в 1772 году в Нижнепашенный присуд;

Федот сын Иева Коротких «выключен» в 1781 году в ведомство Енисейского магистрата;

Алексей Афонасьев сын Коротких и его брат Осип жительствуют в г. Енисейске;

Егор Алексеев сын Вахрушев с братом, женой, детьми и матерью перешёл в Ускемскую деревню;

Никифор Алексеев сын Тыжнов «выключен» в 1767 году в Ыркуцкое (Иркутское) ведомство;

Григорий Захаров сын Орехов «выключен» в 1769 году в Красноярское ведомство;

Василий Полуянов с четырьмя сыновьями «выключен» в 1775 году в Большекетский станец;

Семён Григорьев сын Харитонов жительствует в Гарской (Горской) деревне;

Фёдор Михайлов Антипин в 1772 году перешёл в д. Ворожейкину из д. Жарковской.

Из этого списка видно, как далеко перемещались жители Маковского острога и деревень по Сибири – от ближних деревень до Красноярска и Иркутска.

МАКОВСКИЕ ФАМИЛИИ

России фамилии появились поздно и стали обязательными в XVI веке сначала для привилегированного класса – бояр и князей, затем для дворян и именитых купцов.

Фамилии у крестьян появились много позднее. В центральной, помещичьей части европейской территории у крестьян фамилий не было до отмены крепостного права в 1861 году, их именовали по названию помещичьей деревни. Значительно раньше фамилии стали появляться в Поморье, а затем и в Сибири.

Часто человеку присваивали фамилии по названию местности, откуда он прибыл, например: Верхотуровы, Белозёровы, Устюжанины или по роду деятельности: Сапожниковы, Ткачёвы, но больше всего фамилий произошло от прозвищ и канонических (церковных) имён одного из предков, чаще всего от деда.

Имена, как известно, присваивались при рождении ребёнка по церковному календарю – Святцам. В Святцах записаны святые, почитавшиеся в Русской Православной церкви. Вот почему так много Иванов было прежде на Руси, каждый пятый-шестой мужчина носил это имя. Ведь Ивановых дней в Святцах насчитывается более ста. В Переписях сибирских уездов 1710 года встречается по четыре сына Ивана в одной семье, у моего предка Ивана Максимова сына было три сына Ивана. По Переписи 1719 года известно, что в наших местах из 175 мужчин и мальчиков имя Иван имели 28 человек.

До конца XVII века во всех официальных документах имена записывались в уменьшительной форме – Ивашка, Филька, Сенька, Алексашка, Марьица, Федосьица и указывалось, чей это сын или чья дочь. В 1700 году царь Пётр Первый предписал именовать всех людей полным именем.

Надо отметить, что фамилии передавались строго по мужской линии.

По Переписи пашенных крестьян Енисейского уезда 1710 года в некоторых деревнях уезда фамилии были уже у всех крестьян, в основном те, которые произошли от прозвищ, но канонических было еще мало. Много фамилий уже было в Ялани, Плотбище, Анциферовом Лугу, Черкассах.

В деревнях Маковского острога фамилий у крестьян в это время практически еще не было, только у некоторых стояли прозвища (Барма, Орех, Ёрш), а в деревне Усть-Мендельской (Ворожейка) у пяти семейств имелось прозвище Машкины, в Лосиноборском монастыре некоторые вкладчики и крестьяне записаны по фамилиям (Овчинников, Казаков, Серёткин).

А вот в Крестьянской книге 1712 года практически все крестьяне уже имели фамилии.

Присвоение фамилий происходило по воле переписчиков и священников, какого-то определённого порядка не существовало. Белозёровы могли записываться как по имени деда Титовыми, так и Белозёрцовыми по географическому названию местности, из которой прибыл их предок.

Фамилия у Максимовых произошла от усольца Ивашки Максимова сына, хотя им, вполне, могли бы присвоить и фамилию Усольцевы.

Коротких записывались вначале Короткими, затем в деле 1710 года Машкиными, потом Коротковыми.

Вершинины в одном церковном документе конца XVIII века записаны Верецагиными, затем снова Вершиниными.

У потомков приказчика Маковского острога енисейского конного казака Семёна Анисимова Тыжного фамилия с годами изменилась на Тыжновы – Стыжновы – Стыжных.

Местным аборигенам при крещении присваивались фамилии восприемников – крёстных отцов. Так у них

появились русские фамилии Белозёровы, Тыжновы, Распуткины (вначале Распутины).

Раскрыть происхождение своей фамилии хочет каждый из нас, ведь фамилия – это наследственное имя семьи, поэтому остановлюсь на происхождении маковских фамилий и местах их проживания.

АНТИПИНЫ

Фамилия образовалась от мирского имени Антип. Антипины впервые упоминаются в Переписной книге пашенных крестьян Енисейского уезда 1669 года в д. Черкасской. По фамилии Антипины они записаны только в 1710 году. Михайло Антипин записан вкладчиком Лосиноборского монастыря, живущим в Яланской заимке «на дворце монастырском». Его сын Фёдор по Указу Енисейской канцелярии в 1772 переведён в д. Ворожейскую. Последняя запись об Антипиных в наших местах относится к 1817 году.

БАРМИНЫ

Фамилия произошла от мирского прозвища «Барма». От «бармить», т. е. невнятно, неясно говорить, картавить. О пашенных крестьянах Барминых впервые упоминается в Переписной книге Енисейского уезда 1710 года. В Маковском остроге записан Андрей Ильин сын Барма, в Крестьянской книге 1712 года он уже Бармин. Из Ревизских сказок 1763 года известно, что Бармины в то время жили в Маковском остроге, по одному роду в Бармином зимовье (оно же и Антонова деревня) и Рыбинской деревне.

В 1898 в Маковском жили 5 семей Барминых и 3 семьи в д. Рыбной.

В 1939 году в селе Маковском было 6 семей Барминых, а в деревне Рыбной жили только три брата и сестра Бармины, в середине века двое братьев перебрались

в с. Маковское, и в д. Рыбной осталась последняя жительница этой деревни их одинокая сестра Акулина Тимофеевна – как теперь её вспоминают все проезжающие – бабка Акулина.

БЕЛОЗЁРОВЫ

Эта фамилия восходит к топониму города Белоозёрск, расположенному на берегу Белого озера, одному из самых древних городов севера европейской России. Первоначально обозначала человека, прибывшего из Белоозёрска.

Белозёровы – одни из первых жителей Маковского острога. Филька Титов Белозёрец с братом Митькою известны из Дозорной книги пашенных крестьян Енисейского уезда 1673 года, а пришли они в Енисейский уезд ещё в 1665 году.

Первые по фамилии Белозёрцовы они записаны в Крестьянской книге 1702 года. В Ревизских сказках 1763–1782 гг. они и Белозёрцовы, и Белозёровы. В документах 1790 года они уже все Белозёровы. Жили они в Маковском остроге, Маковской слободе, деревнях Калининой и Филипповой.

В 1898 году в с. Маковском было пять семей Белозёровых и одна в д. Филипповой.

В 1939 году в Маковском жили 6 семей Белозёровых.

А были ещё и остяки Белозёровы. Они получили эту фамилию, вероятно, при крещении родившегося ребёнка у остяка Ивана Данилова Боброва в 1793 году. В последующие годы остяки Белозёровы жили в Глазковских, Марковских, Налимских и Урашенских юртах.

БЕЛОШАПКИНЫ

Исследователи пишут, что фамилия Белошапкины произошла от слов «Белая Шапка». Основателем

фамилии мог быть человек, носивший белую шапку или шивший шапки.

Белошапкины впервые упоминаются в Дозорной книге пашенных крестьян Енисейского уезда 1673 года в деревне Черкасской, основанной по некоторым данным черкасами (украинцами) около 1648 года.

Из Ревизских сказок 1782 года известно, что Белошапкины в 1763 году уже жили и в д. Рыбной. В 1898 году их было три семьи. В Похозяйственных книгах 1935–1939 гг. в д. Рыбной записана семья Семёна Ивановича Белошапкина и четыре семьи Белошапкиных в с. Маковском.

БОНДАРЕНКО

Фамилия произошла от крестьянина или посадского человека, занимавшегося изготовлением деревянных бочек, кадок, лагунов, вёдер. Бондарь – специалист по изготовлению деревянной тары.

Ссылнопоселенец Мирон Андреев Бондаренко известен в с. Маковском с 1829 года. В 1837 году по Указу Енисейской казённой палаты он перечислен в крестьяне.

От его сыновей Семёна и Якова образовалось много семей Бондаренко. Особенно многочисленной была семья у Герасима Семёновича. Его сыновья героически сражались в Великую Отечественную войну.

Если в 1898 году в Маковском было три, то в 1939 году уже семь семей Бондаренко.

ВАХРУШЕВЫ

Можно только предполагать от кого и как произошла эта фамилия.

По моему мнению, род Вахрушевых пошёл от основателя деревни Ворожейки (вначале Ворожейкинской, Ворожейской) посадского человека Кости Ворожейки.

У него был сын Оська Костянтинов, а у того сын Вахрушко (Вахромейко) Осипов.

Вахрушко Осипов уже в 1658 году владел землёй по обе стороны его речки неподалеку от острога, носящей до сих пор его имя – Вахрушёвка.

Фамилия у его сына Ивана Вахрушева появилась только в 1712 году. Жили они как в самом остроге, так и в Маковской слободе.

К 1782 году братья Егор и Иван Алексеевы Вахрушевы перебрались на родину жены Егора в д. Ускемскую (это нынешний посёлок Усть-Кемь).

Последняя запись о маковских Вахрушевых имеется в Метрической книге 1886 года, когда умер бессемейный Андрей Иванов Вахрушев. Потомков по мужской линии в с. Маковском у Вахрушевых не осталось.

ВЕРШИНИНЫ

Эта фамилия могла произойти от человека высокого роста или жившего в вершине речки или ручья.

В Крестьянской книге Енисейского уезда 1685 года в Маковском остроге впервые встречена запись о Ваське Титове сыне Вершинине, повёрстанном в пашню в 1684 году из промышленных людей, из книги 1691 года известно, что он крестьянский сын родом из Устьянской волости (Архангелогородская губерния, река Устье), а пришёл в Енисейский уезд в 1683 году.

В XVIII веке в Маковском было только две семьи Вершининых (в исповедных росписях 1789 года они почему-то записаны Верецагиными), в 1811 году осталась одна семья.

Последние Вершинины – братья Василий и Иона Ивановы с разрешения Енисейской казённой палаты в 1857 году выехали из с. Маковского в д. Троицкую Бельской волости.

ГЛАДКОЩЁКОВЫ

В основе фамилии слово «гладкий». Основатель рода мог иметь гладкое, полное лицо или не имел волосистой растительности на лице.

В Крестоприводной книге Енисейского уезда 1683 года впервые встречается имя Ивашки Глаткощёкова.

На карте 1701 года тобольского картографа, историка и художника С.У. Ремезова на реке Кети выше по течению от Маковского острога показана заимка Гладкощёкова. Из более поздних источников она известна как д. Калинина или д. Полухина.

В Переписной книге Енисейского уезда 1710 года указана вдова Ивашки Гладкощёкова Мавра Калинина дочь с сыновьями и их семьями. Вот по её отцу заимка Гладкощёкова и стала именоваться д. Калининой.

Род Гладкощёковых не был многочисленным и потомков по мужской линии не оставил.

Последняя запись о бедняке Леонтии Никоновиче Гладкощёкове встречена в протоколе собрания жителей с. Маковского 1930 года.

ЕНГОВАТЫХ

Прозвище «Енговат» встречается на Украине еще в XVII веке, от него и произошла фамилия Енговатов и потом Енговатых, а иногда они писались и Янговатых.

В Маковском остроге Федька Енговатов проживал уже в 1683 году. В 1790 году записаны три семьи Енговатых, в 1799 году в с. Маковском было четыре, а в Ревизских сказках 1857 года две семьи Енговатых.

Семён Николаев Енговатых переехал в д. Подъеланную на родину его жены.

В с. Маковском в 1898 году записан только Никита Михайлов Енговатых.

В XX веке потомки Енговатых в Маковском остались только по женской линии, да из д. Подъеланной

переехали в Маковское внуки Семёна Николаевича – Николай и Мария Дмитриевна Енговатых.

ЗЫРЯНОВЫ

Зыряне (старое название народа коми) стали переселяться в Енисейский уезд уже в первые годы его освоения. В 1632-33 гг. известен рядовой стрелец Федька Семёнов Зырянин, в 1639 году посадский Сава Зырян.

В 1669 году Зыряновы записаны в Большой Ялани, Казачьем Лугу, на Галкиной речке, в Черкасской и Подборной деревнях.

В Маковском остроге эта фамилия впервые встречается в 1710 году, но в 1712 году они Малофеевы, а в 1719 уже Харитоновы.

К 1782 году из ведомства Кемских деревень в д. Рыбную переселились две семьи Зыряновых. Оставались они в д. Рыбной до середины XIX века. В 1850 году Калина Афанасьев Зырянов перечислен в д. Мордовскую.

В первой половине 20 века в Маковском жила семья Макара Васильевича Зырянова, а затем и его сына Иннокентия Макаровича.

КАЗАКОВЫ

Не все Казаковы имели отношение к казачеству. Это мог быть: бойкий, удалой человек; батрак, нанимавшийся в работу на год; гонец – конный рассыльный. Название казак носит сибирская пташка и растение ископытъ. Чтобы причислять себя к казакам, нужно хорошо изучить свою родословную.

Происхождение маковских Казаковых от служилого казака во время их проживания в наших местах не прослеживается. Не были они и беломестными казаками.

Первое упоминание о Казаковых относится к Переписи Енисейского уезда 1710 года, тогда в Лосиноборском монастыре записана крестьянская семья Афанасия Яковлева Казакова. В Ревизских сказках 1722 года эта семья записана в Маковском остроге.

Из Ревизских сказок середины 19 века известно, что в селе Маковском проживало три семейства Казаковых.

К 1939 году в с. Маковском жили четыре семьи Казаковых – внуков Тихона Стефановича Казакова.

КОЗЫНКИНЫ

О происхождении этой фамилии ничего не известно.

Козынкины вначале записывались Казинцовыми, иногда Казынкиными.

Первое упоминание о Казинцовых встречено в деле 1682 года, тогда они жили в Бельском остроге. В последующие годы записи о них встречаются в деревнях Горской, Черкасской, Малой Белой.

Из Ревизских сказок 1782 года известно, что из д. Малой Белой ведомства Кемских деревень в д. Рыбную на родину его жены перечислен крестьянин Иона Иванов Казынкин, семья которого в церковных документах записывалась ещё Казинцовыми.

В Похозяйственных книгах 1939 года Козынкины записаны в деревнях Рыбной и Ворожейке.

КОРОТКИХ

Фамилия Коротких в наших местах произошла от прозвища основателя рода Ивашки Абросимова Короткого, то есть человека, имеющего невысокий рост.

Коротких были в числе первых жителей Маковского острога. Первое упоминание о посадских людях двух Ивашках и Алёшке Обросимовых встречено в Переписной книге Енисейского уезда 1669 года.

В Крестоприводной книге 1682 года у них записано и прозвище – Короткой.

Точное место проживания в те времена не указывалось – всех относили к Маковскому острогу. С большой долей уверенности можно предполагать, что уже тогда они жили в д. Ворожейской.

После 1710 года достоверно известно, что родовым гнездом Коротких (тогда ещё Коротковых) была д. Ворожейская (Ворожейка).

Коротковы стали записываться по фамилии Коротких в середине XVIII века, это известно из архивных дел 1755 и 1763 годов.

Коротких до конца XIX века жили преимущественно в д. Ворожейке, в с. Ялани жили Коротких – переехавшие туда крестьяне Лосиноборского монастыря. В самом с. Маковском за всё время исследования известно всего несколько семей Коротких.

ЛОСКУТОВЫ

Эта фамилия произошла от слова «лоскут». Вероятно, основатель этой фамилии не был состоятельным человеком и носил одежду и обувь много раз чиненную-перечиненную заплатками – лоскутами.

Из Крестьянской книги Енисейского уезда 1706 года известно, что в 1706 году «повёрстан вновь в Государеву десятинную пашню в Маковский острог гулящий человек Максим Стефанов сын Лоскутов...».

В 1719 году он записан отставным крестьянином, проживающим в семье пашенного крестьянина д. Калининой Семёна Иванова Иудина (Юдина).

Из Ревизских сказок 1782 года известно, что две семьи Лоскутовых по-прежнему проживали в д. Калининой. В 1790 году одна семья уже числилась в Маковской слободе, а в 1809 Григорий Алексеев Лоскутов избран церковным старостой Маковской Покровской церкви.

К середине XIX века в Маковском осталась только семья Дмитрия Григорьева Лоскутова, после его смерти в 1855 году в Исповедных росписях 1861 года Лоскутовы уже не записаны.

МАКСИМОВЫ

Основателем фамилии является Ивашка Максимов сын, в основе фамилии лежит церковное имя Максим. Максимовы не были первыми жителями Маковского острога.

Впервые о Ивашке Максимове становится известно из Переписной книги Енисейского уезда 1691 года «Статьи посадских людей и крестьян разных деревень с означением детей, кто, откуда пришёл и сколько имеет пашенной земли». В ней записано: «Во дворе пашенный крестьянин Ивашко Максимов родом усалец крестьянской сын а пришёл в Енисейск (имеется ввиду уезд) в 195 (1687) году при стольнике и воеводе Григорее Новосильцове.» Более ранних сведений о нём не обнаружено.

Следующая запись о нём встречена только в Переписи крестьян 1710 года, где он записан вкладчиком Лосиноборского монастыря. Между 1691 и 1710 годами Иван Максимов сын не был крестьянином, но мог быть промышленником или посадским человеком (Переписи об этих сословных категориях не сохранились) и, заработав деньги, вложил часть их в Лосиноборский монастырь на будущее.

Новый игумен Лосиноборского монастыря Гавриил Попов, рассорившись с монастырскими крестьянами, выселил всех из монастырской деревни. и Иван Максимов сын теперь уже и по фамилии Максимов с семьёй некоторое время жил в д. Ворожейской и только после отставки игумена Гавриила вернулся в Лосиноборскую вотчину.

Эта монастырская деревенька и стала родиной всех без исключения лосиноборских, маковских и ворожей-

ских Максимовых. В Лосиноборской вотчине до конца XIX века жили только Максимовы. Перед закрытием монастыря один из монастырских крестьян Максимовых был церковным старостой, другой казначеем монастыря.

После закрытия монастыря в 1764 году они стали именоваться экономическими крестьянами, то есть подвластными государственной Коллегии Экономии и только после выезда из Лосиноборской вотчины в другие деревни в середине XIX века были переведены в разряд государственных крестьян.

В Ревизских сказках крестьян 1850 года в Лосиноборской вотчине было семь семей Максимовых, других жителей там не было.

Большинство Максимовых переехало в с. Маковское, по одной семье в д. Ворожейку и д. Подгорную. В Лосиноборской вотчине к концу XIX века осталось три семьи Максимовых. Две семьи Максимовых выехали в Маковское из д. Лосиноборской в 1937 году и там осталось только семейство Василия Евграфовича Максимова.

Таким образом, к середине XX века в Маковском образовалось семь родов Максимовых, которые к тому времени уже совершенно забыли о своём родстве и их общем предке – Иване Максимове сыне Максимове.

МАЛЫШЕВЫ

Образовалась эта фамилия от прозвища «Малый» или «Малыш», которые давались младшему из братьев или сыновей, имеющих одинаковые имена.

Беломестный казак Маковского острога Малышев (ещё без фамилии) впервые встречен в деле РГАДА 1680 года, где записано: «Микулка Епифанов повёрстан из гулящих людей в 177 (1669) году».

В Переписи 1719 года записаны две семьи его сыновей беломестных казаков Малышевых.

В Ревизских сказках крестьян 1782 и 1795 годов записано по пять семей крестьян Малышевых, но к 1811 году осталась только одна семья.

В Ревизских сказках 1850 и 1857 годов и в Исповедных росписях 1861 года в Маковском записан только бездетный Моисей Марков Малышев. На нём и прервалась в Маковском мужская линия Малышевых.

МАСЛЕННИКОВЫ – СЕРЁДКИНЫ

В словарях имеется объяснение происхождения фамилии Масленников от слова «Масленник», то есть торговец маслом, но вряд ли в середине 17 века в наших местах были торговцы маслом. Фамилия Серёдкин образована от прозвания, указывающего на среднего сына или брата.

Из Переписной книги 1669 года в Черкасской деревне известен Васька Масленников Серёдка, которому земля выделена в 1659 году, в 1669 году Васька Масленников повёрстан в беломестные казаки Маковского острога.

В Переписной книге Енисейского уезда 1691 года записан «посадский человек Маковского острога Васька Михайлов (Масленников) родом черкашенин крестьянской сын, а пришёл в Енисейску тому сорок шесть лет (то есть в 1645 году)».

Не этот ли Васька Михайлов записан в Энциклопедии Красноярского края как первый маковский пашенный крестьянин, высланный из Москвы в 1645 году?

Его сыновья Илья и Иван в Переписи 1710 года записаны по фамилии Серёдкины, Илья крестьянином д. Ворожейкиной, а Иван вкладчиком Лосиноборского монастыря.

В Переписи 1719 года братья записаны Масленниковыми, проживающими в д. Ворожейкиной. К этой деревне была приписана их маленькая деревенька Серёдкина, известная из дела о Лосиноборском игумене Гаврииле Попове и путевых заметок историка Г.Ф. Миллера.

В течение XVIII века их потомки оставались жить

в д. Ворожейской. В Ревизских сказках 1782 и 1795 годов записаны по две семьи Масленниковых, известны Масленниковы в Маковском и в первой половине XIX века, но ко времени проведения Ревизии 1850 года в с. Маковском и ближних деревнях крестьян по фамилии Масленниковы и Серёдкины не осталось.

МУНИНЫ

Фамилия образована от прозвища «Муня», которое относилось к вялому, сонному человеку и отражало особенности характера и поведения основателя фамилии. По свидетельству историков это прозвище известно ещё в XVI веке времён Ивана Грозного.

Первая запись о Муниных в Маковском остроге относится к 1702 году. В крестьянской книге записано: «да в прошлом годе переехал пашенный крестьянин Большой Елани Козма Вдовин». Вероятно, он был сыном вдовы и это была ещё не фамилия, а только прозвище.

В Крестьянских книгах 1703–1712 гг. он по-прежнему числился Вдовиным и только в Переписи 1719 года записан Муниным. В то время в Маковском остроге было две семьи Муниных.

В Ревизских сказках 1782 и 1795 годов Муниных было уже по пять семей.

К середине XIX века осталось всего две семьи Муниных, две семьи было и в 1898 году.

В Похозяйственных книгах 1939 года Мунины в с. Маковском уже не значились.

ОРЕХОВЫ

От прозвища «Орех» – человек крепкого телосложения или твердого характера.

В Крестьянской книге Енисейского уезда 1666 года записано: «В Маковском на Кеть реке пашенные крестьяне... Гришка Орех пашет полдесятины...».

Его сын Иван Григорьев Орехов с братом Петром записаны во всех Крестьянских книгах и Переписях до 1719 года.

Во время проведения Ревизии 1782 года в Маковском было три семьи Ореховых, а к 1790 году количество семей увеличилось до четырёх.

К 1861 году в Маковском осталась одна семья Ореховых.

Из Похозяйственных книг 1939 года известно только о семьях Григория Фёдоровича и его дочери Анфисы Ореховых. Наше поколение Ореховых в Маковском уже не застало.

ПАНОВЫ

Пановы могли происходить от потомков панов и их холопов или же в основе фамилии лежит имя «Паня» – уменьшительное от имён Пантелеймон, Панкрат, Панфил, Панфёр.

Из Крестьянской книги известно, что в 1706 году повёрстан в пашенные крестьяне Маковского острога гулящий человек Михайло Фёдоров сын Панов.

Ко времени проведения Переписи 1719 года он умер, и известны только его сыновья Фёдор и Сергей.

В Ревизских сказках 1782 и 1795 годов в д. Филипповой записаны три семьи их потомков. Три семьи Пановых записаны и в Ревизских сказках 1857 года.

В конце XIX века они стали перебираться в с. Маковское и к 1939 году в селе было уже восемь семейств Пановых.

ПОЛУЯНОВЫ

«Полуян» – производное от церковного имени Полиен.

Первая запись о Полуяновых имеется в Крестьянской книге Енисейского уезда 1675 года: «Полуянко Мокеев пашет чет десятины с полуосминою». В Крестоприводной книге 1682 года записаны Полуехтко с сыном Лучкою.

У Луки Полуянова было четыре брата, и к Ревизии 1782 года Полуяновых было уже три семьи. По одной в Маковском остроге, д. Филипповой и д. Калининой. Деревня Калинина называлась иногда и Полухиной – по фамилии её жителей Полуяновых. Ещё одна семья в 1775 году переехала в Большекететский станиц.

В Ревизских сказках 1857 года в с. Маковском числилась только одна семья Полуяновых. Одна семья записана и в Страховых ведомостях 1898 года.

Последняя запись о Полуяновых относится к 1930 году, когда на собрании крестьян Григорий Фёдорович Полуянов был признан крестьянином-бедняком.

На память об этой фамилии остались названия – Полуянов ручей в 10 километрах от с. Маковского и Полухина поляна на Кети выше бывшей деревни Филипповой, где была расположена деревня Полухина или Калинина.

ПОПОВЫ

Фамилия Попов первоначально образовалась от мирского имени Поп и не обязательно происходит от попов – священников. Это мог быть и работник попа.

Первая запись о маковском пашенном крестьянине Ортюшке Попове относится к 1666 году, но в последующие годы он записан уже в деревне на р. Кемь.

Из Переписной книги 1691 года известно, что в 1683 году «привёрстань» в беломестные казаки Маковского острога енисейцы братья Матюшка Семёнов Попов сын и Ивашко Семёнов.

В 1719 году записаны три семьи потомков беломестных казаков Поповых, а в Ревизских сказках 1782 года две семьи крестьян Поповых. Кроме крестьян из архивного документа 1791 года известно о трёх мещанах Поповых, которые «работали по наймам в разных работах и платили подати от этих работ».

В середине XIX века в с. Маковском проживала только одна семья крестьян Поповых. Одна семья записана и в Страховых ведомостях 1898 года. Последняя жительница из этого рода Поповых умерла в 1918 году и этот род по мужской линии пресёкся из-за отсутствия сыновей.

Известен ещё один род Поповых, проживавших в с. Маковском.

В 1843 году в Маковскую Покровскую церковь был назначен исполнять должность дьячка сын священника с. Рыбинского Енисейской губернии Флегонт Петров Попов. Служил он в этой должности около 45 лет. У него было два сына.

В Страховых ведомостях 1898 года записан его сын Василий Флегонтович Попов, а в Похозяйственных книгах 1939 года семьи Никандра Васильевича и Григория Никандровича Поповых.

РАСПУТКИНЫ

От слова «Распута» – беспутный, непутёвый человек. Это слово означало еще – бездорожье, перекресток, развилку дорог. Распутица – весенне-осеннее бездорожье.

В архивных документах конца XVII – начала XVIII веков эта фамилия среди ясачных остяков Натской и Пумпокольской ясачных волостей не встречается. Она появилась после крещения инородцев в православную веру и присвоения им русских имён и фамилий. Вероятно, она досталась этой семье от восприемников – были в начале XVIII века в Енисейском уезде служилые люди Распутины.

Первые записи о ясачных остяках Распуткиных встречены в Ревизских сказках ясачных инородцев Енисейского уезда 1784 года, тогда они были записаны как Распутины.

В Духовных росписях Маковской Покровской церкви 1790 года записаны две семьи Распуткиных,

а в 1811 году только одна семья. Жили они до середины XX века в д. Филипповой.

В Похозяйственных книгах 1939 года д. Филиппова отдельно не выделена и Распуткины записаны в с. Маковском.

Мужчины рода Распуткиных с середины XVIII века женились преимущественно на русских женщинах из старожильческого населения, тем не менее, их потомков записывали в ясачные инородцы и остяки даже в первой половине XX века.

Так, в представлении к награждению за подвиг медалью «За отвагу» 04.10.1944 г. наш земляк Распуткин Александр Васильевич записан остяком.

САПОЖНИКОВЫ

Фамилия произошла от профессии «Сапожник» — кто-то из их предков имел эту специальность.

Сапожниковы не были маковскими крестьянами, поэтому в Переписях XVII–XVIII веков и в Ревизских сказках XVIII века в Маковском эта фамилия не встречается и установить с какого времени они проживали в Маковском не представляется возможным.

Известно о них впервые только из Исповедных росписей Маковской Покровской церкви 1789 года, в которых записаны мещанами четыре семьи Сапожниковых.

В начале XIX века все Сапожниковы стали крестьянами, и в Ревизских сказках 1857 года в с. Маковском указаны пять семей крестьян Сапожниковых.

В Страховых ведомостях 1898 года и в Похозяйственных книгах 1939 года записано по две семьи Сапожниковых.

СТЫЖНЫХ

Основой фамилии послужило мирское имя «Тыжный». По некоторым версиям происходит от украинского

«Тижневий», что означает «недельный». Неделей в старину называли воскресный день. «Тыжный» – человек, родившийся в воскресенье.

Тыжной – Тыжнов – Стыжнов – Стыжных – так изменялось написание фамилии в течение XVIII–XIX веков.

Родоначальником их был приказчик Маковского острога енисейский конный казак Семён Анисимов Тыжной, известный из Переписной книги Енисейского уезда 1710 года. Был он приказчиком острога и в 1722 году.

В середине XVIII века Тыжновы были разночинцами и крестьянами, в конце XVIII – начале XIX веков четыре семьи его потомков записаны в Метрических книгах Маковской Покровской церкви крестьянами Маковского острога, и только в 1822 году Никита Данилов Стыжнов записан енисейским мещанином, проживающим в с. Маковском. Из Обывательской книги г. Енисейска 1854 года известно, что он «промысел имеет от мещанского торга».

Семья Никиты Данилова Стыжных записана мещанами в Ревизских сказках на купцов и мещан г. Енисейска 1858 года. Мещане учитывались не по месту проживания в сёлах и деревнях, а только в уездных центрах.

Его сыновья записывались мещанами до конца XIX века.

В г. Енисейске известен в конце XIX – начале XX веков их потомок мещанин Мелетий Васильевич Стыжных – конторщик золотопромышленной фирмы. В 1907–1909 гг. он был старостой Енисейской мещанской управы, а в 1915 году товарищем (заместителем) директора Енисейского общественного банка.

На средства нашей землячки красноярской мещанской вдовы Веры Маркеловны Сенкевич, урождённой Стыжных в 1888 году в с. Маковском построена и открыта школа.

Жили в с. Маковском и ясачные инородцы-остяки по фамилии Тыжновы – Стыжновы – Стыжных.

Можно только предполагать, как им досталась эта старожильческая фамилия. Впервые об ясачных аборигенах Тыжновых становится известно из Ревизских сказок 1784 года, в которых в графе 1763 года записан вдовец Семён Тыжнов (1730 г. р.). Ясачные Стыжновы записаны во всех Исповедных росписях после 1790 года.

В 1853 году ясачный инородец Никита Фёдоров Стыжных числился в Марковских юртах, но в 1854 году в Метрической книге он уже записан проживающим в с. Маковском.

Его сыновья были женаты на женщинах из старожильческого русского населения, но их дети всё равно считались ясачными инородцами.

В 1898 году записана одна, а в 1939 две семьи Стыжных.

УГРЮМОВЫ

В некоторых местностях они записывались Угримовыми. Фамилия возникла или от древнерусского нецерковного имени Угрим, или от «Угрюмый». Синонимы слова угрюмый – мрачный, задумчивый, нелюдимый, суровый, неприветливый, не улыбочивый.

Есть и ещё одно предположение о происхождении этой фамилии – от слова «угры» – названия многочисленных народов, населяющих северную часть Предуралья и Зауральской Сибири, которые составляли значительную часть переселенцев в Сибирь («Мой Красноярск, народная энциклопедия»). Это современные народы России – удмурты, мордва, марийцы, коми-зыряне, коми-пермяки, ханты, манси.

Угрюмовы, также, как и Максимовы, не были в числе первых жителей Маковского острога.

Основатель рода всех маковских Угрюмовых –

священник Маковской Покровской церкви Диамид Иванов известен с 1712 года.

Не все его сыновья пошли по духовной линии. Один сын становится священником, двое перешли в мещанское сословие и один в воинскую службу.

От священника Диамида Иванова Угрюмова, его сына маковского священника Стефана Диамидова и внука маковского дьячка Петра Стефанова Угрюмовых пошла известная в Енисейской губернии в течение всего 19 века священническая династия Угрюмовых.

Сыновья дьячка Петра Стефанова были священниками – Иоанн в Ярцевской, а Яков в Маковской церквях.

Сын Иоанна Петрова Александр был священником Енисейской Преображенской церкви, благочинным Градо-Енисейских церквей, членом Енисейского духовного правления, законоучителем уездного училища, управляющим Енисейским Спасским мужским монастырём.

Сыновья Якова Петрова Угрюмова:

Иоанн Яковлев Розанов (эту фамилию он принял после окончания Тобольской духовной семинарии) был учителем Енисейского приходского духовного училища, затем священником и протоиереем Градо-Красноярской соборной Воскресенской церкви, членом Красноярского духовного правления, законоучителем в Красноярском полубатальоне военных кантонистов. В 1832 году перемещён настоятелем Канского Спасского собора, первоприсутствующим (т. е. председательствующим) и благочинным в Канском духовном правлении. В 1837 году протоиерей Розанов И.Я. перемещён в Ачинск к Троицкому собору благочинным и первоприсутствующим в Ачинском духовном правлении.

Константин Яковлев Угрюмов после окончания двух классов Тобольской духовной семинарии служил пономарём Градо-Енисейского Богоявленского собора, дьяконом Енисейской Троицкой и Арейской церквей Красноярского духовного правления, священником Минусинской Спасской церкви.

Сыновья Константина Яковлева Угрюмова:

Алексей Константинов Угрюмов после окончания Иркутской духовной семинарии рукоположен в священники с. Абаканского Минусинского округа, затем определён благочинным 2-й половины Минусинского округа. Был благочинным в Ачинском округе. Переведён священником в Красноярский Воскресенский собор. Определён благочинным Красноярских сельских церквей за Енисеем, затем ключарём Красноярского Кафедрального собора и протоиереем, членом Енисейско-Красноярской духовной консистории. Был экзаменатором причетников, законоучителем. В свите епископа посещал Маковскую Покровскую церковь.

Сыновья Алексея Константинова Угрюмова:

Константин Алексеев Угрюмов после окончания Томской духовной семинарии определён священником Устюжской церкви, затем переведён священником церкви с Белоярского Минусинского округа и после священником Красноярского кафедрального собора. В 1909–1913 гг. был священником и благочинным в г. Енисейске, казначеем епархиального училищного совета.

Александр Алексеев Угрюмов обучался в Иркутской духовной семинарии. В чине губернского секретаря, коллежского асессора служил столоначальником Енисейской и Красноярской духовной консистории.

Евгений Константинов Угрюмов был священником Частоостровской и Балахтинской церквей, благочинным. Затем священником Красноярской Покровской церкви и преподавателем духовного училища, священником Енисейской Преображенской церкви и снова священником Балахтинской и Красноярской Покровской церквей.

В с. Маковском после смерти в 1840 году дьячка Михаила Петрова Угрюмова представителей потомков этой духовной династии не осталось.

Все маковские и ворожейские крестьяне Угрюмовы – прямые потомки мещанина Ивана Диамидова

Угрюмова. Обе мои бабушки Угрюмовы тоже его потомки.

Все Угрюмовы почти полтора века проживали только в с. Маковском и лишь в середине 19 века один род крестьян Угрюмовых перебрался в д. Ворожейку.

Уроженец с. Маковского из крестьянского рода Угрюмовых Дмитрий Митрофанов Угрюмов в 1834 году записан енисейским мещанином. После переезда в Енисейск к сестре работал трубочистом, смотрителем припасов, в 1860 годах становится енисейским купцом третьей, а затем и второй гильдии. В 1850–1860 гг. он был церковным старостой Енисейского Богоявленского собора, а в 1866 году городским старостой, членом сиротского суда. Его сын енисейский мещанин Михаил Дмитриевич Угрюмов в 1896 году был старостой Енисейской мещанской управы, второй сын мещанин Хрисанф Дмитриевич в 1905–1909 гг. был гласным (т. е. депутатом) Енисейской городской думы, а в 1915 году товарищем (заместителем) директора Енисейского общественного банка.

В 1898 году в с. Маковском проживали три, а в д. Ворожейке две семьи Угрюмовых, в Похозяйственных книгах 1939 года в Маковском записано четыре, а в д. Ворожейке три семьи Угрюмовых.

ХАРИТОНОВЫ

В основе фамилии каноническое имя Харитон.

Беломестный казак Маковского острога Харка (Харитон) Лукьянов впервые встречается в Крестоприводной книге Енисейского уезда 1682 года, но в следующем году он записан уже крестьянином острога.

У Харитона Лукьянова фамилия менялась неоднократно, то он Малафеев, то Зырян, то снова Малафеев и только к 1719 году его потомки становятся Харитоновыми.

Ревизские сказки 1782 года содержат записи о четырёх семействах крестьян Харитоновых.

В Духовных росписях 1790 года и в Ревизских сказках 1795 года в Маковском остроге записано по три семьи Харитоновых, а в Исповедных росписях 1822 года только одна семья и живший у них одинокий родственник.

Последнее упоминание о Харитоновых имеется в Исповедных росписях 1861 года, когда записан бессемейный Лазарь Максимов Харитонов.

Так пресёкся род Харитоновых по мужской линии.

ЮДИНЫ (ИУДИНЫ)

Фамилия произошла от русского церковного (канонического) имени Иуда.

Эта фамилия впервые встречена среди пашенных крестьян Маковского острога в Крестьянской книге 1675 года.

В 1719 году в Маковском остроге проживала большая неразделённая семья пашенного крестьянина Михайлы Никитина Юдина, состоящая из его сыновей, братьев и племянников. Одна семья Юдиных жила в д. Калининой.

В конце XVIII – начале XIX веков в Маковском известна одна семья Юдиных.

Последнее известное упоминание о Юдиных относится к Ревизским сказкам 1857 года, где отмечено, что бессемейный Викул Андреев Юдин умер в 1854 году. На нём из-за отсутствия сыновей и пресёкся в с. Маковском род Юдиных по мужской линии.

РАЗНЫЕ ФАМИЛИИ

Кроме описанных выше старожильческих фамилий в наших местах известны и другие фамилии, представители которых в разные века и годы проживали в остроге и селе Маковском и приписанных к ним деревнях. Одни

жили у нас десятилетиями, другие всего несколько лет. Но многие успели породниться со старожилками.

ЛОДОШНИКОВЫ.

Их фамилия однозначно указывает на профессию её носителя. Лодошники занимались строительством и ремонтом речных судов, без них не могли передвигаться на большие расстояния ни государевы, ни торговые суда.

В Переписной книге посадских людей Енисейского уезда 1669 года в Маковском остроге показан холостой Семейка Козмин Лодошник. Он не занимался хлебопашеством и платил только посадский оброк двадцать алтын.

В 1691 году он записан с сыном Ивашкою.

Перепись 1719 года содержит запись об Иване Лодошникове с сыновьями Яковом и Фёдором.

Ко времени проведения Ревизии 1722 года Иван Семёнов и его сын Фёдор умерли.

В церковных документах и Ревизских сказках конца XVIII века фамилия Лодошниковы в Маковском уже отсутствует.

ТЕРЕНТЬЕВЫ.

Это представители ещё одной семьи, занимавшейся строительством и ремонтом судов.

Посадские люди братья Мишка и Пашко Терентьевы известны в Маковском остроге из Переписной книги 1669 года. Пашка Терентьев записан в Крестоприводных книгах 1682 и 1684 годов.

Из архивного документа 1685 года известно, что маковский посадский Пашка Терентьев «с товарищи» занимался в Маковском постройкой каюков и дощаников.

В Переписи 1691 года указано, что Пашка Терентьев сольвычегодский крестьянский сын и пришёл в Енисейск (уезд) сорок лет тому назад, то есть в 1651 году. Записан и его женатый сын Ивашко.

В Переписи 1719 года Терентьевы уже не записаны.

Не исключаю происхождения названия бора «Павлов» на р. Кети от имени Пашки Терентьева – ведь там было одно из «плотбищ» по строительству государевых судов.

КУЧИНЫ.

Известно, что Кучины в 1670–1690 гг. жили в Большой Елани, деревнях Черкасской и Ярлыковской.

В 1690 году в Маковский острог из д. Черкасской переселился пашенный крестьянин Микишка (Никифор) Кучин, а в 1701 году из д. Ярлыковской Михайло Кучин.

Никифор Кучин записан крестьянином Маковского острога и в Крестьянской книге 1712 года.

В Переписи 1719 года Кучины в Маковском остроге не записаны.

ВИЛЮГИНЫ.

Посадский человек Офонька Устинов записан в Маковском остроге в переписной книге 1669 года.

В том же году Офонька Устинов Вилюга повёрстан из посадских людей в беломестные казаки Маковского острога.

Из Крестоприводной книги 1682 года он известен с сыном Микифорком, а из Переписной книги 1719 года и сын Никифора Денис.

Последние записи о Василии Денисове Вилюгине обнаружены в Исповедной росписи Маковской Покровской церкви 1795 года. Он был вдов и детей у него не осталось.

ЧУРКИНЫ.

Иван Иванов Чуркин (или Чюркин), ещё без фамилии, записан в 1691 году беломестным казаком Маковского острога. В 1719 году отставной беломестный казак Иван Чюркин записан с сыновьями – тоже беломестными казаками и внуком.

Последние записи о Чуркиных имеются в Ревизских сказках крестьян Маковского острога 1795 года. Из мужчин оставался только 14-летний Иван Марков Чуркин.

В церковных документах Маковской церкви последующих годов Чуркины уже не встречаются.

СТАДЫРНОВЫ.

Эта фамилия в XVIII веке была известна среди купцов и мещан г. Енисейска.

В с. Маковском мещанин Николай Яковлев Стадырнов с женой в 1801 году записаны восприемниками в Метрической книге Маковской Покровской церкви.

Их вскормленник Сидор Николаев Стадырнов известен из Метрической книги 1819 года.

В Ревизских сказках 1850 и 1857 годов записан только Сидор Николаев и есть записи о его сыновьях, сданных в рекруты. В 1861 году на исповеди была только вдова Сидора Николаева.

В последующие годы сведений о Стадырновых не имеется.

ШАДРИНЫ.

В Енисейском уезде было несколько деревень Шадриных и населяли их в основном Шадрины.

В наших местах крестьянин д. Антоновой – сын енисейского мещанина Андрей Феокистов Шадрин известен с 1811 года, когда он сочетался третьим браком с Настасьей Стефановой Коротких.

Их сын Ферапонт с семьёй в 1857 году по-прежнему проживали в д. Антоновой, но в исповедных росписях 1861 года они здесь уже не значатся.

СЕЛЯНИНЫ.

Судя по записям о бракосочетании дочерей мещан Селяниных, известных из Ревизских сказок 1782 года, они жили в д. Рыбной уже около 1763 года.

В Духовных росписях Яланской Сретенской церкви (д. Рыбная относилась к приходу Яланской церкви) 1790 года в д. Рыбной записано четыре семьи мещан Селяниных.

Из архивного документа 1791 года известно, что они занимались только землепашеством и других доходов не имели.

В Ревизских сказках 1857 года записана лишь вдова Марья Николаева Селянина с годовалой дочерью.

КИРЬЯНОВЫ.

В д. Рыбную Кирьяновы переселились из «ведомства Кемских деревень» между 1763 и 1782 годами.

В Духовных росписях Яланской Сретенской церкви 1790 года в д. Рыбной записаны две семьи Кирьяновых.

В ревизских сказках 1857 года в д. Рыбной записано также две семьи Кирьяновых.

В Страховых ведомостях 1898 года записан только Тарас Иванов Кирьянов.

Уроженец д. Рыбной Кирьянов Пётр Степанович, 1913 г. р., погиб 14.12.1944 г. при освобождении Латвии.

В последующие годы Кирьяновы в д. Рыбной не проживали.

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ ФАМИЛИИ

В XIX веке в наших местах отбывало ссылку много поселенцев, но совсем немногие создали здесь семьи и остались жить.

Самой известной фамилией из ссыльных стала Бондаренко, но о ней написано выше.

ДМИТРЕНКО.

Иван Ефимов Дмитренко поселён в с. Маковском в 1824, записан в крестьяне в 1836 году. С 1828 по 1845 год у них с женой Ириной Михайловой родилось десять детей, в основном это были дочери.

В Исповедных росписях 1861 года он записан только с дочерью Параскевой.

Из-за отсутствия сыновей род по мужской линии пресёкся.

МАМЧЕНКО.

Евфим Моисеев Мамченко жил в с. Маковском в 1835-1861 годах. Был женат на Фёкле Фёдоровой Ореховой, известно о рождении у них девяти детей.

В Исповедных росписях 1861 года он записан поселенцем с женой, сыном Аверкием и дочерью Софией.

Аверкий Евфимов умер в 1869 г., сыновей у него не осталось.

ТКАЧЁВЫ.

В 1831 году посёлён в д. Рыбную ссыльный Фёдор Иванов Ткачёв. Здесь у него с женой Анной Афанасьевой родились сыновья Тимофей и Моисей и дочь Елена.

Моисей Фёдоров известен в д. Рыбной и в 1898 году, в 1939 году его внук Алексей Васильевич записан в д. Ворожейке.

ДОЛЕНКО.

Иван Фёдоров Доленко известен из Ревизских сказок поселенцев Яланской волости 1857 года в д. Рыбной. Он был женат на вдове Евдокии Степановой в девичестве Стыжновой. У них родилось три дочери и по мужской линии их род не продолжился.

ПРОСТАК.

Ссыльнопоселенец католик Герт Простак в 1879 году принял православие и имя Иван Иванович. В 1877 году он сочетался браком с Татьяной Стефановой Коротких.

Из их пяти детей известно только о сыне Данииле. Он прожил всю жизнь в с. Маковском. В двух браках у него было шесть детей.

У него остались потомки только по женской линии.

ПЕРЕПЕЛЮКОВЫ.

Иван Семёнович Перепелюков прибыл на поселение в с. Маковское с женой Гликерией Павловой, сыном Никифором, дочерьми Аполлинарией и Евфросиньей в конце 1890-х годов. В Маковском у них родилось ещё девять детей, но до взрослого состояния из всех детей дожили только шестеро. Все они остались жить в Маковском.

Долгое время самой распространённой в с. Маковском была фамилия Максимовы, в Ворожейке Коротких и Угрюмовы. Стоило назвать эти фамилии, как жители Енисейска, а иногда и Красноярска сразу догадывались из каких мы мест.

С.А. Месяц в 2000 году в результате исследования фамилий г. Красноярска опубликовал 100 наиболее распространённых в городе фамилий. Из наших самой распространённой оказалась фамилия Максимовы, ее он поставил на 46 место, на 62 оказались Казаковы, а на 84 Пановы. Другие маковские старожильческие фамилии в 100 самых распространённых фамилий г. Красноярска не вошли.

НАШИ ИЗВЕСТНЫЕ ЗЕМЛЯКИ

*«Гордиться славою своих
предков не
только можно, но и должно.
Не уважать оное,
есть постыдное малодушие».*

А. С. Пушкин

На территории Маковского сельсовета в 1970 годах проживало около полутора тысяч человек населения. В том числе в селе Маковском до 500 человек, в деревнях: Ворожейка до 180, Айдара – 180, Лосиноборское – 240, Суханова – 160 человек. Остальное население проживало по мелким в 1–3 дома заимкам. И вот это небольшое по населению, но огромное по площади административное образование породило большое количество людей, так или иначе прославивших нашу Маковскую землю.

В 1946–1948 гг. более 20 жителей села Маковского, как колхозников, так и работников других организаций, были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Среди награждённых есть по несколько представителей из одной семьи. Так награждены трое детей Максимовых Василия Ивановича и Федосьи Семёновны – Георгий, Екатерина и Елизавета, двое детей Максимовых Николая Сидоровича и Меланьи Семёновны – Мария и Сергей, дети Максимовых Павла Петровича и Евдокии Сидоровны – Алексей, Варвара и Иван. Супруги Одинцовы Константин Георгиевич и Александра Николаевна (в девичестве Белозёрова). Поживившиеся уже после награждения Панов Андрей Иннокентьевич и Перепелюкова Мария Константиновна, Максимов Александр

Александрович и Бармина Анна Петровна. Заслуживает внимания и то, что были награждены медалью подростки 1931 и 1932 годов рождения, которым к окончанию войны было всего по 13–14 лет – Максимов Алексей Павлович, Максимов Георгий Васильевич, Панов Андрей Иннокентьевич, Перепелюкова Татьяна Никифоровна. Многие из них добросовестно работали в колхозе и в послевоенные годы, вплоть до его ликвидации.

Немало моих ровесников из послевоенного поколения долгие годы честно трудились в Енисейском леспрохозе: механизаторы трелёвщиков и валочных машин Григорий и Сергей Ивановичи Угрюмовы, вальщик леса их брат Михаил, водители лесовозов Казаков Виктор Иванович и Перепелюков Сергей Никифорович. Они неоднократно признавались победителями соцсоревнования, награждались Почётными грамотами, а Григорий Иванович Угрюмов за трудовые успехи награждён орденом Трудовой Славы третьей степени.

А как мастеровиты были наши земляки. Давайте вспомним уроженца д. Ворожейки, участника Великой Отечественной войны Коротких Деонида Никандровича, который был и кузнецом, и бондарем и вообще мастером на все руки. Он мог изготовить тележное колесо, обласок, бочку, туес и ещё много чего для деревенского обихода.

В 1968 году, в честь 350-летия с. Маковского троим нашим землякам присвоено звание «Почётный житель с. Маковского». Это простая колхозница Максимова Мария Семёновна, учитель Одинцов Константин Георгиевич, награждённый в 1986 году медалью «За трудовую доблесть», и старейший колхозник, бывший секретарь Маковского ревкома и счетовод колхоза «Север» Сапожников Никита Дмитриевич. Никита Дмитриевич за воинские подвиги во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. награждён двумя Георгиевскими крестами (известны их номера) и именным подарком – бритвой с надписью: «За храбрость».

В 1970 году медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» награждены секретарь сельского Совета Максимова Екатерина Васильевна и заведующая почтовым отделением Сапожникова Юлия Семёновна.

Много наших земляков достойно служили и работали во второй половине XX и начале XXI века. Чтобы никого не обижать, перечислю их не по хронологии и не по заслугам, а в алфавитном порядке.

Бармин Александр Петрович – сын Барминых Петра Ивановича и Прасковьи Виссарионовны (в девичестве Коротких), полковник, в начале войны окончил педагогическое училище, затем 1-е Киевское артиллерийское училище в Красноярске, участник Великой Отечественной войны, младший лейтенант, капитан, командир взвода артиллерийского полка. После окончания войны продолжил службу в рядах Советской Армии в Восточной Германии, на Украине, в Минске. Закончил службу старшим офицером организационно-мобилизационного управления штаба Белорусского военного округа. После выхода в отставку жил в Минске и работал в Белорусском технологическом институте (преподавал гражданскую оборону, был инженером). Трагически погиб в Минске в 1995 году. Имеет боевые награды: орден «Красной Звезды», медаль «За боевые заслуги» и еще 16 послевоенных наград.

Его брат Дмитрий Петрович окончил Военно-воздушную инженерную академию имени Н. Е. Жуковского. В 1980 годы в звании полковника служил начальником военного представительства на Новокраматорском машиностроительном заводе. За создание уникальных военных изделий Главного командования войск противовоздушной обороны удостоен Государственной премии СССР. Награждён орденом Красной Звезды. После распада Советского Союза остался жить на Украине в г. Краматорске.

Их сестра Елизавета Петровна, по мужу Островских, работала преподавателем Енисейского пединститута, преждевременная смерть не позволила защитить кандидатскую диссертацию.

Сын Александра Петровича – Виталий Александрович Бармин – кандидат технических наук, доцент Белорусского национального технического университета, капитан запаса.

Дочь Ивана Петровича Бармина – Надежда Ивановна Задисенская – кандидат наук, доцент Сибирского технологического университета в г. Красноярске.

Сын Гликерии Ивановны Барминой – Сюрин Василий Николаевич (имя при рождении Лавров Василий Иринеевич) – основоположник ветеринарной вирусологии, дважды доктор наук, профессор, академик ВАСХНИЛ, лауреат нескольких государственных премий, кавалер трёх орденов.

Второй сын Гликерии Ивановны – Лавров Гавриил Иринеевич – полковник в отставке.

Бармин Иван Николаевич – сын Барминых Николая Тимофеевича и Евдокии Илларионовны (в девичестве Максимовой) – окончил Енисейский пединститут, работал учителем, а с 1988 года директором Плотбищенской средней школы, филиалом которой является Маковская школа. Отличник народного просвещения РФ, Почётный работник образования Енисейского района.

Белозёров Пётр Николаевич – полковник в отставке.

Бондаренко Алексей Маркович – член Союза писателей РФ, почётный гражданин Енисейского района.

Деревяшкин Владимир Михайлович – сын заведующего Маковской почтой Деревяшкина Михаила Григорьевича и уроженки с. Маковского Белозёровой Фёклы Николаевны – кандидат наук, доцент, декан Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики. До этого работал в администрации Новосибирской области заместителем

руководителя департамента науки, образования, инноваций, информации и связи.

Максимова Альбина Иннокентьевна окончила метеорологический факультет Иркутского университета, работала начальником метеостанции, затем в управлении метеослужбы Кемеровской области.

Максимов Валерий Фёдорович – внук Максимовых Константина Петровича и Татьяны Андреевны – полковник в отставке, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса (приравнивается к генерал-майору вооружённых сил), начальник департамента планирования управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами.

Максимова (по мужу Сенькова) Галина Сергеевна работала заведующей районной оптикой в селе Богучаны.

Максимов Геннадий Иванович закончил педучилище, работал учителем. После службы в армии работал секретарём парткома, инструктором горкома партии, председателем райкома профсоюза работников сельского хозяйства, руководителем районного и межрайонного отделений соцстраха в Енисейске и Сосновоборске.

Максимов Иван Павлович – после окончания ФЗО работал в строительных организациях, участвовал в бетонировании плотины Красноярской ГЭС, имея незаконченное семилетнее образование был начальником ремонтного участка. Награждён орденом «Знак Почёта», медалями и почётными знаками.

Максимов Сергей Владимирович – сын Максимовых Владимира Ивановича и Ольги Ивановны окончил Красноярский пединститут. Кандидат исторических наук, работал директором Лесосибирского городского музея. Преподаёт в ВУЗах г. Лесосибирска.

Мухаметкулов Владимир Анатольевич – уроженец д. Лосиноборской, правнук Максимова Василия Евграфовича и Угрюмовой Александры Никодимовны, внук

Максимовой Марии Васильевны, сын Мухаметкуловых Анатолия Иосифовича и Клавдии Яковлевны (в девичестве Гужихина, из семьи староверов). После окончания Красноярского политехнического института направлен в г. Тюмень. Прошел путь от инженера до директора завода сварочных электродов и заместителя генерального директора ОАО «Запсибгазпром» – крупнейшего газодобывающего объединения страны. Затем вице-президент ОАО «Стройтрансгаз» в Москве. Кандидат технических наук. Лауреат премии Правительства РФ (2000 г.) в области науки и техники и премии ОАО «Газпром» в области науки и техники.

Мухаметкулов Геннадий Анатольевич – брат Владимира Анатольевича. После окончания института в Красноярске работал инженером. Вышел на пенсию с должности директора завода «Крамз-Пресс».

Их брат Иван Анатольевич после окончания института был направлен на завод автоприцепов в Сосновоборск. Последние 10 лет занимается предпринимательской деятельностью.

Мухаметкулов Александр Владимирович – сын Владимира Анатольевича. После окончания Тюменского государственного университета работал заместителем директора и директором завода сварочных электродов, затем генеральным директором Тюменского завода блочных комплектных устройств. Кандидат экономических наук. Вместе с отцом имеют патент на изобретение. Избирался депутатом Тюменской городской Думы.

Панов Валентин Михайлович – сын Пановых Михаила Исааковича и Елизаветы Ивановны (в девичестве Максимовой). После окончания института более 20 лет работал директором деревообрабатывающего комбината, живёт в Комсомольске-на-Амуре.

Панов Геннадий Иванович – сын Пановых Ивана Алексеевича и Таисьи Фёдоровны (в девичестве Козынкиной) – работал начальником Маковского лесоучастка Северного леспромхоза.

Сапожников Алексей Никитич – сын Сапожниковых Никиты Дмитриевича и Анны Андреевны (в девичестве Стыжных) – в течение многих лет был заведующим сектором учёта Енисейского горкома партии.

Сапожников Иван Никитич – его брат – долгое время работал директором Енисейской районной киносети.

Сапожников Иннокентий Никитич работал ветфельдшером и председателем колхоза «Север» в с. Маковском.

Сапожников Валентин Алексеевич – сын Сапожниковых Алексея Никитича и Ксении Ивановны (в девичестве Максимовой). Профессор, кандидат физико-математических наук, многие годы работал проректором Красноярского государственного университета, ныне директор института фундаментальной биологии и биотехнологии в Сибирском федеральном университете. Заслуженный работник высшей школы РФ. Награждён орденом «Знак Почета».

Сапожников Геннадий Алексеевич – брат Валентина Алексеевича. После окончания Томского университета живёт в Новосибирском Академгородке, работает советником Председателя Президиума Сибирского отделения Российской академии наук. Доктор физико-математических наук, Почётный профессор Сибирского государственного университета геосистем и технологий. С 2001 по 2010 года работал заместителем губернатора – руководителем департамента науки, образования, инноваций, информации и связи Новосибирской области. Лауреат премии Совета Министров СССР, присвоено почётное звание «Заслуженный ветеран СО РАН», имеет Почётные грамоты Президиума СО РАН, Правительства Новосибирской области, Государственной Думы РФ, Министерства экономического развития РФ. Награждён медалью «За трудовое отличие», орденом Почёта.

Сидоров Валентин Васильевич – внук ссыльного и сын Сидоровой Нины Андреевны, переехавшей в Маковское из д. Ларионовки (Шайтанки). Работал учителем

в Маковской восьмилетней школе и заочно учился в Красноярском пединституте. Работал председателем Маковского сельсовета, затем 16 лет директором школы в Новом Городке. Отличник народного образования СССР, Отличник народного просвещения РФ.

Сотникова Екатерина Ивановна – дочь Сотникова Ивана Валентиновича и Коротких Прасковьи Фёдоровны – работала начальником отдела кадров исправительного учреждения, службу закончила в звании подполковника.

Её сестра Нина Ивановна Сотникова работала заместителем директора Лесосибирской городской детской библиотеки.

Остановлюсь на наших земляках, избравшихся в разные годы председателями Маковского сельского Совета.

В 1920 году сразу после установления советской власти по окончании гражданской войны был образован Маковский революционный комитет в составе председателя Бармина Егора Александровича, секретаря Сапожникова Никиты Дмитриевича и членов ревкома Угрюмова Трофима Павловича и Максимова Степана Фёдоровича. В августе 1920 года ревкомы были упразднены и созданы исполнительные комитеты. Первыми депутатами Маковского сельского исполкома были избраны Белозёров Иван Евдокимович, Коротких Иван Семёнович, Ткачёв Прокопий Моисеевич, кандидатами Белошапкин и Угрюмов.

В депутаты Маковского сельского Совета в 1921 году избраны – Максимов Иван Кузьмич (председатель), Угрюмов Николай Никодимович, Угрюмов Макар Андреевич, Угрюмов Игнатий Дорофеевич и Коротких Пётр Фёдорович.

В 1926 году председателем Маковского сельсовета избран Максимов Павел Кузьмич, членами – Бармин Василий Иванович, Чиркова Матрёна Ивановна, Коротких Михаил Степанович и Угрюмов Алексей Андреевич.

Позднее председателями исполкома Маковского сельского Совета из старожильческого населения избирались:

Максимов Иван Степанович
Максимов Александр Иннокентьевич
Панов Александр Иванович
Коротких Семён Андреевич
Максимов Василий Илларионович
Бондаренко Алексей Маркович
Сидоров Валентин Васильевич
Панов Алексей Иванович
Максимов Михаил Иванович.

Участником первого районного съезда Советов Енисейского района 18 апреля 1924 года от Маковского сельсовета был двадцатичетырёхлетний русский, беспартийный крестьянин-бедняк Максимов Иван Захарович.

МАКОВСКАЯ ПОКРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ

*«Наша Отчизна сильна
православной верой».*

*Митрофорный протоиерей
Валерий Мохов, г. Самара*

Покровская церковь Маковского острога располагалась на пути продвижения на восток огромной массы людей в течение многих десятков лет, и никто не мог миновать её, передвигаясь по реке Кети и Маковскому волоку. В те времена все были верующими людьми и большинство из них посетило Маковскую церковь.

В Покровской церкви Маковского острога побывали дипломаты и воеводы, служилые люди и крестьяне, переселенцы и ссыльные, промышленные люди и каторжане. Посещали её и первопроходцы, которые обессмертили свои имена названиями многих географических мест в Сибири.

СТРОИТЕЛЬСТВО ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ В СИБИРИ

На фрагменте рисунка из «Чертёжной книги Сибири» картографа, историка и художника тоболяка Семёна Ульяновича Ремезова, составленной в 1701 году, вот так изображён Маковский острог с его Покровской церковью. Это, скорее, условное обозначение большинства острогов и Маковская церковь, несомненно, имела несколько иной вид.

Строительство церквей в Сибири началось сразу после её присоединения к Российскому государству. Во всех вновь основанных острогах часовни или церкви строили уже в первые годы их существования независимо от количества населения, проживающего в остроге. В.К. Андриевич в части 1 своего труда «История Сибири», изданной в 1889 году, описывает это так: «... обыкновенно они строились одновременно или же в первые годы по отстройке острогов и снабжались, как священнослужителями, так и церковной утварью, по распоряжению Московского правительства, из Перми и Казани, или же из Москвы».

Поэтому с полной уверенностью можно утверждать, что первая церковь или часовня в Маковском остроге построена в первой четверти XVII века, то есть до 1625 года. При строительстве церквей рассчитывали не только на постоянных жителей острога – служилых и посадских людей, пашенных крестьян, но и на годовальщиков, промышленников и на проезжающих людей разных сословий, и на необходимость обращения местного аборигенного населения в православную веру (миссионерство).

Придавая большое значение Сибири, священный Синод направляет в сибирские уезды священников из уездов центральной России. Митрополит Макарий в «Истории церкви» это описывает так: «В Сибирском крае, хотя уже утвердилось христианство... всё ещё ощущалась крайняя нужда в достойных священнослужителях. В 1635 году царь Михаил Фёдорович писал Вологодскому архиепископу Варлааму, чтобы он выбрал в Вологде и по всей своей епархии протопопа для Тобольска да двух попов чёрных и трёх белых для Тобольска и других городов Сибири и чтобы все выбранные были «люди добрые, крепкожительные и духовные учителя, а не бражники».

Спустя несколько недель царь велел тому же архиепископу увеличить число духовных лиц, назначаемых для Сибири, и именно: избрать архимандрита, протопопа, пять попов чёрных да десять или двенадцать попов белых.... А так как и в Москве записались своею волею ехать в Сибирь два попа черных да шесть попов белых, то государь распорядился отправить всех их вместе с избранными в Вологодской епархии, «потому, что в Сибири попов надобно много». Всем отправленным назначено было на подъём и проезд из государевой казны жалованье, а белым попам дана возможность продать свои дома и хозяйство и взять с собою свои семейства». Следует напомнить, что попы чёрные – это монастырские служители, а белые – это церковные священники.

Н.Н. Оглоблин в части 3 описывает дело 143 (1635) года «об оскудении в Сибири попов» и об отправке туда на службу «чёрных и белых попов» из Московских городов. В деле есть «росписи, отъезжавших в Сибирь своею охотою» попов и их припасов. Но полнее этих росписей, присланная Тобольскими воеводами «роспись новоприсыльным Московским и Вологодским попам, кто именно, откуда, куда (город, церковь или монастырь) и на чьё место назначен, размеры денежной и хлебной руги».

Руга – это в то время годовое содержание священника и причта от государства. В XIX веке хлебная руга собиралась с прихожан по их «приговору», выдавалась собранным хлебом (зерном, мукой).

В 1638–1641 гг. снова пытались решать проблему нехватки священников в Сибири с помощью государства, путём организации добровольного их переселения из Москвы, епархий Ростовской (Ростов Великий), Великопермской, Казанской. Но и на этот раз желающих покинуть обжитые места нашлось очень мало.

В 1667 году по данным В.К. Андриевича в Сибири было уже 160 церквей и 37 монастырей. В том же году было постановлено в воскресные и «господские» праздники никаких работ не производить, были запрещены четвёртые браки и кровосмешение, как между кровными, так и духовными родственниками. До 1801 года на тех лиц, которые не были на ежегодных исповедях и причастиях, налагались денежные штрафы, заменённые налогом (иногда многолетней до 15 лет) епитимьи (молитвы, поклоны, строгий пост, раздача милостыни). Епитимьи налагались также за прелюбодеяние и блуд. Священники привлекались в суды для «увещевания» преступников. Указом от 10.10.1804 г. духовенству вменялось в обязанность вразумлять прихожан о пользе прививания оспы. В 1812 году Указом Синода было запрещено захоронение умерших ранее трёхдневного срока, а Указом Тобольской консистории были утверждены правила их захоронения, в которых регламентировалась даже глубина могилы (не менее трёх аршин). Ещё в середине 18 века вышел Указ, обязывающий священников обучать прихожан молитвам «Символ веры», «Отче наш» и другим.

Всё это говорит о том, насколько велико и разносторонне было влияние православной церкви на жителей России. Следует отметить, что Синод разрешал браки членам семей священников только между лицами духовного сословия, межсословные браки не поощрялись.

Однако в Сибири это требование часто не выполнялось. Просмотренные Ревизские сказки священно и церковнослужителей Енисейского и Красноярского духовных правлений за 1782 год, в которых указано из каких семей взяты жёны или за кого отданы замуж дочери, свидетельствуют о прямо противоположном. Большинство браков совершалось с детьми крестьян, отставных казаков, посадских людей. Надо полагать, что все они были из зажиточных семей.

Особое внимание всегда уделялось христианизации местного аборигенного населения. В наших местах обращение остяков и тунгусов в православную веру произвёл известный на всю Сибирь схимонах Фёдор – бывший Митрополит Тобольский и Сибирский Филофей Лещинский в 1718–1719 гг. во время его путешествия по Сибири.

При строительстве церковей количество постоянного населения острога не имело определяющего значения, так в 1740 в Кетском остроге, основанном в конце XVI – начале XVII веков, церковь имелась всего при 20 дворах.

По свидетельству посланника в Китай Н.Г. Спафария в Маковском остроге в 1675 году также имелась одна церковь и 20 дворов. Это первое, найденное мною, упоминание о Маковской Покровской церкви.

До этого Маковский острог изображён в виде церкви только на карте Годунова «Общий чертёж Сибири» 1667 года.

Следующее упоминание о Маковской Покровской церкви встречено в деле Российского Государственного архива древних актов в Крестьянской книге Енисейского уезда 1683 года, где указаны ружники, то есть служители церкви: «Маковской Покровской церкви поп Симеон Ванеев оклад денег по четыре рубли хлеба по четыре чети ржи по две чети овса по два пуда без чети соли. Дьячок Матюшка Семёнов Конь оклад денег по три рубли хлеба по четыре чети ржи по две чети овса

по два пуда соли. Маковская просвирница оставлен оклад денег шесть рублёв хлеба четыре чети ржи три чети овса чтоб дал мельник Ивашка Яковлев».

О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЦЕРКВЕЙ В МАКОВСКОМ

Маковская Покровская церковь долгое время располагалась рядом с острогом. Об этом можно прочитать у Н.Г. Спафария и автора «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера и видно из доношения о сгоревшей в 1757 году церкви, а также из Памятной книги Маковской Покровской церкви, где записано: «Место, где построен был острог, как указывают старожилы, на высоком яру реки Кети, против старой церкви». Теперь известно, что на нынешнем месте она построена только в 1864 году. И где бы церковь ни стояла, но её колокольня и купол всегда были видны на подъезде к Маковскому с реки и со всех дорог.

В Памятной книге Маковской Покровской церкви о церквях сообщается следующее: «Из рассказов старожилков известно, что первая церковь построена деревянная, но в котором именно году была построена неизвестно, которая сгорела и тоже неизвестно в каком году. (Мною документально установлено, что она сгорела в 1757 году.)

Вторая построена в том же месте, тоже деревянная и тоже сгорела в 1795 году 14 генваря.

Третья построена в 1796 году с благословения Варлаама Архиепископа Тобольского, тоже деревянная. Отслужила и пришла в ветхость».

Дата постройки первой церкви документально не установлена. Достоверно не известно и какой по счёту была церковь, сгоревшая в 1757 году.

О сгоревшей в Маковском остроге в 1757 году церкви известно из дела Тобольского архива, в котором имеется Всепокорнейшего доношения священника Стефана

Угрюмова и церковного старосты разночинца Петра Вахрушева. Как видно из доношения, церковь загорелась 7 мая в четвёртом часу дня от «учинившегося» пожара в доме разночинца Игната Тыжного. Удалось вынести из неё только святой антиминос, святые иконы и церковную утварь.

Острог не мог долго оставаться без действующей церкви, и лес на новое строительство деревянного здания церкви был подготовлен менее чем за один год, и уже 19 апреля 1758 года священник с церковным старостой и прихожанами просят о заложении и освящении церкви, которая будет построена «своим коштом с согласия между собой»: «...Того ради Тобольскую духовную консисторию всепокорнейше просим, чтоб благоволено было, как о заложении помянутой церкви, так и освящении её». В конце доношения имеется список прихожан, подписавших этот документ. (Священный антиминос – это четырёхугольный шёлковый плат с изображением положения в гроб снятого с креста Иисуса Христа. Антиминос выдаётся правящим архиереем в каждую церковь и свидетельствует о законности, совершаемых в храме, богослужений и лежит в алтаре на престоле).

Священник, по существующим правилам, не мог самостоятельно отправить доношение в Тобольскую духовную консисторию, поэтому оно было направлено сначала в Енисейское духовное правление, которое переотправило его со своим доношением в Тобольскую консисторию: «Сего 1758 года июля 14 дня. В Енисейское духовное правление Енисейского ведомства Маковского острога Покровской церкви от священника Стефана Угрюмова доношение объявлено минувшего апреля 19 дня сего года. Помянутого острога означенной Покровской церкви церковный староста разночинец Пётр Вахрушев с прочими прихожанами желают в этом остроге вместо згоревшей Покрова Пресвятой Богородицы церкви построить своим коштом новую

деревянную в том же имяновании церковь, о чём в Тобольскую духовную консисторию от них прихожан заручное доношение написано..., которое при сём Всепокорнейшем доношении в Тобольскую духовную консисторию и посылается от Енисейского духовного правления. Вышепоказанной згоревшей церкви священник антиминс имеется в целости». Подписано доношение архимандритом Александром и протопопом Даниилом Базлуцким.

Имеется заключение префекта Тобольской семинарии архимандрита Михаила и протопопа Василия Русановича: «Послать указ чтоб на построение показанной церкви просили оные прихожане Преосвященного Павла Митрополита Тобольского и Сибирского, когда его Преосвященство в Тобольск прибыть соизволит, а чтоб тем временем к тому церковному строению заблаговременно приуготавливать потребные материалы».

Во исполнение этого заключения «1758 года сентября 30 дня посланы из Тобольской духовной консистории чрез ямскую Сибирской губернской канцелярии почту в Енисейское духовное правление три указа о приуготовлении к постройке трёх церквей потребных материалов. Подпись». (В этом деле находятся материалы о строительстве церквей ещё в с. Марковом Городище и д. Михалёвой).

Построенная заново после пожара 1757 года церковь просуществовала менее 40 лет и сгорела 14 января 1795 года.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЦЕРКВИ В 1795–1798 гг.

Из дела, обнаруженного в Государственном архиве Красноярского края, известно, что 31 августа 1795 года из Енисейского духовного правления за подписью игумена Енисейского Спасского монастыря Никодима и протопопа Тимофея Родюкова отправлено доношение Варлааму Архиепископу Тобольскому и Сибирскому

о просьбе священника Якова Угрюмова, церковного старосты Василия Белозёрова и прихожан Маковской Покровской церкви разрешить построить в Маковском остроге деревянную церковь того же именованья. В доношении сообщается «на строение лесу (деревьев) выронено до шестисот и на место где строится она церковь до половины вывожено (вывезено) и денег приходных от разных доброхотодателей имеют до трёхсот рублей. ...Того ради Вашему Преосвященству Енисейское духовное правление представляя просит о заложении и построении во оном остроге вместо згоревшей вновь деревянной во имя Покрова Пресвятой богородицы церкви архипастырской резолюции. Каменную церковь строить им прихожанам по бедности их и малому числу жителей, также за неимением там бутового камня и за неудобностью к доставлению извести и кирпичей никак не можно».

По благословенной грамоте архиепископа Варлаама от 30 ноября 1795 года церковь 11 апреля 1796 года игуменом Никодимом обложена и строительством начата.

Уже 9 сентября 1797 года священник Яков Угрюмов и церковный староста Семён Казаков сообщили в Енисейское духовное правление, что «вместо згоревшей деревянная во именовании Покрова Пресвятыя богородицы церковь построена как внешним строением, так и внутреннею отделкою вся, иконостас и царские врата собраны и поставлены прежняя, престол и жертвенник и одеяния на них изготовлены новые, так же и ризничные вещи прикладные имеются, равно и протчие принадлежащие к благолепию церковному и ко освящению вещи исправлены. Для того и просим об освящении оной новопостроенной во именованье Покрова Пресвятыя Богородицы церкви наградить благословенной грамотой и святым антимином».

12 сентября того же года игумен Никодим направил на основании этого доношения Архиепископу Тоболь-

скому и Сибирскому покорнейший рапорт о готовности церкви к освящению, в котором он сообщает, что иконы за полным числом собраны, сосуды взяты из церкви упразднённого Лосиноборского монастыря, необходимые для богослужения книги имеются, оставшийся от сгоревшей церкви лес рублен на дрова для топления церкви.

Игумен Никодим 13 февраля 1798 года отправил рапорт об освящении церкви: «Во исполнение благословительной Вашего Преосвященства грамоты писанной октября 17 мною полученной ноября 11 числа минувшаго 797 года новопостроенная в Маковском остроге деревянная во имя Покрова Пресвятыя Богородицы церковь присланным святым антимином по чиноположению церковному сего 1798 года генваря 25 дня мною соборно освящена и богослужение в ней исправлять велено. Подлинная грамота отдана в церковное хранение церковному старосте крестьянину Семёну Казакову с роспискою, а копия с ней списанная оставлена в духовном правлении, о чём Вашему Преосвященству почтенно репортую».

В 1819 году священник Маковской Покровской церкви Иоанн Климовский обращается в Енисейское духовное правление, а затем Протоиерей Тимофей Родюков в Тобольскую консисторию с рапортом о ветхом состоянии колокольни в селе Маковском. Эта колокольня сохранилась от предыдущей церкви, то есть просуществовала она около 60 лет.

Доклад об этом рассматривался в консистории 26 января 1820 года. В документе отмечено: «Енисейское духовное правление в Репорте 11 июня минувшего 1819 года таковым же Маковскаго села Покровской церкви священника Климовскаго, коим просит состоящую в том селе деревянную ветхую колокольню на неудобном месте и от гнилости окладных брёвен клонящуюся к падению перенести на удобное место и что окажется при ней ветхое исправить, просило

на сие разрешение. Консистория мнение полагает колокольную по изъясненным в репорте причинам позволить перенести на другое место ближайшее с исправлением ветхостей на счёт (за счёт) прихожан, но предварительно представить Вашему Преосвященству на благорассмотрение».

Из описи имущества Маковской Покровской церкви 1820 года известно, что крыша на здании и на трёх куполах тесовая, полуглавия обиты белым железом, кресты железные вызолочены листовым золотом.

Имелись: святой антиминс; церковные книги: три Евангелия московской печати 1730 и 1753 годов с изображениями серебряных фигур евангелистов и позолотой, большое количество богослужебных книг второй половины XVII, XVIII и начала XIX веков, самая древняя книга – Октоих московской печати 1678 года. Многие иконы имели дорогие оклады с позолотой. Были серебряные церковные вещи: крест на престольный весом один фунт двадцать четыре золотника, потир с вызолоченными червонным золотом изображениями, звезда и две тарелочки. Иконостас и царские врата вызолочены листовым золотом.

Интересен документ с описанием имущества Маковской Покровской церкви постройки 1796–1798 гг., составленный 12 апреля 1846 года:

«Здание церкви деревянное, одноэтажное, разстоянием (размерами) с алтарём и прирубленным с запада крыльцом в длину 11 сажень, в ширину 3 сажени 2 аршина. Колокольная деревянная, с пристройкою на одной стороне амбара, длина 3 сажени, ширина 4 сажени. Престол один, окон 15, пол деревянный. Крыша крыта куполом, куполов 3. Ограда палисад, входы с полуденной и северной стороны. Усадебной земли 23 на 13 сажень». Далее идёт внутреннее описание церкви, с указанием наименования и расположения икон, наличия книг и перечень колоколов.

О постройке этой церкви известно также и из доношения заведующего церковью – священника Яланской церкви иерея Алексея Попова от 12 ноября 1851 года: «Маковская Покровская церковь построена в 1796 году с благословения Тобольского Архиепископа Варлаама усердием прихожан на сумму собранную от доброхотных дателей; благословенная грамота послана на имя Енисейского Спасского монастыря настоятеля игумена Никодима, который совершил как обложение, так и освящение; придел один на имя Покрова Пресвятой Богородицы. Здание деревянное, клонится к ветхости. Замечательных по древности предметов церкви, а также по части архивов не находится; чудотворных икон, а также благочестивых обычаев и установлений особенных в приходе нашем не имеем».

В доношении иерея Алексея Попова и дьячка Флегонта Попова члену Енисейского духовного правления священнику Михаилу Белоозёрову от 19 октября 1853 года также описана эта Маковская церковь: «Честь имеем покорнейше уведомить Ваше Высокоблагословение, что при церкви нашей икон заслуживающих особого внимания по своей древности нет, только нерукотворный образ Спасителя украшен серебром под золотом ризою, в том 8 фунтов 43 золотника пробы 84-й; поправок же и перестроек по церкви равным образом и пожертвований значительных, кроме обыкновенного кружечнаго и кошельковаго сбора не было, праздных икон, кроме храмовой и крестных ходов тоже нет».

Эта церковь, обветшавшая и уже неиспользуемая, тоже сгорела через 21 год после строительства и освящения нынешней церкви. Вот как об этом записано в Памятной книге: «1885, апрель 20 дня. В 6 часов утра в с. Маковском случился пожар, сгорела старая Покровская церковь. При ветреной погоде погорели шесть деревянных домов с надворными постройками. Сгорел дом псаломщика Флегонта Попова».

СТРОИТЕЛЬСТВО НЫНЕ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ ЦЕРКВИ

Всего через 40 лет после освящения церкви, построенной в 1796-98 гг., поднимается вопрос о строительстве новой церкви, так как она уже обветшала.

В Государственном архиве Томской области имеются два дела за 1836–1864 гг. о постройке церкви в с. Маковском. Напомню, что с 1834 по 1861 год церкви Енисейской губернии относились к Томско-Енисейской епархии, консистория которой находилась в г. Томске. (Консистория – учреждение при архиерее по управлению епархией).

В 1836 году прихожане Маковской Покровской церкви направили в Томскую консисторию прошение о постройке в селе Маковском новой церкви взамен ветхой деревянной и в том же году енисейскому купцу Ивану Попову выдана сборная книга для сбора денег на сооружение каменной церкви в селе Маковском. Однако в 1840 году Попов из-за лишения рассудка признан несостоятельным. От доброхотных дателей собрано всего 109 рублей 81,5 копейки. Все собранные деньги употреблены на приобретение строительных материалов, которых Попов имел в селе Маковском на 223 рубля 14 копеек. После смерти Попова консистория потребовала материалы немедленно продать, а деньги записать на приход по церковным книгам.

Прошение о строительстве новой церкви всего через сорок лет показалось Томской консистории довольно странным и разбирательство длилось два десятилетия.

6 декабря 1840 года в Енисейское духовное правление из консистории за подписью архимандрита Ксенофонта последовал запрос: «Спросить чрез отца благочинного Маковской церкви прихожан могут ли они своим иждивением выстроить в селе Маковском каменную церковь и о чём они отзовутся представить ответ их на рассмотрение Епархиальному начальству».

В марте 1841 года отзыв прихожан о невозможности строительства каменной церкви за свой счёт был рассмотрен епархиальным начальством, было даже предложено закрыть церковь в селе Маковском и приписать прихожан к Яланской Сретенской церкви, но, принимая во внимание большую удалённость маковских деревень и остоятских юрт от Яланской церкви, консистория отклонила этот вариант, и 21 марта последовало новое указание о сборе пожертвований на строительство каменной церкви.

В мае 1841 года из консистории выслан приказ: «Велеть благочинному с местными имущими прихожанами освидетельствовать означенную церковь, какие имеет ветхости или повреждения, равно почему именно и в какой мере неблагонадёжна, донести самым обстоятельнейшим образом без замедления консистории».

В ноябре 1841 года в Томскую консисторию отправлена просьба благочинного священника Василия Касьянова о ремонте крыши и потолков деревянной Маковской Покровской церкви. Одновременно представлено прошение енисейского мещанина Матвея Михайлова Норицина о выдаче ему сборной книги для сбора денег от доброхотных дателей на ремонт Маковской церкви и бытии ему строителем при последующем сооружении каменного храма в селе Маковском. Приложена и подписка енисейского мещанского общества от 19 февраля 1842 года: «Означенный мещанин Норицин в худых каких-либо качествах замечен не был, ведёт себя в поведении добропорядочно. А что касается до могущего произойти с ним какого-либо обстоятельства в последствии времени удостоверить не можем. В том и подписуемся». Далее следуют подписи мещан города Енисейска, заверенные в Енисейской градской думе.

В документе Томской духовной консистории имеется запись от 3 июня 1842 года, что вопрос сооружения каменного храма в селе Маковском оставлен без рассмотрения.

8 июня 1842 года Матвей Наричин (его фамилия в разных документах писалась по-разному – Наричин, Норицин, Наричын) снова обратился к Афанасию епископу Томскому и Енисейскому с предложением своих услуг по сбору денег на ремонт деревянной церкви и строительству каменного храма в селе Маковском.

17 ноября 1842 года Томская консистория рассмотрела прошение мещанина Наричина и разрешила выдать ему сборную книгу на один год с обязательством ежемесячно сдавать собранные деньги священно и церковнослужителям Маковской церкви и отчитываться перед Енисейским духовным правлением о сумме собранных денег и предоставлением через год сборной книги, а также назначила его строителем каменной церкви в селе Маковском. Книга выдана ему духовным правлением из-за его отсутствия в Енисейске только 4 апреля 1843 года.

18 ноября 1843 года Наричин сообщил в Томскую консисторию о сборе 300 рублей серебром в Енисейске и Красноярске, но деньги в Маковскую церковь не сдал, оправдываясь занятостью и невозможностью ежемесячно ездить в село Маковское. Всего же за год, теперь уже купцом, Наричиным собрано денег 500 рублей серебром.

По сообщению Наричина в Енисейское духовное правление он открыл прииск и имеет приличный пай в золотодобывающей компании в Верхнеудинском округе и намерен построить церковь в селе Маковском за свой счёт. Но деньги так и не внёс.

Енисейское духовное правление только в феврале 1846 года сообщило в консисторию, что после вмешательства горного исправника Верхнеудинского округа Наричин внёс 500 рублей, собранных им по сборной книге на строительство в селе Маковском каменной церкви.

Так как денег явно не хватало на новое строительство и когда оно начнётся было не ясно, то деньги были

переведены в кредитное учреждение для получения по ним процентов.

26 ноября 1847 года по решению Енисейского городского суда с Нарицына было взыскано в пользу Маковской церкви за растрату (промедление взноса в течение четырёх лет) денег 55 рублей серебром – двойной казённый процент. И только после этого Нарицын предоставил вместе с деньгами в Енисейское духовное правление оригинал сборной книги. Из сборной книги неизвестны прихожане маковского прихода, которые бы сдавали деньги на строительство каменной церкви, как не известны и фамилии большинства доброхотных дателей, так как вместо фамилий имеется много записей: «некто», «неизвестный». По всей вероятности, Нарицын так и не бывал в селе Маковском.

Записи в книге свидетельствуют, что сдавали, в основном, по пять рублей ассигнациями, реже по десять рублей, по 1–2 полуимпериалу (золотая монета достоинством пять рублей серебром или 18 рублей ассигнациями), но имеется несколько взносов по 50, 80 и даже 100 рублей.

В итоге сборной книги записано: «А всего поступило от благочестивых жертвователей с 4 апреля 1843 года по 4 апреля 1844 года ассигнациями одна тысяча семь сот пятьдесят рублей, а по переложении на серебро пять сот рублей».

К ремонту старой деревянной церкви, строительству новой каменной и даже к заготовке материалов Нарицын так и не приступил.

Так закончилась вторая попытка сбора денег на строительство каменного храма в селе Маковском.

25 июля 1842 года Епископ Томский и Енисейский Афанасий посетил село Маковское и, вероятно, посчитал, что церковь ещё пригодна для богослужения, после чего вопрос о строительстве новой церкви не поднимался в течение более десяти лет.

О состоянии Маковской церкви известно из рапорта Благочинного священника Василия Касьянова от 4 февраля 1854 года: «Церковь деревянная, фундамент прочный, но кровля ветхая и потолок прогнулся и в летнее время в храме, особенно в алтаре, бывает течь. О чём донесено им от 6 ноября прошедшего года. Документы церковные ведутся исправно, и сумма хранится в целости. Опись имущества заведена с 1830 года (фактически есть опись 1820 года)».

31 октября 1855 года Парфению епископу Томскому и Енисейскому направлено прошение государственных крестьян – прихожан Маковской Покровской церкви с описанием церкви: «Деревянная церковь наша, построенная около 60-ти лет тому назад, обветшала до того, что в летнее время проходит в неё сквозь крышу дождевая мокрота. ... почитая необходимым поправить нашу церковь, то есть сделать на ней новую тесовую крышу, обшить всё здание тёсом и окрасить приличною краскою, перестлать полы внутри всего храма и святого алтаря, переклеить, перекрасить и где нужно позолотить с исправлением самих икон, уже поленявших (полинявших, т. е. потерявших цветность), также исправить ветхую колокольню, особо от церкви стоящую, мы однакож сами за свой счёт не можем сего сделать из-за малочисленности дворов и населения в приходе».

Далее следует просьба о выдаче сборной книги для сбора пожертвований по Томской епархии в течение года. Для чего уже избраны среди прихожан два благонадежных, не замеченных в худых поступках и не бывших под судом и следствием крестьянина села Маковского – Капитон Максимов Максимов же и помощником ему Кондратий Григорьев Мунин. Имеется список прихожан, подписи которых из-за их неграмотности удостоверены енисейским мещанином Григорием Стыжновым и печатью маковского сельского старшины.

Из архивного дела известно, что по этой сборной книге с ноября 1855 года по 18 апреля 1857 года собрано

от доброхотных дателей 697 рублей 63 копейки серебром.

По Указу Синода от 1826 года строительство сельских церквей без утверждённого проекта было запрещено, а из-за частых пожаров в церквях ещё в 1801 году было запрещено строительство деревянных церквей, однако в таких удалённых сибирских сёлах, как наше, они ещё строились.

Решение Томской консистории о строительстве новой деревянной церкви в селе Маковском принято в 1857 году, только через четыре года после второго посещения села Маковского Епископом Афанасием, которое было 28 июля 1853 года.

20 августа 1857 года Томская консистория рассмотрела прошение прихожан Маковской Покровской церкви и отметила, что «настоящая церковь имеет весьма значительные повреждения и ветхости, а именно: здание всего храма имеет наклонение на северную сторону, кровля обветшала до того, что сквозь всей проходит дождевая мокрота, углы и потолки от сырости во многих местах прохудились, а во святом алтаре рубленные в лапу разошлись, полы внутри всего храма и алтаря от согнивших под ним балок имеют выпуклости и трясение, иконостас весь расклеился и полинял, колокольня от церкви отдельно стоящая, вся обветшала от самого основания».

После изучения состояния церкви, консистория распорядилась:

«1. Как из Клировой ведомости Маковской Покровской церкви за 1856 год видно, что церковь сия, построенная в 1796 году, пришла уже в ветхость, то по сему прихожанам оной церкви, согласно прошения их, дозволить вместо обветшавшей деревянной церкви в селе Маковском построить таковую же новую по избранному им Высочайше утверждённому для сельских церквей чертежу под № 5-м и на сооружение, по бедности и малочисленности прихожан, разрешить также употребить и всю ту сумму

Маковской церкви принадлежащую, которая состоит в Приказе Общественного Призрения.

2. Церковь заложить по чиноположению церковному для обеспечения от пожара.

3. На заложение церкви заготовить храмозданную грамоту и отослать к Благочинному при указе с тем, чтобы о исполнении он донёс Его Преосвященству и за тем вменить ему в обязанность за построением церкви иметь неослабный надзор, чтобы она строилась из прочных материалов и сколь возможно поспешнее. Из числа прихожан избрать строителя – благонадёжного человека. (Храмозданная грамота – письменное разрешение епископа на строительство храма с подробным указанием относительно его устройства).

4. Как прихожанам для выполнения работ с указанного выше чертежа на церковь, нужно иметь копию, то о снятии таковой и представлении к Его Преосвященству на утверждение сообщить Томскому Епархиальному архитектору Еремееву.

5. Просить Енисейского Гражданского Губернатора о надзоре за строительством Маковской церкви».

Для контроля за ходом строительства по приговору прихожан 4 февраля 1858 года был избран ответственным за постройку (строителем) Игнатий Васильев Сапожников. Преосвященному было доложено, что «к сей должности мы находим его Сапожникова способным и благонадёжным, в штрафах и под судом не находился, поведения честного в чём и подписуемся». К приговору приложен список прихожан села Маковского, деревень Ворожейки, Филипповой, Бармина зимовья. При составлении приговора находился маковский сельский старшина Семён Бондаренко, который «во уверении сего приложил вверенную ему печать».

На печати хорошо просматриваются слова: «Енис: губ: Енис: окр: Яланской вол: Маковского сельскаго старшины» и корона Российской империи.

В обязанности строителя входило: «все подряды на постройку покупку и поставку материалов, в наем рабочих и других мастеровых производил всегда при участии местных священно и церковнослужителей, неослабно наблюдал как за прочностью материалов, так и за всякими работами везде и во всём, наблюдая пользу церкви поступаемых на приход от доброхотных дателей денег, а также и в расход записывать в книгу не упустительно».

Надзор за строительством церкви осуществлялся не только прихожанами, духовной властью, но и светской. По указанию исполняющего должность губернатора Енисейской губернии был командирован один из членов губернской строительной комиссии для наблюдения за постройкой Маковской церкви.

«Акт освидетельствования места, избранного прихожанами для построения новой деревянной церкви Енисейского округа в селе Маковском» был составлен исправляющим должность благочинного священника Александром Евтюгиным 15 мая 1858 года. «Место, избранное для построения церкви, находится на восточной стороне села на самой дороге, ведущей из города Енисейска в село Маковское, возвышенное, грунт земли четвертей на шесть песочный, далее в глубину глинистый. Мокроты никакой нет, лишних строений вблизи также никаких нет».

Выбор и отвод нового места связан с тем, что на старом месте всё ещё стояла и действовала предыдущая церковь. Вначале рассматривался вопрос о строительстве новой церкви вблизи старой с южной стороны, однако там в 17 саженьях от старой церкви, (а при постройке новой церкви он оказался бы в 9 саженьях), стоял дом енисейского мещанина Никиты Стыжнова, который закрывал вид церкви с южной стороны, проход к церкви получался тесным и неудобным, да и пожарная безопасность не соблюдалась. Поэтому предлагалось «снести дом на другое место, от чего образуется площадь,

удобная для постройки новой церкви». Но в итоге остановились на том месте, где она стоит и поныне.

Благословенная грамота под окладку новой церкви последовала от Его Преосвященства Парфения – Епископа Томского 18 сентября 1857 года.

В 1858 году был заключён подряд на постройку церкви на 2900 рублей серебром. Однако Томская духовная консистория посчитала его изрядно завышенным против высочайше утверждённой сметы и не утвердила. В последующие 1859–1861 гг. из-за неурожая цены на хлеб и на другие жизненно важные продукты питания значительно выросли, то этот же подрядчик запросил уже 3200 рублей, а другие подрядчики запросили ещё большую сумму. Поэтому подряд был приостановлен до более благоприятного времени, потому что «собранной на этот предмет суммы далеко не доставало, а прихожане при своей бедности не в состоянии были усердствовать деньгами».

В приходе Маковской Покровской церкви в 1857 году было всего около 60 старожильческих дворов и около 20 остоятских, поэтому нетрудно посчитать, сколько денег нужно было собрать на строительство церкви с каждого двора.

Об ухудшении благосостояния местного населения в связи с прекращением массовых перевозок грузов по реке Кети к середине XIX века свидетельствуют записи священника Василия Иоаннова Дроздовского в Памятной книге Маковской церкви: «Прекратилось судоходство около 1840 года, так как река Кеть стала сильно мелеть. Енисейские купцы начали перевозить товары прямо из Ирбитской ярмарки сухим путём. Крестьяне здешние с удовольствием вспоминают время, когда производилось судоходство, были постоянные заработки: постройки судов, карбасов, грузчики, перевозки, сплав судов до места. Всё это делало жизнь безбедной и это время считают самым счастливым».

Архипастырям епархии было доложено о причине остановки подряда, и они выразили своё согласие. Было принято во внимание, что в старой церкви при «тщательном за ней наблюдении» ещё можно некоторое время продолжать богослужение.

В мае 1861 года Енисейское духовное правление вместе с другими церквями Енисейской губернии отошло к вновь созданной Енисейской и Красноярской епархии и поэтому строительство церкви перешло в её ведение.

15 марта 1862 года сделан новый подряд на постройку церкви с крестьянином Владимирской губернии Мартыном Кулыгиным на сумму 2000 рублей серебром со всеми его материалами.

В рапорте Преосвященнейшему Никодиму епископу Енисейскому и Красноярскому священник Василий Дроздовский и строитель Игнатий Сапожников сообщают о подрядчике: «временно обязанный (т. е. бывший крепостной) господина Рюмина крестьянин Владимирской губернии Гороховского уезда Неверовской волости деревни Крапивной Мартын Захаров Кулыгин поведения честного, в работе сведущ и вместо залога представляет за себя поручителей енисейских третьей гильдии купцов Петра Егорова Воробьёва и Родиона Артемьева Артемьева же, которые по предварительному условию своеручно и подписались».

Ещё до подписания контракта подрядчик Кулыгин был приглашён для осмотра старой церкви и выдачи заключения о возможности её капитального ремонта. Однако подрядчик не согласился за эту же сумму производить восстановление церкви, поэтому с общего согласия решено было строить новую. «...как бы она исправлена ни была, всё-таки, прочность её будет сомнительна в сравнении с новой».

При предварительном согласовании условий подряда 15 марта 1862 года был представлен «приговор» от прихожан и рапорт священника Василия

Дроздовского и строителя Игнатия Сапожникова к Преосвященному Никодиму Епископу Енисейскому и Красноярскому о разрешении вместо каменного фундамента построить церковь на листовничных «стульях».

Обосновано это было недостатком денег. «Так как денег собранных в течение трёх лет по сборной книге имеется 1424 рубля 60,5 копейки и хранившихся в Енисейском приказе общественного призрения с 1847 года 715 рублей, что всего и составит с собранными и приращением в приказе 2500 рублей, каковой суммы по соображениям и ценностью подряда оказывается достаточной только на построение новой деревянной церкви на каменном фундаменте по плану и проекту Высочайше утверждённому под № 5-м», но на устройство иконостаса, обшивку стен снаружи тёсом и окраску и оштукатурку внутренних стен не остаётся; своими же средствами прихожане по бедности своей и малочисленности душ в приходе восполнить недостающую сумму на заведение вышеозначенных предметов едва ли будут в состоянии, от чего неминуемо должна произойти медленность в устройстве, и даже быть может и остановка, а потому и поручили нам всенижайше просить Вашего Преосвященства, неблагоугодно ли будет разрешить построение новой деревянной церкви под тем же № без каменного фундамента, заменив оный сплошными листовничными стульями под все наружные и внутренние стены храма, благоволите милостивый Архипастырь принять во уважение и само место, избранное прихожанами для постройки церкви, которое по освидетельствованию господином Благочинным, со стороны гражданским заседателем и прихожанами найдено, что местность онаго весьма возвышенна и сухая, грунт земли необыкновенно твёрдый, следовательно судя по грунту земли осадки фундамента быть не может, а сплошные листовничные стулья по крепости своей в особенности обожжённые,

могут быть прочным основанием здания. Чем по справке нашей удостоверяют и подрядчики, а на остающуюся от фундамента сумму устроить приличный иконостас».

На что и последовало разрешение в Указах Енисейской духовной консистории:

1. Указ № 804 от 4 апреля 1862 года «Об изменении фундамента».

2. Указ № 833 от 4 апреля 1862 года «Об утверждении подряда».

После получения Указов контракт с подрядчиком был подписан и он приступил к заготовке материалов.

По основному контракту на строительство от 8 июня 1862 года Мартын Кулыгин подрядился «построить новую деревянную церковь с колокольней в селе Маковском согласно Высочайше утверждённых планов под № 5 на следующих условиях:

1. Без каменного фундамента, на сплошных лиственничных стульях. Для чего следовало:

а. вырыть рвы под наружные и внутренние стены для поставления стульев глубиною полтора аршина (107 см), длиною 93 аршина;

б. положить на дно рвов лиственничные брусья такой длины и поставить стулья;

в. поставить сплошные лиственничные брусья толщиною 8 вершков (35 см) под все наружные и внутренние стены, кои должны наперёд обжечься и так, чтобы поверх земли были оные поставлены на одну четверть аршина;

г. под две печи должны сложить каменные основания;

2. Деревянные работы:

а. для строп церкви, колокольни и прочаго должен быть лес сосновый прочный несбежистый, для балок под полы и потолки 8 вершков (35 см); для чёрных полов и потолков доски должны быть толщиною в два с половиной дюйма; для покрытия тёс толщиною в один дюйм (2,5 см); и прочий лес где какой будет потребен, должен быть сообразен с Высочайше утверждённою сметою; для

чистых полов доски должны быть толщиной в два с половиной дюйма, а для чистых потолков в два дюйма;

б. срубить все наружные и внутренние стены церкви и колокольни с прокладкою пополам моха с паклею, покрыть в два ряда тёсом, подшить под крышами карнизы и фронтоны, сделать к десяти окнам наличники и четыре двери.

Кроме строительства здания церкви Мартын Кулыгин подрядился перенести из старой церкви в новую иконостас. Было предусмотрено: иконостас весь переклеить; обновить иконы и рамки к ним; царские врата, колонны, рамки икон, резьбу и карниз позолотить; все иконы очистить и поправить живописью и все покрыть лаком. Работы предусматривалось начать с половины июля 1863 года и окончить вместе с постройкой церкви. За эту работу предусмотрено заплатить ему 500 рублей серебром.

Заклѹчен подряд и на постройку по приложенному рисунку ограды вокруг церкви длиной сорок семь сажень в окружности. Столбы у ворот и арка должны быть обшиты тѣсом. Ворота решѣтчатые с крестом наверху арки. Столбы ограды, не обшитые тѣсом, должны быть с выточенными наверху яблоками. За работу ему предусмотрено заплатить 260 рублей серебром. Начать эту работу Кулыгин должен был в апреле и закончить в октябре 1864 года.

О ходе строительства в Консисторию докладывало руководство Енисейского духовного правления, ответственный за постройку от прихожан и подрядчик.

И уже в декабре 1862 года церковь была собрана, о чём имеется запись в Памятной книге от 18 декабря 1862 года: «Десятого числа сего месяца и года по чиноположению церковному Благодичным священником Илиѣю Хнюниным собрана новая деревянная церковь по чертежу Высочайше утвердительных планов № 5».

Рапорт о готовности вновь построенной церкви к освящению отправлен Никодиму епископу Енисейскому и Красноярскому 12 июня 1864 года за подписью

благочинного священника Илии Хнюнина, священника Василия Дроздовского, церковного старосты крестьянина Фёдора Петрова Максимова и строителя крестьянина Игнатия Сапожникова. «Вновь построенная в селе Маковском, вместо прежней ветхой, деревянная церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы к освящению готова, а потому осмеливаемся всенижайше просить Ваше Преосвященство означенную церковь освятить. При чём присовокупляем, что недоконченное в ней мы обязуемся докончить по освящении оной».

Освящение церкви произошло 12 июля 1864 года, когда село Маковское посетил Его Преосвященство Никодим – первый Епископ Енисейский и Красноярский и по просьбе прихожан с вечера 11 июля отслужил Всеношную во вновь построенной церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы.

В этот же день священник ходатайствовал перед Епископом об отведении двух десятин земли вблизи вновь построенной церкви для постройки домов и усадьбы для причта церкви. В 1873 году одна десятина земли была выделена, и дом для священника был построен рядом с церковью, кроме того, существовала и церковная площадь, свободная от застройки.

Из Клировой ведомости 1886 года, хранящейся в Енисейском архиве, также известно о строительстве нынешнего здания Маковской церкви:

«Маковская Покровская церковь построена в 1864 году по благословию Никодима – Епископа Енисейского и Красноярского на сумму, хранившуюся в Енисейском Приказе общественного призрения, 1180 рублей серебром, кроме того на собранные деньги от добротных дателей и прихожан. Здание деревянное, с таковою же колокольней и оградой. Крыша крыта тёсом».

Мы должны быть благодарны за построенную церковь в первую очередь подрядчику – крестьянину

Владимирской губернии Мартыну Захарову Кулыгину и его бригаде, строителю – крестьянину села Маковского Игнатию Васильеву Сапожникову и священнику Василию Иоаннову Дроздовскому. Это их трудами построен в селе Маковском 154 года назад такой красивый и прочный храм.

ОПИСАНИЕ НОВОПОСТРОЕННОЙ ЦЕРКВИ

Любопытна Клировая ведомость Маковской Покровской церкви за 1866 год. Из этого документа можно представить, какова же была нынешняя церковь через два года после её освящения:

«Здание церкви деревянное и таковою же колокольней. Престол в ней один во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Утварь посредственна.

Причта издавна положено священник и один дьячок, из коих первого не имеется.

Земли при сей церкви усадебной и пахотной не имеется, а сенокосной в 1846 году отведено 99 десятин.

Дома у священника и дьячка деревянные, купленные прихожанами, от церкви в 70 саженях.

...Так как в 1860 году отказано в выдаче хлеба из запасного экономического магазина, то содержание причта по малочисленности и бедности прихожан, по дороговизне всех продуктов сделалось весьма скудной».

Здесь же приведено количество домов и прихожан по всем населённым пунктам прихода на 1864 год:

	Число дворов	Душ муж. пола	Душ жен. пола
с. Маковское			
духовные	1	3	5
военные	4	3	8

	Число дворов	Душ муж. пола	Душ жен. пола
мещане	2	1	3
крестьяне и поселенцы	40	94	103
ясашные	1	5	3
д. Филиппова			
крестьяне	3	6	7
ясашные	1	3	2
д. Ворожейка			
крестьяне и поселенцы	14	28	32
д. Лосиноборское			
крестьяне	2	11	15
Ясашные инородцы остяки:			
Налимские юрты	5	16	14
Урашенские юрты	4	15	17
Глазковские юрты	6	8	13
Марковские юрты	9	25	21
Колоколенские юрты	1	9	4
Итого	93	227	246

Из Путевого журнала епископа Антония, посетившего село Маковское в 1878 году, известно, что в церкви опрятно, документы ведутся исправно, из старины отмечено Евангелие, изданное в 1730 году при Государыне

Анне Иоанновне, поездка в село Маковское неудобством пути в экипаже стоит больших затруднений (время в пути от с. Ялани до с. Маковского и обратно составляло 7 и 6 часов). Ошибочно указано, что нынешняя церковь уже третья. Мною документально установлено, что она уже, по крайней мере, четвёртая.

3 ноября 1882 года, исполняющий обязанности священника Маковской Покровской церкви, иерей Яланской Сретенской церкви Алексей Попов сообщает в духовное правление о наличии колоколов в церкви: «Чсть имею уведомить Ваше Высокоблагословение, что при Маковской Покровской церкви колоколов имеется числом шесть. В первом весу 16 пудов 35 фунтов, во втором весу 13 пудов, в третьем весу 2 пуда 20 фунтов, в четвёртом весу 1 пуд 20 фунтов, в пятом весу 1 пуд 20 фунтов, в шестом весу 1 пуд 10 фунтов. Из коих на первых двух вес вырезан, а о последних вес известен только по описи церковной. Когда оные, где и кем вылиты неизвестно, так как не имеют надписей соответственно их весу. Колокола чистые и стройные».

Из Клировой ведомости Маковской Покровской церкви 1886 года известно: «Престол в ней один во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Утвари достаточно. Причта положено по штату, Высочайше утверждённому 30 апреля 1877 года: священник один и один же псаломщик (т. е. дьячок). Земли при сей церкви с 1873 года отведено усадебной 1 десятина и сенокосной 32 десятины. Копии планов сей земли имеются при церкви. Землю пользуют сами священно и церковнослужители. Дом у священника общественный, деревянный, невдали от церкви, для жительства неудобный, в зимнее время весьма холодный, на усадебной церковной земле. У псаломщика общественного дома нет. На содержание священно и церковнослужителей получается:

а. От казны жалованья священнику 176 рублей 40 копеек, псаломщику 58 рублей 80 копеек в год;

б. Сверх сего прихожане дали приговор в 1877 году о добровольном платеже руги в количестве 120 пудов хлебом в год, но все не исполнили своего данного обещания, поэтому содержание причта почти скудное».

Далее указывается расстояние до епархии, ближнего и ближайших церквей, перечисляются книги, ведущиеся и хранящиеся в церкви. Приводятся имена священников с их послужными списками. Отмечено, что церковно-приходской школы и приходского попечительства в Маковском нет, к церкви относятся три часовни – в деревнях Ворожейке и Лосиноборской и Марковских юртах. В селе Маковском, согласно К्लीровой ведомости числилось 48 дворов, из них: духовных лиц – 2, военных – 9, крестьян – 34, ясашных – 2, мещан – 1. Почти пятая часть дворов принадлежала отставным солдатам и унтер-офицерам.

Сведения об отсутствии в с. Маковском церковно-приходской школы в 1886 году расходятся со сведениями из Памятной книжки Енисейской губернии 1901 года, в которой указано об открытии школы в 1880 году и с датой строительства здания школы в 1884 году. Фактически школа построена в 1888 году на средства вдовы Веры Синкевич, что известно из записей священника Николая Соколовского в Памятной книге Маковской Покровской церкви и из «Краткого описания приходов Енисейской епархии».

В 1893 году произведён ремонт Маковской Покровской церкви – крыша и купол покрыты железом, наружные стены обшиты тёсом и всё покрашено, внутри оштукатурено глиной и побелено.

Фотографий Маковской церкви начала 20 века не найдено. О её виде в то время можно судить только по фотографиям церквей, построенных, по этому же проекту, в других населённых пунктах.

Привожу для сравнения фотографию Болчаровской Богоявленской церкви Тобольской губернии начала XX века.

Маковская Покровская церковь в середине 20 века отличалась от неё только отсутствием колокольни, деревянными столбами ограды и немного другой формой арки над воротами.

В 1916 году издана подготовленная Енисейским церковно-историко-археологическим обществом книга «Краткое описание приходов Енисейской епархии», в которой одна страница отведена приходу Маковской Покровской церкви. Это одна из последних встречающихся публикаций о церкви.

Цитирую дословно: «Маковский Покровский приход один из самых древних приходов епархии. Расположен он в бассейне р. Кети в глухой таёжной и болотистой местности, с весьма затруднительными путями сообщения, с почти полным отсутствием хотя бы сносных дорог. Приход состоит из с. Маковского, д. Филипповой в 30 в., д. Ворожейской в 80 в., д. Лосиноборской (она же Монастырь) в 245 в., улуса Налимского в 340 в., улуса Урашинского в 380 в. и улуса Глазковского

в 490 в. Село, все деревни и улусы расположены по р. Кети. Сообщение между ними очень затруднительное. Из деревень Маковского прихода исторический интерес представляет д. Лосиноборская, которая называется ещё Монастырём. В ней действительно был древний монастырь, уничтоженный, вероятно, во времена Екатерины II. Монастырский храм был сломан в 1823 году, причём в нём найден синодик 1687 г. С. Маковское прежде называлось Маковским Острогом. В 15 в. (верстах) от него имеются следы древняго поселения, назыв. местными жителями «Городищем». Здесь и был острог (крепость), заложенный воеводою Албычевым для большого влияния на тунгусскаго князька Намака. Острог был заложен ещё до основания г. Енисейска. Маковское находится от г. Красноярска в 433 в., от г. Енисейска в 100 вер., от почтоваго отделения, волостного правления и врачебнаго пункта в с. Яланском в 64 в. Церковь в приходе одна, деревянная, однопрестольная, построена в 1864 году. До нея существовало в Маковском последовательно три церкви, которыя сгорели. Время построения перваго и втораго храма неизвестно. Третий храм был построен в 1796 году и сгорел в 1858 г. Из предметов древности в храме имеется Евангелие 1730 г. В приходе три часовни: в д. Ворожейской, в д. Лосиноборской и в улусе Марковском. В с. Маковском имеется церковно-приходская школа, построенная в 1884 г. на средства вдовы Веры Сенкевич, пожертвовавшей также и на содержание школы капитал в 1000 р. Причт состоит из священника с жалованием в 600 р. И псаломщика с жал. в 264 р.; кружечных ходов на причт получается до 75 р. в год. Причтовых домов два; оба нуждаются в ремонте. Земли усадебной 3 дес., сенокосной 29 д., пахотной земли нет. Земля плохая и доходов не приносит. Церковнаго капитала 1463 р. 44 коп. Причтоваго капитала 375 р. Населения в приходе 274 д. м. п. и 260 д. ж. п. Население состоит из коренных сибиряков и остяков».

В этом описании, наряду с полезной и интересной информацией, имеются и некоторые неточности: Лосиноборский монастырь закрыт действительно, а не, вероятно, во время правления Екатерины Второй; Острог был построен на месте нынешнего села, а не в 15 верстах от него на старом «Городище»; под которым, по-видимому, подразумевается, известная ныне археологам, стоянка «Высокий» времен неолита и бронзы на правом берегу Кети в 12 километрах ниже села; Острог заложен не воеводой, а сыном боярским Албычевым для большего влияния на остятского, а не тунгусского князька Намака, неверно указан год постройки школы.

Как видим, неточности встречаются и в официальных изданиях, а что уж говорить о современных публикациях в Интернете?

Из этого описания можно сделать некоторые выводы: священник Маковской церкви имел в то время очень приличное годовое жалованье, примерно, в два раза больше, чем жалованье священников в Центральной части России. На эти деньги в Енисейском уезде в то время можно было купить около 20 лошадей или 30 коров, поэтому священнику не было необходимости заниматься пашней, а вот крупно-рогатый скот и лошадей для своих нужд священно и церковнослужители держали не в малом количестве, чему подтверждение – наличие 29 десятин сенокосных угодий, которые назывались «Отвод», т. е. отведённые сельским обществом священнику с псаломщиком, которые могли давать до 400 копён сена; причтовые дома, вероятно, нуждались только в текущем ремонте, так дом священника напротив церкви, где потом была почта, существует до сих пор.

О часовнях: Ворожейская просуществовала под общественным присмотром почти до конца века, долгое время в ней проводил чтения Никандр Васильевич Коротких; о Марковской ничего не удалось узнать; Лосиноборская

закрыта в 1920-х годах, найдена её фотография 1912 года.

Автор фотографии финский учёный Кай Доннер участвовал в экспедициях по изучению языков и быта аборигенов Сибири в 1911–1914 гг.

Фотография Лосиноборской часовни, 1912 г.

О состоянии церкви перед её закрытием в 1930 году можно судить по «Ведомости церковного имущества Маковской Покровской церкви, принятого от общины верующих». В 84-х пунктах этой ведомости расписано всё имущество с указанием количества и стоимости по каждой позиции.

Так выглядело здание Маковской Покровской церкви в 1968 году, когда в ней был клуб

О ПОСЕЩЕНИИ СВЯЩЕННИКАМИ ПРИХОДА

Много времени священники вынуждены были уделять посещению деревень и остяцких юрт-улугов прихода Маковской Покровской церкви, отстоящих от села Маковского вниз по р. Кети до 490 вёрст (Глазковский улус).

Записи о нескольких посещениях прихода оставил священник Иоанн Ястребов.

Чтобы проникнуться атмосферой того времени и трудностями жизни населения в наших местах, приведу его записи из Памятной книги Маковской Покровской церкви.

«9 мая 1879 года вскрылась река Кеть. Зима и весна были преимущественно холодными. Снега были чрезмерно глубоки. По причине неурожая (в прошлое лето) огородных овощей и в лесу жители голодовали.

13 мая по окончании литургии священник-настоятель Иоанн Ястребов отправился по приходу вниз по реке

Кети. 24 мая в четверг в 9 часов утра прибыл обратно в село Маковское. Во время своего путешествия служил молебны во всех домах и юртах прихожан и где были некрещённые младенцы, таковых крестил. Отметил, что прихожане претерпевают невыносимый голод по причине своего бедного быта и скудного проживания. Всего вперёд и обратно рекою проплыто 640 вёрст».

«26 января 1880 года, суббота. По окончании литургии и молебна настоятель-священник Иоанн Ястребов в очередной раз отправился по приходу вниз по реке Кети в остяки. Погода была неблагоприятная, сильная метель, бездорожье. С величайшим трудом и потерей здоровья прибыл в деревню Лосиноборскую. В Маковское возвратился 4 февраля. Во время проезда обошёл всех жителей со Святым крестом, окрестил двух младенцев, в часовнях служил молебны, напутствовал трёх больных».

Следующую поездку он совершил 2 мая того же года. «В дороге простудился, но после поставленных горчишников почувствовал облегчение и благополучно возвратился 17 мая. Напутствовал три человека больных и окрестил одного младенца. Во время личного пребывания в юртах отметил, что остяки пребывают в чрезвычайной бедности. Отметил также дороговизну товаров, особенно кирпичного чая и ржаной муки».

В сентябре 1880 года он опять посещал приход: «19 сентября священник Иоанн Ястребов прибыл из остяков в село Маковское. Во время своего путешествия в часовнях отслужил две литургии, приобщил 25 младенцев. Остяки были очень довольны. Погода стояла холодная: ветер, слякоть, поэтому с величайшими затруднениями и большим ущербом для здоровья вернулся в село Маковское».

Особенно тяжёлой для него оказалась поездка в январе 1881 года:

«8 января настоятель-священник Иоанн Ястребов в очередной раз отправился по своему приходу. Оста-

навливался в доме старшины Емельяна Сутарева, отслужил молебен, число молящихся 13 человек. Затем сделал обход остяцких юрт. По окончании крестного хода отправился дальше в Глазковские юрты со Святым крестом и Святою водой. У остяка Давида Мунгалова проходила самовольная свадьба, где присутствовали все жители Глазковских, Урашенских и Марковских юрт. Все остяки старые и молодые, включая и девиц, были до безобразия пьяны. Я, видя такое пьянство и опасность быть среди них, поспешил нанять лошадь на собственные деньги и доехать до соседнего остяцкого поселения. Но жители этого поселения тоже были на той свадьбе. В Колоколенские юрты ехать было не на чем, а ехать было необходимо – должен был крестить младенца. В этом затруднительном положении выручил ямщик-остяк Трофим Мунгалов, который нашёл одну оставшуюся лошадь для моей поездки. Младенец был окрещён. По случаю неблагоприятной погоды я жестоко простудился. В Глазковские юрты приехал часов в 7 вечера. Жители хотя ещё и были пьяны, но уже были в чувстве. На вопрос «Где они взяли столько вина, чтобы напиться жителям трёх деревень?», они ответили, что церковный староста енисейский мещанин Михаил Никитин Стыжных дал в долг жениху Давиду Мунгалову два ведра и своему торгующему остяку Ивану Еремееву Беляшову сколько-то вёдер. Поэтому они и находились в расстроенном положении».

Несомненно, что поездки по приходу совершали и все другие священники, только вот не оставили они записей в Памятной книге Маковской Покровской церкви.

В 1907 году посетил Маковский приход священник Яланской Сретенской церкви Григорий Климовский. В шести номерах Енисейских Епархиальных ведомостей за 1908–1909 гг. опубликованы его записки о посещении прихода под названием: «Три недели по приходу. Записки заведующего захолустным приходом с. Ялань»,

в которых он описывает посещение Маковского прихода, исполнение церковных обрядов, плавание по реке Кети и местное население.

Вот как он описывает Маковскую церковь: «В 4 часа вечера мы въехали на поляну. Здесь на высоком открытом берегу разбросано было на косогоре с. Маковское. Солнце весело катилось к закату и пригревало село. На самом видном месте стоял осиротелый храм (священник Евфимий Качусов незадолго до этого умер), недавно старанием священника И. Вазингера снаружи отремонтированный. Церковные главы парили в небесной синеве. Золочёные кресты ярко искрились. Недавно окрашенная крыша сливалась в общий тон с окружающими тёмно-зелёными хвойными холмами».

ПАМЯТНАЯ КНИГА МАКОВСКОЙ ПОКРОВСКОЙ ЦЕРКВИ КАК ЛЕТОПИСЬ СЕЛА МАКОВСКОГО

Памятная книга начинается со слов, записанных священником Василием Иоанновым Дроздовским: «О достопамятных событиях Маковской Покровской церкви, 1862 г., 18 декабря».

Он не был равнодушным человеком, искренне интересовался историей Маковского острога и Покровской церкви. Не имея возможности изучать историю по материалам архива, священник получал сведения из воспоминаний старожилов, а память человеческая, как известно, не всегда хранит даже то, что произошло 50 лет назад. А от основания Маковского острога и до времени написания Памятной книги прошло без малого 250 лет. Тем не менее, к большинству описанных событий можно относиться с большим доверием. Это не выдуманные нашими современниками – писателями, корреспондентами и искателями приключений сказочки и домыслы, а реальные события, сохранившиеся в памяти простых людей – наших предков.

Да и сан священника не позволял ему заниматься выдумками. В большинстве случаев он ссылается на воспоминания старожилов, а если не доверяет источнику информации, то пишет, что это непроверенные сведения.

Об основании острога записано: «Маковское село называлось прежде Маковским острогом, вероятно, от того, что во времена покорения Сибири здесь был построен острог, как указывают старожилы, на высоком яру реки Кети, против старой церкви. Но с которого года начало называться наше село Маковским, по документам неизвестно (по найденным мною архивным материалам острог в церковных документах стал именоваться селом только в 1799, а в Ревизских сказках в 1795 году). По преданиям ли, или по догадкам, здешние старожилы указывают место в верстах 15 вверх по реке Кети, где был город преимущественно из обитателей Сибири. Город был окружён земельным валом, в середине коего и дальше видны ямы, означающие их жилища – землянки, в каких обыкновенно и ныне живут инородцы-остяки. Верно ли это предание, не могу утверждать. Но, по крайней мере, место это известно под названием Городище и тут иногда находят перержавленные железные предметы: пальмы, стрелы и другое».

Имеется много записей о судоходстве по Кети. «По реке Кети было прежде значительное судоходство, перевозились товары: из Иркутска чай, китайка и прочее, которые доставляли до Енисейска рекою Ангарой, а из Енисейска до Маковского села на лошадях. Здесь нагружали на плоскодонные карбасы и судны, сплавливали в Тобольск, откуда обратно на тех же или других судах разные товары: шёлковые или бумажные материи, холст, сахар, чёрный товар, словом всё, что только нужно было для продажи в здешних краях, выменяв большею частью на пушные товары.

В Маковском были выстроены складочные амбары. С 1830 года вышеозначенным путём начал перевозиться

из Иркутска казённый свинец, который из села Маковского по реке Кети и далее по Оби доставлялся в город Барнаул. Перевозка свинца осуществлялась около 10 лет. Когда именно началось судоходство по реке Кети, никто объяснить не может, но утверждают, что оно существовало с давних времён. Прекратилось судоходство около 1840 года – река Кеть стала сильно мелеть. Енисейские купцы начали перевозить товары прямо из Ирбитской ярмарки сухим путём».

Записи об основании острога и судоходства многократно подтверждены имеющимися сведениями из других источников, о чём написано в начальных главах этой книги.

После перемещения священника Василия Иоаннова Дроздовского в феврале 1866 года в другую церковь записи в Памятной книге производили другие священники.

В Памятной книге имеется много записей о погоде и урожае хлебов, лесных ягод и огородных культур, ценах на ржаную и пшеничную муку и овёс в городе Енисейске, селе Маковском и остятских юртах:

В 1864 году записано: «Лето было сухое, оттого ржаной хлеб уродился плохой, а ярового совсем здесь не было, травы родились здесь тоже плохие. Цены на хлеб в Енисейске: ржаная мука – 30–40 копеек, пшеничная мука – 60–70 копеек, овёс – 40–50 копеек за пуд; здесь в Маковском: ржаная мука – 60 копеек, пшеничная – 80 копеек, овёс – 50 копеек за пуд»;

«В июле 1874 года в селе Маковском был сильный дождь с градом величиной с воробьиное яйцо и сильнейшие удары грома, потому не было урожая ягод и орехов по причине града. В сентябре месяце погода благоприятствовала ставке сена»;

В 1881 году «урожай ржаного хлеба и яровых в селе Маковском был весьма скудный и вообще хлеба зяблые и пустые. Цена на ржаную муку – 1 рубль 70 копеек за пуд, а в остятских юртах до 3 рублей за пуд»;

«15 июня 1884 года в селе Маковском в 5 часов вечера был сильный град величиной с голубиное яйцо, так что побило весь урожай»;

1888 год: «В сём лете урожай был плохой в связи с продолжительным ненастьем, сено сгнило, местами ягод, орехов не было совсем. Брусника хотя и была, но очень мало и местами».

В связи с резким сокращением объёма грузоперевозок по реке Кети значительно упали доходы местного старожильческого населения, занятого в былые времена на обслуживании этих перевозок, благосостояние семей ухудшилось, о чём записал в 1862 году священник Дроздовский, имея ввиду недостаток денег для постройки церкви: «...прихожане при своей бедности не в состоянии были усердствовать деньгами».

Ещё более удручающее впечатление о жизни местного остяцкого населения осталось у священника Иоанна Ястребова неоднократно посещавшего юрты остяков. В мае 1880 года он записал: «...остяки пребывают в чрезвычайной бедности» и отметил дороговизну товаров, особенно кирпичного чая и ржаной муки. Немало способствовали бедности остяков местные торговцы. Вспомните, хотя бы, самовольную свадьбу остяка в Глазковских юртах, где поголовно пьянствовали все жители трёх юрт, которых снабдил спиртным церковный староста енисейский мещанин Михаил Никитин Стыжных.

В Памятной книге записаны многие более-менее значимые события из жизни села Маковского:

«1874 год. В декабре 15 дня в 5 часов пополудни были похищены церковные деньги из ящика, который хранился в церкви. Под подозрение попал крестьянин Н. (Записаны его фамилия, имя, отчество). 22 декабря прибыл в с. Маковское для производства событий по хищению денег депутат 4-го участка от Духовной Епархии священник Яланской Сретенской церкви Никон Тарасов». Но в книге истинный похититель не указан;

1884 год. «24 августа, пятток (т. е. пятница). В селе Маковском в 7 часов вечера убита крестьянская жена Екатерина Иванова Максимова». (Она была женой Фёдора Петрова Максимова, в девичестве Коноваловой);

Имеется несколько записей о получении Высочайших Манифестов о проведении рекрутских наборов по 4–5 человек от каждой тысячи душ.

О ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННЫХ (ЦАРСКИХ) ДНЯХ В МАКОВСКОЙ ЦЕРКВИ

В Памятной книге Маковской Покровской церкви священники много внимания уделили записям о молебнах в честь событий, касающихся как семей Императоров, так и их Августейших родственников.

Известно, что царскими днями признавались: Высоко-торжественные дни: коронация, восшествие на престол, дни рождения и тезоименитства государя императора, а равно императрицы-матери, супруги, наследника престола и его супруги и Торжественные дни: дни рождения и тезоименитства прочих особ царствующего дома Романовых.

В указанные дни во всех храмах нашей огромной страны обязательно служился особый молебен. В дни рождения совершался общий благодарственный молебен, а в день тезоименитства молебен одноимённому святому.

В день восшествия на престол государя-императора и его коронавания служились молебны по особому чину. Остальные, не высокоторжественные дни, переносились на ближайшее воскресенье. По усопшим императорским предкам и родственникам служили панихиду.

Это всё было строго обязательно, по Указу Синода 1735 года за неотправление молебствия священнослужители независимо от духовного звания подлежали наказанию.

Все эти даты были известны из церковных календарей, однако, было много Высочайших Манифестов и Указов консистории и о других событиях в царской семье.

Известия о торжественных и трагических событиях поступали к священникам Маковской церкви спустя 1–2 месяца.

Приведу примеры из Памятной книги церкви о таких событиях:

13 мая 1865 года получен Указ Духовной консистории от 15 апреля № 765 о кончине наследника престола благоверного государя цесаревича Великого князя Николая Александровича (внука Николая I), последовавшей 12 апреля во французском городе Ницце;

13 сентября 1865 года получен Высочайший Манифест о принятии наследником престола Великим князем Александром Александровичем присяги по достижении гражданского совершеннолетия;

2 июня 1866 года и 17 июня 1867 года получены Указы Духовной консистории о проведении молебнов от избавления его Императорского Величества Александра Николаевича от угрожаемой опасности вследствие покушений на его жизнь;

27 февраля 1878 года получен Высочайший Манифест о разрешении от бремени Великой Княгини Марии Фёдоровны сыном, наречённым Михаилом;

7 марта 1881 года получена копия телеграммы о кончине 1 марта в результате покушения Его Величества Государя Императора Александра Николаевича и по случаю вступления на престол Государя Императора Александра Александровича и о безотлагательном приводе к присяге на верность службы Его Императорскому Величеству и законному наследнику Государю Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу. В воскресенье 8 марта по окончании литургии объявлена телеграмма и священником Маковской Покровской церкви Иоанном Ястребовым приведено к присяге

Императору Александру Александровичу 367 жителей села Маковского;

25 сентября 1882 года получен Указ Его Императорского Величества об установлении 19 февраля празднования в память освобождения крестьян от крепостной зависимости и совершения заупокойной литургии в честь покойного Государя Императора Александра II – Освободителя от крепостной зависимости;

В ноябре 1894 года получен Высочайший Манифест по случаю восшествия 21 октября на Всероссийский престол Государя Императора Николая Александровича – последнего российского царя Николая II.

Сразу после Февральской революции 1917 год Высокоторжественные дни отмечать было запрещено.

ЗАКРЫТИЕ ЦЕРКВИ

По моей просьбе работники Енисейского районного архива нашли в фонде Енисейского районного Совета в протоколах заседаний исполкома и протоколах общих собраний граждан села Маковского за 1929–1930 гг. материалы о закрытии Маковской Покровской церкви.

Известно, что 2 декабря 1929 года состоялось собрание церковной общины Маковской церкви с повесткой дня «О роспуске религиозной общины...». Собрание постановило: «Ввиду того, что в течение 15 лет церковь совершенно не работала и в настоящее время стоит без пользы, мы религиозная община Маковской Покровской церкви от содержания таковой отказываемся и просим ЕнРик (Енисейский райисполком) принять её от нас в своё ведение. Что удостоверяем подписями религиозной общины». В документе имеются подписи 12 человек неграмотных, за которых с их согласия подписался Бондаренко Лука Тимофеевич, а на обороте документа ещё 27 подписей с указанием фамилий и инициалов.

Имеется протокол ещё одного собрания от 2 марта 1930 года о закрытии церкви. В протоколе общего

собрания Маковской церковной общины Покровской церкви, на котором присутствовали 31 человек, записано: «Общее собрание церковной общины считает необходимым подтвердить протокол № 1 от 2/II 30 г. (так в документе) об отказе от церкви и просить с/совет срочно принять церковь и прочее культовое имущество, находящееся на нашей ответственности... 2. Принять к сведению и с сего 2/III 30 г. никаких сборов в пользу общины прекратить» (стилистика документа сохранена).

При передаче церкви от общины верующих составлен акт от 26 сентября 1930 года: «с. Маковское. Мы нижеподписавшиеся комиссия по приёме от общины верующих с. Маковского помещения церкви и имущества, находящегося в ней, в лице председателя Маковского сельсовета Максимова (Ивана Степановича), представителей от организаций Королёвой (учительница), Лозичева (кооператор) и Малахова, представителя группы верующих Попова сего числа на основании постановления Маковского сельсовета от 22 сентября с/г приступили к приёму назначенного имущества, причём таковое принято согласно прилагаемой к сему акту ведомости. Что и постановили записать в настоящий акт.

Комиссия: подписи».

Далее следует «Ведомость церковного имущества Маковской Покровской церкви, принятого от общины верующих». Ведомость содержит перечень имущества из 84-х пунктов:

Здание церкви деревянное стоимостью 1330 руб. 23 коп.

Сторожка деревянная – 30 руб.

Ограда деревянная у церкви – 200 руб.

Колокола медные, 6 штук – 150 руб.

Иконостас деревянный – 100 руб.

Икон разных 76 штук на 50 руб.

Икона Покрова Пресвятой Богородицы с рамкой – 100 руб. (Эта храмовая икона была старинной и в хорошем окладе и была так высоко оценена).

Гробница деревянная со стеклянной крышкой – 15 руб.

Плащаница бархатная – 50 руб.

Прибор для причастия – 15 руб. (Вероятно, серебряный)

Дарохранительница серебряная – 5 руб.

Кадило серебряное с цепочкой – 5 руб.

Звезда серебряная – 1 руб.

Крест ручной серебряный – 10 руб.

Шкафы, сундуки, ковры, половики, стулья, столики, замки (с указанием их количества и стоимости).

Далее перечисляется всевозможная церковная богослужбная утварь с указанием стоимости каждой вещи и среди них венчальный, крестильный и походный для совершения таинства приборы.

Одной строкой записана большая церковная библиотека, состоящая из 383 книг, без указания их наименования и стоимости. Несомненно, что среди книг имелись и очень ценные, собранные за предшествующие 300 лет.

Не найдено в архиве упоминаний о снятии креста с купола церкви, разламывании колокольни и перестройке на её месте крыши.

22 октября 1930 года на заседании членов Маковского сельского Совета принято постановление «Об оборудовании клуба в здании бывшей церкви». Этим постановлением предусматривалось оборудовать клуб к 7 ноября 1930 года – 13-ой годовщине Октябрьской революции, была создана комиссия в составе пяти человек (секретаря сельсовета Алейникова, учительницы Королёвой, Коренева, Угрюмовой и Белозёровой), выделены деньги в сумме 100 рублей, также выделены деньги и на оборудование избы-читальни.

В документах Енисейского районного финансового отдела имеются дела за 1931 год о реализации церковного имущества Маковской Покровской церкви.

О проверке имущества церкви, поступившего в г. Енисейск, составлен акт:

«1931 года марта 10 дня налоговый инспектор Балахнин в присутствии заврайфо тов. Кривошеина и финагента Сухотина произвёл вскрытие 2-х тюков и 4-х разных деревянных товарных ящиков, принятых мною по наружному виду, укуборенных верёвками. По проверке и осмотру всех вещей, в том числе и серебряных оказалось, что похищены серебряные: дарохранительница, кадило, звезда и крест ручной. Итого на сумму 21 руб.» Довольно странно, что исчезли лишь наиболее ценные вещи и это, несомненно, кража.

Хочется верить, что серебряные церковные вещи похищены не маковскими старожителями.

А может быть кому-то известно что-нибудь об этих вещах? А может быть и о храмовой иконе Покрова Пресвятой Богородицы в серебряном с позолотой окладе? И о других менее ценных иконах? И о судьбе церковной библиотеки? Может быть это вовсе и не хищение, а спасение церковного имущества от варварского уничтожения?

Часть непригодного имущества была передана в Сибгосторг как утильсырьё.

1 апреля 1931 года составлен «Торговый лист», в котором финагент отчитывается о произведённых в помещении райфо торгах по продаже имущества Маковской церкви.

16 мая 1931 года по акту, составленному финагентом Сухотиным, произведена передача части имущества Маковской церкви для реализации в торговой сети.

Часть имущества районный финансовый отдел вторично выставил на торги, о чём население уведомлялось через объявление: «Доводится до сведения гр. гор. Енисейска, что 1-ого августа сего года в здании района (амбар) назначаются публичные торги на продажу госфондового имущества, заключающегося в разном церковном одеянии (ризы, подризники, шали) и прочие вещи в 10 часов утра. Райфо».

Вот так и закончил своё существование на долгие шестьдесят лет приход Маковской Покровской церкви.

Остаётся только поблагодарить бывшие партийные и советские власти Енисейского района за то, что они не разрушили и даже не перестроили этот Памятник деревянной церковной архитектуры.

То есть, стоит церковь уже более полутора веков и, как большинство русских церквей, она была закрыта в годы воинствующего атеизма в 1930 году и превращена в сельский клуб (хорошо не в склад!), крест сломан, колокола сняты и переданы «на индустриализацию», колокольня разрушена. Церковь какое-то время пустовала, затем в начале 1990 годов была открыта, но не имела своего священника. И только несколько лет назад с переездом в Маковское священника – игумена Севастиана обрела новое дыхание, отремонтирована, построена звонница.

МУЗЕЙНЫЕ ЭКСПОНАТЫ ИЗ МАКОВСКОЙ ЦЕРКВИ

По сообщению сотрудников Красноярского краевого краеведческого музея в их запасниках хранятся несколько экспонатов из закрытой в 1930 году Маковской церкви:

1. Отреставрирована в 2011 году и находится в постоянной экспозиции музея икона Николая Чудотворца, первая половина XVIII века.

2. Створки царских врат, XVIII век. По всей вероятности, из церкви, построенной в 1796 году, перенесённые в 1864 году в новую церковь;

3. Миниатюрная икона в киоте «Явление Богоматери Сергию Радонежскому», XIX век;

4. Обломок миниатюрной иконы с изображением Марии Египетской, XIX век.

Иконы под номерами 2, 3 и 4 находятся в хранилище и требуют реставрации.

В Красноярском художественном музее имени В.И. Сурикова экспонируется икона из Ворожейской часовни «Огненное восхождение Ильи Пророка».

ШКОЛА

В середине XIX века в Енисейском округе стали открывать школы. Они носили названия: двухклассные сельские и начальные училища Министерства народного просвещения, подчинённые Дирекции народных училищ Енисейской губернии; одноклассные приходские училища и одноклассные церковно-приходские школы Священного Синода, подведомственные Управлению церковно-приходских школ Енисейской епархии. Первое начальное училище в Енисейском округе было открыто в с. Казачинском в 1852 году. На территории нынешнего Енисейского района первое начальное училище открыто в волостном селе Яланском в 1861 году.

В с. Маковском одноклассная церковно-приходская школа открыта в 1888 году, здание школы построено на средства уроженки с. Маковского мещанской вдовы Веры Синкевич (в девичестве Веры Маркеловны Стыжных), пожертвовавшей также и капитал в 1000 рублей на содержание школы. Вера Маркеловна была замужем за состоятельным политическим ссыльным красноярским мещанином Францем Казимировичем Синкевичем, умершим 10 марта 1883 года.

По свидетельству священника Николая Соколовского: «Прихожане назначили от себя сторожа и отопление и больше ничего. Многие из них и сейчас смотрят на школу, как на какое-то нововведение без пользы материальной, чтобы дети, обучающиеся в школе, при случае требования со стороны сельской власти безвозмездно исполняли должность сельского писаря».

Уездными наблюдателями за школами были благочинные священники, а заведовали ими и были законоучителями приходские священники. Курс обучения в одноклассных церковно-приходских школах по Приказу 1884 года составлял два года, затем по Положению

1902 года он был увеличен до трёх лет. В них преподавали: Закон Божий (изучение молитв, священная история и объяснение богослужения, краткий Катехизис), церковное пение, чтение церковной и гражданской печати, письмо, арифметику.

Из записи в Памятной книге Маковской Покровской церкви 1888 года известно, что занятия в школе вели благочинный отец Никон Тарасов, священник Николай Соколовский, диакон Николай Толкачёв и псаломщик Флегонт Попов, учительницей была Е. Карпова.

Из Памятных книжек Енисейской губернии и послужных списков достоверно известны фамилии некоторых заведующих и учительниц Маковской школы:

– 1905 год – священник Дмитрий Алексеевич Орлов, учительница Варвара Захарова;

– 1907 год – священник Иоанн Вазингер, учительница Клавдия Мефодьевна Бекасова;

– 1909 год – священник Григорий Климовский, учительница Анна Телеутова;

– в начале 1913 года – священник Яланской Сретенской церкви Даниил Ильич Тыжнов (в Маковской Покровской церкви должность священника была вакантна), учительница Клавдия Юшкова;

– с марта 1913 года – священник Александр Павлович Захаров, в 1914 году учительница Евдокия Ивановна Песегова.

В Красноярском архиве сохранилось дело об испытании (экзаменах) учеников Маковской церковно-приходской школы в 1897 году. Председателем комиссии был священник Евгений Олофинский, членами – заведующий школой и церковноучитель священник Маковской церкви Павел Лапин и учитель Яланского народного училища Пётр Дьяконов. Школу закончили четыре ученика в возрасте 12–14 лет – Андриан Дмитриев Сапожников, Михаил Фёдоров Орехов, Павел Кузьмин Максимов, Никандр Васильев Попов. Средняя оценка составила от трёх с половиной до четырёх баллов.

Приводятся вопросы, заданные каждому ученику и их ответы. Все они признаны достойными на получение установленного свидетельства.

В 1917 году церковные школы были переданы из духовного ведомства в ведение Наркомата просвещения.

До 1938 года школа помещалась в доме, построенном для неё на средства вдовы Веры Синкевич, затем была переведена, после отселения из дома семьи крестьянина-торговца Максимова И.Т. и закрытия спецкомендатуры, в его более новый, просторный и крепкий дом напротив школьного здания. На месте купеческой лавки, с высоким крыльцом с улицы, была отделена квартира для учителя, имеющая вход со двора и из школьного коридора, а в бывших жилых комнатах два учебных класса, большой коридор и раздевалка. Школа в этом доме просуществовала до 1990 годов, когда Северный леспромхоз построил для начальной школы новое здание.

Наше поколение в 1950 годы училось у Коротких Прасковьи Фёдоровны и Одинцова Константина Георгиевича.

Коротких Прасковья Фёдоровна – дочь маковского крестьянина Коротких Фёдора Герасимовича, работала в школе учительницей начальных классов с 1949 года более 20 лет.

Константин Георгиевич приехал в с. Маковское учительствовать после окончания Енисейской школы второй ступени с педагогическим уклоном в 1927 году, в 1930 году назначен заведующим школой, в 1936–1939 гг. заведовал Луговатской и Лосиноборской начальными школами, в 1939–1942 гг. снова заведовал Маковской начальной школой. В 1942 году был призван на военную службу и по состоянию здоровья проходил её в тыловых частях до 1944 года. После демобилизации вернулся в Маковское и продолжал учить детей. До 1960 года заведовал начальной школой, а после открытия

восьмилетней школы вплоть до ухода на пенсию в 1968 работал учителем начальных классов. За эту работу награждён трудовыми медалями. Много раз избирался депутатом Маковского сельского Совета. Константин Георгиевич происходил из семьи состоятельных мещан г. Енисейска.

Первым директором Маковской восьмилетней школы с 1960 по 1963 годы был Захаров Альберт Витальевич – сын Белозёровой Татьяны Николаевны, уроженки нашего села. Затем директорами были – Петухов Константин Степанович, Верхотуров Валерий Иванович и Патюков Александр Петрович.

ЛОСИНОБОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Мало кому известная страница истории наших маковских мест – это история деревни с красивейшим названием – Лосиноборское – родины всех предков маковских Максимовых. Деревня возникла на месте вотчины Кетской пустыни, впоследствии Лосиноборского Спасо-Преображенского мужского монастыря.

«Монастырь на Лосинном яру. С Сочюра до монастыря водою 2 дни» – эта надпись на единственном сохранившемся рисунке монастыря из «Чертёжной книги Сибири» 1701 года картографа, историка и художника из Тобольска Семёна Ульяновича Ремезова.

До настоящего времени история основания, существования и закрытия Лосиноборского монастыря полностью нигде не публиковалась и была неизвестна исследователям. Если и были небольшие публикации,

то обязательно с оговорками «вероятно», «возможно» или «история его основания и закрытия неизвестна».

Как, например, в книге В.В. Зверинского «О православных монастырях» издания 1892 года об этом монастыре написано всего несколько строк: «Спасо-Преображенский Лосиноборский или Лесинобирский, мужской, ныне часовня при деревне Лосиноборской Енисейской губернии и округа, в 295 вер. к юго-западу от Енисейска, при р. Кети. История его неизвестна; существовал в XVII ст., в 1765 г. упоминается строитель Измаил и по штатам 1764 г. подлежал упразднению. В 1744 г. имел 17 душ крестьян».

Все современные авторы используют, в основном, только эти скудные малоинформативные сведения.

Для написания истории монастыря пришлось искать материалы в Российском государственном архиве древних актов и в Тобольском государственном архиве.

Первые известные упоминания о монастыре имеются в т. 8 «Дополнений к Актам историческим». В отчёте царю дьяк Василей Телицын в августе 187 (1679) г. сообщает: «Да в прошлом, государь, во 185 году до приезде нас холопей твоих в Енисейск, дано земли под монастырь на Кете реке в ясачных урочищах старцу Илье; а по переписным, государь, книгам в той новой пустыне пахотной земли 6 десятин, да к нынешнему ко 187 году засеяно три десятины ржи, да впредь ко 188 году посеяно полтретьи десятины ржи ж; а работных, государь, людей в той пустыне 3 человека. А ясачные, государь, люди в сказках своих сказали, что де та пустынь построена на их породной земле, а им де ясачным людям от строения той пустыни утеснения и никаких обид нет».

Известный российский исследователь архивов Сибирского Приказа Н.Н. Оглоблин в своей части 1 «Обозрения столбцов и книг Сибирского приказа» пишет: «Любопытна переписная книга, только что зарождавшаяся в Енисейском уезде на р. Кети, Новой

пустыни 187 (1679) г., написанная (всего на 1 листе) боярским сыном Кузьмой Девелтовским (или Диолтовским): «Строит монастырь старец Илья, с 3 наёмными работными людьми. Земля дана старцу в 185 году. А строенья в той пустыне – часовня да 2 избь».

Из документов Тобольского архива известно, что эта земля первоначально в 184 (1676) году «по челобитью» была дана старцу Тихону: «ниже Ворожейкиной заимки а выше Сочюра на Лосиновом яру земля и построить часовню и монастырь заводить во имя Преображения Господня. Да на расчистку земли вниз и вверх по Кете реке и по Лосиновой речке и вниз от Лосиновой речки по Кете реке до Сочюра по обе стороны сенные покосы и рыбные ловли».

Далее из новой челобитной, писанной в мае 185 (1677) года, известно, что «он Тихон на той земле ничего церковного и монастырского строения не строит, пьёт и бражничает, церковным строениям не радеет».

В результате земля у старца Тихона была изъята и «по Указу Великого Государя велено на том Лосиновом яру строителем быть старцу Илье и дать ему на ту землю даную. (Даная память – свидетельство на землю). И по указу Великого Государя стольник и воевода Михайло Васильевич Приклонский велел старцу Илье на Кете реке на Лосиновом яру построить часовню и монастырь строить. И под хлебную пашню и под сенные покосы землю расчищать по обе стороны Кети реки в тех местах которые описаны выше сего. А как землю расчистит и ему Илье той земли и сенных покосов и всяких угодий и рыбных ловель нельзя никому ни продать ни заложить, до Указу Великого Государя и Великого князя владеть самому. Печать земли Сибирской Енисейского острогу стольник и воевода Михайло Васильевич Приклонский приложил».

Из этого документа видно, что количество земли полученной монастырём в пользование не ограничивалось,

можно было занимать земли по реке Кети от Ворожейкиной заимки вниз до речки Сочюра, а это по записям посланника в Китай Н.Г. Спафария рекою около трёхсот вёрст. В населённых местах столько земли монастырям нигде и никогда не выделялось.

Исходя из этих документов, датой основания Лосиноборского монастыря следует считать 1677 год.

В первые годы существования это небольшой скит; затем в течение нескольких лет он немного расстроился, вместо часовни была построена церковь Преображения Господня, получил статус монастыря и именовался Лосиноборским мужским Спасо-Преображенским. Несмотря на то, что монастырь находился на очень оживлённом в летнее время пути, большого значения он так и не получил и был приписан к Енисейскому Спасскому монастырю.

По Переписной книге пашенных крестьян Енисейского уезда 1710 года при монастыре числилось четыре двора крестьян и четыре двора вкладчиков, да на заимке монастыря шесть вкладчиков.

В «Хронологии истории Сибири» И.В. Щеглов, со ссылкой на Серафимовича (это псевдоним известного российского и сибирского историка Шашкова Серафима Серафимовича), пишет: «...вкладчики, т. е. лица, внёсшие в монастырь известную сумму денег с тем, чтобы жить на монастырском содержании вплоть до своей смерти. Для вкладчиков монастырская жизнь была вовсе не подвигом благочестия, а делом расчёта и честолюбия. Многие из них вносили в монастырскую казну всего каких-нибудь 5–10 рублей, а «по долголетию жития» они стоили монастырю вдвое или втрое».

Из Переписи 1719 года, составленной игуменом монастыря Гавриилом Поповым, известно только о трёх монастырских крестьянах.

Вкладчики и некоторые бывшие монастырские крестьяне в 1719 году указаны в других населённых пунктах.

Так, монастырский отставной крестьянин-вкладчик Иван Максимов вместе с пятью сыновьями жил по чужим подворьям в д. Ворожейкиной.

Пётр Осипов Коротковых в 1722 году жил уже в Маковском остроге.

Исход монастырских крестьян в другие деревни связан с назначением в 1718 году в Лосиноборский монастырь игумена Гавриила Попова вместо строителя Тимофея. Вскоре после прибытия его в монастырь он выслал из него крестьян: Ивана Максимова, Петра Осипова Коротковых, Клима Романова, Ивана Гаврилова «за непотребное поведение их жён и детей», дьячков Степана Пономарёва и Якова Скрябина, служительницу Настасью Васильеву дочь с сыном и дочерью. В монастыре остался только один крестьянин – Алексей Хохряков и коровница, остальные работники были наёмными – годовыми и им каждому выплачивалось в год 6-8 рублей. Дьячки в монастырской церкви и то были годовыми. Для выполнения некоторых работ нанимались бывшие монастырские и маковские крестьяне, особенно на сенокос, на жнитво и для перевозки грузов.

Невыносимой оказалась жизнь при новом игумене и для монахов. Игумен Гавриил пишет 20 ноября 1721 года в расходной части монастырской казны, что «бежал монастыря бывший строитель монах Тимофей, а за ним посланы наёмные работники чтоб ево поймать, дано рубль. Ево же строителя послал в Енисейск ко архиерею, а за ним были наёмные провожаты, дано два рубли».

В 1718 году в монастыре при передаче его от строителя Тимофея игумену Гавриилу было восемь монахов: строитель Тимофей, иеромонахи Наум и Сергей, рядовые Христофор, Никифор, Иоаникий, Дионисий и, живущий на монастырской заимке, Герман.

В 1724 году июня 14 дни в доношении Антонию Митрополиту Тобольскому и Сибирскому указанные монахи вместе с единственным монастырским

крестьянином и наёмными работниками подробно описывают состояние монастыря на момент его передачи игумену Гавриилу: «и принял он у меня монаха Тимофея з братиею вышеписаную обитель и всякую монастырскую казну и лошади и рогатый скот вотчину и мельницу и всякий монастырский завод» и далее указано – «два конных двора меринов и кобыл. Дватцать две лошади восмнатцать подроству дватцать коров шесть нетелей шесть быков двенатцать телёнков шестьдесят овец. Да в вотчине (заимке) Яланской две лошади две кобылы два жеребца семь коров одна нетель». Расписан поштучно весь хозяйственный инвентарь и вся утварь. Сообщается о 20 десятинах пашни, на остатке имелось 100 пудов ржаной муки и триста пудов ржи и пшеницы, да необмолоченной ржи 20 десятин, семь пудов овечьей шерсти, два пуда масла коровьего. Далее они пишут о том, что имеется в наличии у игумена Гавриила в 1724 году и отмечают: «... он игумен тот Лосиноборский монастырь разорит в конец. И строение в том монастыре и починки никакой не учинил». Если во время передачи монастыря Гавриилу денег в кассе было одна тысяча четыреста рублей, то в 1724 году осталось всего семьдесят два рубля.

В 1724 году сентября 2 дня, предварительно ознакомившись с делом, Преосвященный Антоний Митрополит Тобольский и Сибирский приказал: «Игумена Гавриила послать в Тюменский Троицкий монастырь и велеть ему быть в послушании до исследования интереса в Енисейске».

О завершении этого дела 4 января 1727 года Тобольский Архиерейский Приказ сообщил в Енисейскую надворного суда канцелярию, что по Указу Его Императорского Величества, те кто сказал «слово и дело государево» лжоеручными письмами и доношениями подлежат жестокому наказанию как показано в пункте 3 Уложения о наказаниях – бить кнутом. Так закончилась деятельность игумена Гавриила.

Взаимоотношения с аборигенным населением у монастыря складывались вполне дружелюбно. В архивном деле их не разделяют на остяков и тунгусов, а называет новокрещёнными, т. е. к тому времени они уже приняли православную веру. Новокрещённые нанимались в различные монастырские работы – пахоту, сенокос, ловили для монастыря рыбу, собирали бруснику и черёмуху, у них монастырь скупал шкуры и пушнину. За это с ними рассчитывались как деньгами, так и хлебом.

Имеется запись 1719 года: «Собрано всякого хлеба по тысяче пудов и оной хлеб употребляется при обители живущими работными людьми и меняется с новокрещёнными на рыбу и продаётся на дощаники».

С проезжими людьми в летнее время монастырь торговал в основном живым скотом на мясо, солониной, мукой, крупами, толокном, печёным хлебом.

Монастырские работники занимались и перевозкой купеческих грузов.

Церковных доходов в казну в год собиралось около тридцати рублей. На церковную потребность ежегодно покупалось около двух пудов воска, двух фунтов ладану, пуда мёда и ведро церковного вина. Годовым дьячкам платили четыре-пять рублей.

Доходы с мельницы хотя были невелики, но постоянны. Встречаются записи о получении с мельницы небольших сумм денег. «Из Подпорожной своей мельницы взял игумен семь рублёв».

Разорение монастыря игуменом Гавриилом началось сразу после принятия им монастыря под своё начало. Монахи сообщают в Духовную консисторию: «А как в тот Лосиноборский монастырь он игумен прибыл то привёз с собою сына Александра да замужнюю дочь Анну и тещу свою и достал по сыску с Красноярска зятя своего казачья сына Петра Канахиных которой был в бегах от переписи ...приехал с Красного яру и в то время была у него одна лошадь а скарба с ним никакова не было. А из монастыря в Енисейск пустил ево игумен на четырёх

лошадях в том числе на монастырских трёх. А на тех лошадях привёз он с собою в Енисейск в глухих (т. е. полных и закрытых) трёх возах незнатно что с монастырской казны».

Вскоре игумен развернул бурную торговую деятельность, продавал проезжим людям продукты, скот, лошадей. Всё это должно бы пойти на благо монастыря, однако игумен судя по доношению монахов и его объяснениям утаивал от монастырской казны часть выручки. Монахи написали в доношении: «Да он же игумен многих монастырских лошадей и рогатый скот и с вотчины приёмного хлеба продавал проезжим людям ... а в монастырскую казну ничего не писал». В 1722 году Гавриил стал распродавать лошадей и он сам пишет: «продано четыре лошади взято двенатцать рублёв шестнатцать алтын четыре деньги», «продано две лошади взято шесть рублёв шестнатцать алтын четыре деньги», т. е. средняя цена лошади составила чуть больше трёх рублей.

Монахи сообщают в консисторию: «продал монастырских десять лошадей торговым людям за девяносто рублёв да маковским жителям шесть лошадей за пятьдесят рублёв продав также проезжим разного чина людям на суды коров и быков тритцать пять». По их сообщению, средняя цена лошади получается больше восьми рублей. Игумен в своём объяснении признаёт продажу в 1722 году тюменскому торговому человеку Петру Григорьеву сыну Перевалову девяти лошадей и получение от него воску на 20 рублей и денег 56 рублей 16 алтын и 4 деньги, но «не упоминает кому в Маковском проданы лошади».

А как же мог существовать без лошадей удалённый монастырь?

После игумена Гавриила, изрядно разорившего монастырскую обитель, монастырь уже не смог как следует восстановиться.

В Тобольском государственном архиве в фонде Тобольской консистории удалось найти несколько дел,

в которых описывается монастырь 1750-60 гг. Судя по материалам дел консистории, к 1750 году Лосиноборский монастырь пришёл в полный упадок, и дело шло к его закрытию.

«А Лосиноборский монастырь явился по свидетельству нарочно посланного совсем безнадёжен и возобновлению неудобной. Для того что совсем наготово издавна опустошён и обнажён. Церковь обветшала ограды нет. А кельишка развалились. Денег ни копейки. Хлеба ни пуда. Пашенных земель ничего нет. А крестьянишок толко душ десяток (мужского пола вместе с младенцами и стариками). И те семья бедныя. И потому строить некем и кошту на оное взять неоткуда. И место от жилья весьма отдалённое. И возобновлению неспособное. А в церкви ни свеч ни воску ни ладану. И протчего к служению недовольно. Ничего не довольно же не токмо месячной минеи но и общей и праздничной не имеется. Между которыми нашлись при осмотре две старопечатные триоди постная и цветная которые при сём доношении благопочтенно к Вашему Преосвященству посылаются. О чём всепокорнейше доношение представляю».

В этом же деле есть описание Лосиноборского монастыря, предоставленное в Тобольскую консисторию 23 августа 1751 года вдовым священником Енисейского ведомства Андреем Павлушковым, прибывшим в Тобольск для пострижения в монахи Енисейского Абалацкого подворья Туруханского Троицкого монастыря:

«1751 года августа 23 дня в консистории преосвященного Сильверста Митрополита Тобольскаго и Сибирскаго прибывшей в Тобольск Енисейского ведомства вдовой священник Андрей Павлушков объявил: Лосиноборской монастырь состоит на Кете реке разстоянием от Енисейска в сколких верстах не знает... А от Маковскаго до онаго Лосиноборского монастыря водяным транспортом плыл он Павлушков трои суток

без малого. Около одного Лосиноборского монастыря поблизости кроме монастырских крестьян которые по пути сюда в Тобольск вниз по Кете реке за одну версту от монастыря живут деревней в двух или трёх дворах более того (жилья) нигде не имеется. Да например в десяти верстах или болше от того монастыря стоит двор монастырского крестьянина коему имени не знает. А с двух сторон около онаго монастыря нигде жилья нет кроме монастырских пашенных мест несколькога числа десятин. А дальше оных пашен лес и пустые места. Строения около онаго монастыря ограда деревянная устья ворот есть а инде развалилась. В ней церковь деревянная ветхая. Которыя и в вышеозначенном живущие при монастыре крестьяне покрывают новой крышой. Одна келья монашеская деревянная. Протчее строение всё погнило и развалилось. Да за оградой поблизости монастырской житницы два анбара... Скота в оном монастыре за взятые в Енисейском монастыре в остатке осталось коней и коров коликое число не известно... Да между Красноярском и Енисейском имеется того же Лосиноборского монастыря мельница называемая Подпорожная которая погнила и без действия стоит. А при оной мельнице два или три анбара деревянные монастырские в которые государственные крестьяне кладут хлеб. А от той мельницы во оном монастыре прежде была в стороне от Маковского в сторону между государственными крестьянами в даче того Лосиноборского монастыря пашенная земля. А сколько её и живут какие крестьяне или пусто того он Павлушков не знает. Да онаго монастыря в Маковском остроге имеется издавна построенный анбар в который кладётся государственный провиант. А плата за поклажу того провианта много не бывает. Токмо прежде от купецких людей за поклажу в тот анбар товаров плата была а теперь нет. Андрей Павлушков руку приложил». Из этого дела видно, что монастырь и деревня монастырских крестьян находились на расстоянии одной версты.

В другом деле за этот же год из доношения Енисейского Архимандрита Иоаникия Митрополиту Тобольскому и Сибирскому Сильверсту узнаём о назначении по указу консистории иеромонаха Измаила игуменом в Лосиноборский Преображенский монастырь и по его просьбе причетника-дьячка Енисейского Спасского монастыря Стефана Пономаркова в этот же монастырь причетником: «...просит он Измаил отпустить с ним в Лосиноборский монастырь для отправления славословия Божия имеющегося в здешнем Енисейском монастыре в причетническом звании Стефана Пономаркова. Там без причетника ему Измаилу подлинно крайняя состоит нужда». Иеромонаху Измаилу при назначении дана инструкция «с подобающим напутствованием и со здачей всего тово монастыря движимого и недвижимого имения по учинённой в нынешнем 1751 году казначеем иеромонахом Ананием описи, по засвидетельствованию тово монастыря правящего казначейскую должность крестьянина Ивана Максимова с надлежащей росписью».

Из этого же дела известно, что оброчные деньги, собираемые с тамошних крестьян, были очень незначительными. Так «за 1750 год собрано девять рублей шестьдесят копеек, за 1751 год – девять рублей девяносто пять копеек, итого девятнадцать рублей пятьдесят пять копеек». Эти деньги было разрешено использовать «...ему Измаилу и правящему сего монастыря казначейской должности крестьянину Ивану Максиму на созидание оного монастыря с надлежащей росписью».

В Тобольском архиве имеется несколько дел 1750–1764 гг. со списками монашествующих в монастырях Тобольской епархии, но ни в одном деле отдельно монахи Лосиноборского монастыря не упоминаются, только в 1753 году среди монахов Енисейского Спасского монастыря указан иеромонах Измаил из Лосиноборского Преображенского монастыря, его мирское имя Исаакий Попов, родился в 1701 году в семье священника

села Воскресенского. Он посвящён в сан иерея в 1730 году, а пострижен в монахи в 1748 году в Тюменском Троицком монастыре.

Из доношения Архимандрита Енисейского Спасского монастыря Александра от 19 февраля 1760 года «О заведывании Кашиношиверским и Лосиноборским монастырями» известно: «По указу велено за прошлый 1758 год в Лосиноборской пустыни о монашествующих прислать табели и монашествующих не имеется. Потому состоит без всякого призрения и присмотра. И управляться с ним без повелительного указа небезопасно. О чём Вашему Преосвященству на благорассмотрение резолюцию предлагаю».

В Лосиноборский монастырь, также как и в другие, определялись в «монастырские труды» проштрафившиеся священно и церковнослужители. Из дела Тобольского архива известно об иеромонахе Енисейского Спасского монастыря Спиридоне Наумове, который будучи ещё в Кашиношиверском монастыре ложно донёс «государево слово и дело по первому пункту» на игумена Иакова Пыхова, за что 23 августа 1755 года был наказан в Тобольской духовной Консистории «при собрании градских священно и церковнослужителей шелепами (т. е. плетьюми) жестоко и послан на кошт ево в Лосиноборский монастырь... и велено ево иеромонаха в том монастыре содержать в неслабом смотреии и излишней воли ему ни в чём не давать, а исправлял бы только по очереди службу божью по рассмотрению тамошняго строителя (т. е. настоятеля) послушания». С иеромонаха Спиридона была взята подписка «дабы он впредь никаких уже монашеского чину неприличных поступков употреблять не дерзал, а наипаче ложных ябеднических показаний в каковых впредь являлся не чинил».

Указом императрицы Екатерины Второй от 26 февраля 1764 года, в результате так называемой секуляризации, Лосиноборский монастырь в числе многих

мелких был ликвидирован, монастырские земли были переданы государственной Коллегии экономии. (Секуляризация – это изъятие земель из духовного ведомства и передача их государству). С этого времени монастырские крестьяне стали именоваться экономическими и обязаны были платить не оброк, а подушный оклад по 1,5 рубля, который поступал уже не в духовное ведомство, а в государственную казну.

В ведомости об упразднённых маловотчинных монастырях 1765 года указано, что по переписи 1744 года «за оным монастырём было 17 душ (т. е. людей мужского пола от младенцев до древних стариков). От города Енисейска состоит в трёхстах верстах. Сего 765 года марта 16 дня оного монастыря строитель (настоятель) иеромонах Измаил доношение объявил, что монастырское казённое имущество по описи взято в ведомство Енисейской провинциальной канцелярии а в том монастыре иеромонах один а других монашествующих никого не имеется. В нём на своём пропитании оставаться невозможно для чего из того Лосиноборского монастыря выехал где и находится посему тот Лосиноборский Преображенский монастырь упразднить следует. А церковь того монастыря оставить на прежнем её месте, ибо её из этого монастыря переносить некуда».

Здесь же сообщается об имеющемся в монастыре имуществе: «а имянно: два мерина один мухортой грива налево, другой сивожелезой грива направо ноздри у обоих пороты. Рогатого скота: две коровы красные, тёлка годовая чёрная, овец болших пять, три барана годовые, овечка годовая, ягнят местных двое. (Сравните сколько скота было в 1718 году!); Строения: в ограде келья монашеская, другая за оградой причетническая при ней клетка. Всё описанное строение и казённое имущество по описи от Енисейской провинциальной канцелярии отдано под присмотр тогож монастыря крестьянину Петру Максиму который тамо находится и церковным старостой».

В «Деле по указу конторы Тобольского Епископа Варлаама об отправке в Синод ведомостей об упразднённых монастырях», 1768 года, т. е. уже после ликвидации монастыря, имеется описание прихода Лосиноборской Преображенской церкви: «В Лосиноборском монастыре (так долгое время именовалась деревня Лосиноборское) в нём строение одна церковь деревянная Преображения Господня в ограде келья монашеская одна же. Протчее монастырское имущество в силу указа Коллегии экономии по описи взято в ведомство Енисейской провинциальной канцелярии. А церковь при которой состоит только четыре крестьянских двора. (Всё аборигенное население относилось к приходу Маковской Покровской церкви). При ней особливому священнику быть и пропитываться по неимению в близости приходских дворов невозможно. Велено заведовать Енисейского заказа (т. е. духовного правления) Маковского острога священником. В церкви утварь оставлена для отправления службы, когда тут Маковскому священнику быть случится, самонужная, а протчее взято в Енисейской Спасской монастырь. А что имянно оставлено при оной церкви и в монастырь взято, значит в приложенной при сём ведомости». Далее идёт перечень икон, книг и облачения. При этом отмечается, что большинство утвари и одеяния находится в ветхом состоянии.

В Лосиноборской церкви оставлено всего четыре иконы: Преображения Господня, Пресвятая Богоматерь, Мученичество Флора и Лавра, Николая Чудотворца. Кроме этого: на Престоле Евангелие с серебряными наугольниками, крест напрестольный «деревянной резной», сосуды и книги для исправления богослужения. Среди ветхих книг имеется и несколько новых.

В Енисейский Спасский монастырь переданы, в основном, церковные принадлежности непригодные к священнослужению: образы, утварь, почти всё ветхое священническое одеяние. Переданы и некоторые книги

церковные: Евангелие на престольное и толковое повсед-
невное, Устав церковной, Прологи полугодовой да два
четвертные.

Особо стоит остановиться на описании образов, пере-
данных в Енисейский монастырь. Все они в серебряных
окладах, пострадавших от пожара. Это «четыре образа
Богородицы разных имянований», Николая Чудотворца
и два других сгоревших образа. Из описания образов
можно сделать вывод о случившемся когда-то в церкви
пожаре.

Лосиноборская церковь после закрытия монастыря
всегда была приписана к Маковской Покровской
церкви и только при неимении собственного священ-
ника в Маковском остроге заведывалась вместе с нею
священником Яланской церкви, так было, например,
в 1789 году.

Священник Василий Иоаннов Дроздовский в 1864
году в Памятной книге (летописи) Маковской Покров-
ской церкви оставил о Лосиноборском монастыре
следующие записи: «Церковь монастырская по пока-
заниям стариков деревни Лосиноборской сломана 41
год или в 1823 году. Некоторые ветхие книги и иконы
перевезены в здешнюю церковь. На месте братских
келий видны ямы-подвалы».

Построенная вскоре после сноса церкви часовня
в д. Лосиноборской просуществовала до двадцатых годов
XX века.

В перечне церковных книг, переданных в Енисейский
Спаский монастырь, имеется и «Пролог», хранящийся
ныне в отделе редких книг Государственной универ-
сальной научной библиотеки Красноярского края.

В Красноярском краевом краеведческом музее
в коллекции деревянной скульптуры иконостасной
резьбы хранится деревянный трёхстворчатый скла-
день Николы Можайского из Лосиноборской часовни,
отреставрированный в 2000–2001 гг. в художествен-
но-научном реставрационном центре им. И.Э. Грабаря.

В среднике складня – образ Николы Можайского, святителя-градодержца, с воздетым мечом и с моделью храма в руках. Фигура и плоский нимб святого вырезаны из цельного массива древесины, расписаны тамперой по левкасу. На створках изображены Святая Параскева и Святая Екатерина. Размеры складня: 78,5 x 54 x 6,5 см.

Средник выполнен в Каргополье во второй половине XVII века, створки в г. Енисейске в середине XVIII века.

В 2005 году благотворительный фонд В. Потанина проводил конкурс «Лицо России» на лучшее воплощение образа России с помощью одного музейного экспоната. Тогда Красноярский краеведческий музей представил на выставке трёхстворчатый складень «Святой Николай

Можайский с мученицами Екатериной и Параскевой на створках» из Лосиноборского Спасо-Преображенского монастыря. Этот резной образ является древнейшим памятником русской церковной культуры в Сибири. А по описанию хранителя музея Е.И. Даниловой и «жемчужиной коллекции деревянной скульптуры».

Это тот образ Николая Чудотворца, который при ликвидации Лосиноборского монастыря не был взят в Енисейский Спасский монастырь вместе с другими иконами, а был оставлен для проведения богослужения в Лосиноборской церкви, приписанной к Покровской церкви села Маковского, а затем после разрушения монастырской церкви был передан в Лосиноборскую часовню.

По информации сотрудников Красноярского краевого краеведческого музея в настоящее время в их запасах хранятся створки царских врат первой половины XVIII века, которые по преданию происходят из церкви упразднённого Лосиноборского монастыря.

Это всё что сохранилось о Лосиноборском монастыре.

Сейчас о нём уже мало кто помнит, а большинство даже и не слышали.

А вот в 1937 году моя вдовствующая бабушка с детьми переехала на жительство из д. Лосиноборской в с. Маковское, так её дочерей всё ещё называли «монастырскими девчонками». Тогда ещё знали и помнили о существовании монастыря и это через 173 года после его закрытия.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНЫ

*Эх, Сибирь, страна родная,
За тебя ль мы постоим,
Волнам Рейна и Дуная
Твой привет передадим.*

*Из песни
сибирских стрелков
Первой мировой войны*

Одна из самых неисследованных страниц истории села Маковского – это участие наших земляков в Первой мировой или, как она именовалась вначале, Великой войне. Оказывается легче найти описания событий трехсотлетней давности, чем сведения о событиях и людях начала XX века.

Имеются только отрывочные воспоминания внуков солдат той войны. Об участии своего деда Николая Сидоровича в войне с «австро-венграми» я помню только по его воспоминаниям, оставшимся с детства в моей памяти. Как я уже сообщал ранее, дед был трижды ранен – в обе руки и ногу и отравлен газами. К счастью все ранения оказались легкими, он часто говорил, как ему повезло, что пули не были разрывными. Вместе с дедом воевал и его троюродный брат Бондаренко Лука Тимофеевич. Вероятно, они одновременно попали под газовую атаку противника и до самой кончины у них были заболевания лёгких. Поэтому их не призвали в действующую армию в начале Великой Отечественной войны и только в июле 1942 года они были мобилизованы и отправлены в трудовую армию в город Челябинск.

Лука Тимофеевич вернулся в Маковское ещё во время войны и вскоре умер от заболевания лёгких, а Николай

Сидорович вернулся только после расформирования трудармии в 1946 году и умер в 1969 году тоже от болезни лёгких. В нашей семье не сохранилось, а может быть, их и не было, фотографий деда в солдатской форме. Имеется только паспорт, выданный Яланской волостной управой в 1918 году, при возвращении деда из армии, а в паспортах тех лет ещё не было фотографий, были только описания роста и цвета волос, особых примет (которые у деда не описаны).

Ни Енисейский военкомат, ни Госархив Красноярского края, ни Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) не располагают данными о призыве на военную службу в 1914 году.

РГВИА не располагает сведениями и об их службе в армии во время Первой мировой войны.

В Ялutorовском центре хранения страхового фонда – филиале Российского государственного военно-исторического архива находится по разным оценкам около 9 миллионов карточек на погибших, раненых, заболевших, попавших в плен и пропавших без вести воинов Российской армии во время Первой мировой войны.

Найдено две карточки на моего деда Максимова Николая Сидоровича – рядового 136 Таганрогского полка, раненого в Закарпатье 17 ноября 1915 г. во время позиционных боёв и 23 июля 1916 года на реке Серети во время Брусиловского прорыва и находившегося на излечении в госпитале города Перми.

Сохранилась фотография в военной форме моего другого деда – Максимова Василия Ивановича. На фотографии изображены шесть солдат, четверо из них наши земляки – Максимов Василий Иванович, Белозёров Николай Петрович и братья Максимова Иван и Павел Кузьмичи. Все они разных годов рождения с 1878 по 1895, из чего можно предположить о примерной дате фотографирования. Сфотографированы они, скорее всего, при призыве в армию запасных разных возрастов

в 1914 году. Найдена и анкета об его ранении 3 июля 1916 года в Курляндии.

Имеется фотография в военной форме с двумя медалями Максимова Василия Евграфовича, сохранившаяся в семье его внуков Мухаметкуловых.

У Валерия Фёдоровича Максимова сохранилась фотография времён Первой Мировой войны братьев Константина и Павла Петровичей Максимовых.

Павел Петрович на фотографии изображён с Георгиевским крестом и медалью. Его сын Иван Павлович рассказал, что помнит эти награды и что у отца шрапнелью был оторван палец на руке.

Без руки вернулся с войны Панов Евдоким Григорьевич – муж Софьи Степановны и дядя Андрея Иннокентьевича Панова.

Старший унтер-офицер Сапожников Никита Дмитриевич награждён Георгиевскими крестами 4 и 3 степени (известны их номера) и наградной бритвой с надписью: «За храбрость».

Пулемётчиком воевал Козынкин Степан Семенович – отец Максимовой Меланьи Степановны.

Был в германском плену уроженец д. Ворожейки Архип Степанович Коротких. По воспоминаниям старожил в плену он работал на богатого немца и там даже женился, но тяга на Родину была так велика, что оставив семью в Германии, в 1917 году после освобождения из плена, он самостоятельно отправился в Россию. До Ворожейки добирался три года.

Нет документальных подтверждений об участии наших земляков в Гражданской войне. По воспоминаниям старожил маковчане, навоевавшие в Первую мировую войну, не участвовали в братоубийственной Гражданской войне.

Из Мартиролога Красноярского края известно, что житель с. Маковского Иванов Григорий Иванович арестован в апреле 1920 года и приговорён в октябре того же года по обвинению в службе в армии Колчака.

Жители заимки Якша Маковского сельсовета охотники Заворыгин и Базуев в октябре 1931 года арестованы за помощь карательному отряду Колчака и осуждены каждый на три года условно.

Из воспоминаний старожилов известно, что отступающий белогвардейский отряд Олиферова при его продвижении от с. Маковского вниз по Кети в сторону Обь-Енисейского канала в середине ноября 1920 года мобилизовал, не успевших скрыться в тайге, маковских крестьян с лошадьми и санными для перевозки его воинства. Однако никто из мобилизованных крестьян не остался в его отряде и кто раньше, кто позже вернулись в Маковское.

Никита Дмитриевич Сапожников сумел на лошади сбежать ночью из д. Ворожейки, Иван Захарович Максимов бросил лошадь в д. Лосиноборской и на лыжах вернулся в Маковское, Иван Кузьмич Максимов и Пётр Иванович Бармин, спустя некоторое время, вернулись вдвоём только на одной лошади.

Белогвардейцы Олиферова расстреляли в селе Маковском и в деревне Лосиноборской по несколько пленных красноармейцев. Имеется непроверенное сообщение о службе Горбунова Агея Антоновича в Конной армии С.М. Будённого.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И КОЛХОЗНАЯ ЖИЗНЬ

Решение о коллективизации было принято на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 года. Началась она на Северном Кавказе и в степных районах Украины в 1928 году. Массовая коллективизация в Сибири началась на два года позднее, а в северных и удалённых местах ещё через два-четыре года.

Таким образом, коллективизация докатилась до нашего села только в 1933 году, тогда из крестьян с. Маковского и деревень Филипповой и Рыбной был образован колхоз под названием «Север». В колхоз вступило 117 человек и не все они с охотой и радостью шли туда, очень жалко было отдавать в чужие руки кровно нажитый скот и инвентарь. Мой дед, вступивший в колхоз одним из первых и имеющий Книжку колхозника под номером два, спустя 25 лет после вступления в колхоз, всё ещё с болью в голосе вспоминал сданных в колхоз трёх лошадей, корову, плуг, бороны и телеги, т. е. всё нажитое своим трудом за 15 лет со времени возвращения с Первой мировой войны.

Маковские крестьяне до коллективизации жили вполне справно. Среди тайги они имели обособленные сельскохозяйственные угодья с пашнями, покосами и избушками со скотными дворами. Угодья назывались по имени хозяев, например: Сидоровская, Кузьминская, Дмитриевская, Семёновская, Герасимовская избушки и т. д. По данным Всероссийской сельскохозяйственной и городской переписи 1917 года и по другим исследованиям 1916–1919 гг. в с. Маковском было 63 хозяйства, 302 человека населения, из них было 73 мужчины трудоспособного возраста, которые имели 180 десятин пашни, 390 десятин покосов, 133 рабочих лошади

и 98 коров. И это при том, что 3 хозяйства вообще не имели скота, 9 не имели лошадей и 6 коров. В д. Рыбной при 11 хозяйствах трудоспособных мужчин было всего четверо. Они имели 33 десятины пашни, 90 десятин покосов, 23 рабочих лошади и 14 коров, да в д. Филипповой в восьми старожильческих хозяйствах было 17 рабочих лошадей. Не думаю, что количество скота значительно изменилось к началу 30-х годов.

Теперь сравним, что имел колхоз при его основании в 1933 году. 117 человек колхозников, 88 коров, 156 пчелосемей, 54 лошади. Эти цифры приводит А. Бондаренко в книге «Из прошлого в будущее». Мы видим, что государство, по-существу, отобрало у крестьян даже всех коров. Они остались только у единоличников.

А куда подевалось около 120 голов рабочих лошадей? Иметь лошадей в своём хозяйстве колхозникам не разрешалось.

Небольшое количество лошадей, конечно, было утрачено во время Гражданской войны, когда отступающие белогвардейцы Олиферова мобилизовали крестьян с лошадьми, да так и оставили часть лошадей у себя.

Главная причина резкого снижения поголовья лошадей – ссылка зажиточных крестьян (не поворачивается рука написать – «кулаков») из южных районов Красноярского края и Забайкалья.

Напомню историю – в начале 1930 года, то есть в самые лютые морозы, в Маковскую тайгу, в боры под названием «Сороки» и «Окунёво» в нескольких километрах от реки, было привезено в бессрочную внесудебную ссылку без предъявления обвинений 4152 человека этих несчастных крестьян из Ачинского, некоторых районов Енисейского и Минусинского округов, из Забайкалья и брошено в тайге на вымирание. По некоторым сведениям, там хотели открыть леспромхоз. Кругом тайга, глубокие снега и ни единого клочка земли пригодной для распашки. Как они там жили, нам даже представить невозможно.

Жалобы сосланных крестьян на невыносимые условия существования дошли до властей и в с. Маковское была направлена комиссия, которая объективно и честно оценила ситуацию и это поселение ссыльных, известное под названием «Маковка», в начале лета того же года было распущено. Не успевших уехать ссыльных крестьян, осенью отправили в Соврудник (Северо-Енисейск) на золотые рудники. А в новом посёлке Ларионовском организовали совхоз «Маковский».

Для того чтобы выбраться из этих гиблых для ссыльных крестьян мест, нужны были лошади, а своих из-за бескормицы и стужи почти не осталось. Одни нанимали маковских крестьян для доставки их семейств до Енисейска, у кого оставались деньги, покупали лошадей у маковчан. Наши мужики наслушались разговоров сосланных крестьян и видели, к чему может и их привести коллективизация, поэтому распродавали лошадей ссыльным крестьянам, а позднее и в г. Енисейск.

Вот на этом фоне и проходила коллективизация в с. Маковском.

Первым председателем колхоза был избран Бондаренко Дмитрий Герасимович, 1900 года рождения. В колхоз вступили даже такие крепкие хозяева, как Максимов Иван Кузьмич, который имел в разные годы до 7 рабочих лошадей. Создание колхоза обошлось мирно, без раскулачивания и стрельбы по активистам.

В первые годы после образования колхоз построил несколько скотных дворов, раскорчёвывались и вводились в оборот новые пахотные земли, к началу войны пашни было около 300 га, и это, пожалуй, всё положительное, о чем можно рассказать. Неизвестно, как развивался бы колхоз, не начнись в 1941 году Великая Отечественная война. Всех трудоспособных мужчин призывных возрастов (рождения 1890 года и младше), в первые же месяцы войны, призвали в армию, на селе остались старики, несколько мужчин призывного возраста, негодных по состоянию здоровья для воинской службы, женщины,

подростки и дети. Дети 12 лет боронили пашню, косили, сгребали сено, конюшили, пасли скот, а в 14 уже пахали на лошадях и косили на сенокосилках и жатках.

А теперь представьте своих детей и внуков, выполнявших бы в этом возрасте подобные работы!

Перед войной председателем колхоза был Панов Михаил Исаакович, но в первый же год, несмотря на бронь, он также был призван в действующую армию, и председателем колхоза до 1946 года был тот самый неграмотный крепкий крестьянин Максимов Иван Кузьмич, которого весь народ звал просто «Кузьмич». Будь председателем не он, а какой-нибудь никчёмный бесхозяйственный мужичонка, списки умерших от голода и истощения, пополнились бы изрядно.

В колхозе была организована пекарня, всем колхозникам во время работ выдавался в счёт заработка печёный хлеб по 700–900 граммов и даже по 1 килограмму в сутки, выделялось немного молочных продуктов. Была создана рыболовецкая бригада, старики добывали и лосей. Всё это шло на котловое питание колхозников. Кузьмич умудрялся припрятать зерно среди отходов, которые потом провеивались, и это зерно тоже шло на питание колхозников. Семьи, в которых было по несколько, хоть и малолетних, работников, жили не голодая, а семьи, в которых при нескольких детях работала только мать, жили очень трудно, их выручали огород, река, лес и корова, если была. Сено для своей коровы приходилось косить и собирать по ночам.

Совсем плохо было с одеждой и обувью. Купить было негде и не на что. Колхозу на премиальный фонд район кое-что выделял, но этого было явно недостаточно. Одежду шили из мешковины и домотканого полотна, но в основном ставили заплатки на старую, ещё довоенную одежду и она состояла в основном из множества заплаток. Обувь тоже была самодельная – чирки, также неоднократно ремонтируемые – к старым голенищам пришивались другие головки.

По воспоминаниям моей мамы Максимовой Екатерины Васильевны, которая восемнадцатилетней солдаткой и матерью, а по возрасту ещё девчонкой, в 1942 году стала бригадиром Маковской бригады и работала с Кузьмичом до 1946 года, несмотря на его суровый и властный характер, он был справедливым и заботливым человеком. Других таких председателей за всё время существования Маковского колхоза не было.

Как и вся страна, в годы войны колхозники нашего села работали под девизом «Всё для фронта, всё для победы». Планы перевыполнялись, зерно выметалось «под метёлку» и вывозилось в Енисейск. Были и свои «стахановцы», которые в день выработывали по 1,5–2 трудодня.

Необходимо пояснить, что такое «трудодень». В сознании некоторых людей он отложился как некое ругательное слово, как его только не называли в народе, основное название было «палочки». Но трудно представить, как без трудодня можно было бы учитывать коллективный труд и распределять, пусть и мизерные, доходы колхозников. Вот этой-то единицей учёта труда колхозников, предусматривающей дневную норму выработки и качество труда, и был трудодень до введения денежной гарантированной оплаты. Существовали для колхозников минимальные нормы выработки трудодней в течение года. До войны надо было выработать в год от 50 до 90 трудодней, а во время войны нормы увеличились в два раза. До войны даже для подростков 15-ти лет устанавливался годовой минимум в 50 трудодней.

Приведу для примера нормы выработки на трудодень во время войны в колхозе «Север»:

Пахать конным плугом – 0,5 га, боронить на лошади – 3 га, сеять вручную – 1 га, косить на конной сенокосилке или лобогрейке – 3 га, жать самосброской – 4 га, жать серпом – 0,25 га, косить вручную – 0,5 га. А, например, Перепелюков Никифор Иванович в отдельные дни скашивал вручную до 1 га покоса. Поверьте, что это

были очень напряжённые нормы и выполнить их можно было только за 10–12 часов работы.

Колхозники в сезон сельхозработ жили в бригадных «культстанах», расположенных среди полей и покосов. Работали в бригаде, как сейчас бы сказали, по скользящему графику, без общих выходных, отпускали домой по очереди один раз в 15 дней на 2 дня, чтобы отдохнуть и помыться в бане, постирать одежду, помочь по домашнему хозяйству.

Колхозу принадлежала мельница, построенная ещё в доколхозный период на р. Шайтанке недалеко от её устья. Мельница была построена уроженцем д. Слободчиковой Слободчиковской волости Тарского уезда Тобольской губернии ссыльным Николаем Корнеевичем Леоновым. Колхоз на ней молот для своих нужд рожь, так как пшеницы сеяли очень мало. До начала 50-х годов хлеб выпекали из своей муки и только потом мука стала появляться в магазине рыбкоопа.

Было и две пасеки, на которых работали пчеловодами Иван Петрович и Пётр Иванович. При посещении одной из пасек колхозным ребятами-работниками 12–15 лет хоть немного, но доставалось мёда полакомиться, а вот второй пасечник, по натуре прижимистый человек, никогда их не угощал. В отместку, однажды, усевшись на коней, эта ребятня устроила ночной набег на его пасеку в нескольких километрах от бригады, вскрыли улей, взяли соты и уехали. В темноте полакомились мёдом и одного из них, моего дядю Василия, очень громогласного и разговорчивого человека, пчела ужалила в язык и пару дней все в бригаде удивлялись, почему это Васька стал таким молчаливым.

Кроме работы в своём колхозе, зимой отправляли колхозников по разнарядке районного руководства на лесозаготовки. Работали по пояс в снегу, плохо одетые и обутые люди, просушить одежонку и обувку не всегда удавалось, а норму выполнять надо было. Даже заболевших, домой не отпускали. Это по воспоминаниям и было настоящей каторгой.

После войны парней 16 лет, также по разнарядке районных властей, стали отправлять в Енисейск в ФЗО (школы фабрично-заводского обучения) для обучения рабочим специальностям, но жизнь и питание в ФЗО были, по-видимому, ещё хуже, чем в колхозе и нередко были случаи побегов, которые приравнялись к дезертирству и сурово карались. Зато потом, после получения специальностей, они вырвались из колхоза, получили паспорта и стали ежемесячно получать зарплату. Колхозные ребята после окончания ФЗО были направлены для работы на промышленные предприятия, отслужили в армии и в Маковский колхоз не вернулись. Среди них были два моих дяди – Максимовы Василий Васильевич и Иван Павлович, которые до самой пенсии работали в строительстве. Василий Васильевич водителем-машинистом большого автокрана, а Иван Павлович прошёл трудовой путь до начальника ремонтного участка на Красноярской ГЭС.

Не стали колхозники жить лучше и после войны. Подряд два неурожайных года, то же выгребание всего урожая, только теперь для подъёма разрушенной войной промышленности. Займы в войну были в фонд обороны, теперь на восстановление народного хозяйства. Колхозники продолжали жить в нищете. И это продолжалось ещё лет 10 после окончания войны.

Я хорошо помню, как трудно жилось маминой сестре тёте Лизе, которая работала дояркой и воспитывала двоих сыновей. Еда – чёрный хлеб, картошка и молоко от своей коровы, сено на которую ещё надо было заготовить. Летом – минимум одежды и босиком. Зимой, из-за отсутствия одежды и обуви, постоянная простуда.

А каким бесправным был колхозный народ до 1960 годов. Колхознику не положено было иметь паспорт, он не имел право выйти из колхоза, иногда даже вопреки здравому смыслу. Мой отец после армии, уже не будучи членом колхоза, по направлению Полярной МТС (машинно-тракторной станции в Ялани) в 1954 году закончил

курсы трактористов, принят туда же трактористом и на новеньком тракторе ДТ-54 направлен работать по договору между МТС и колхозом «Север» в с. Маковское. Трактор доработал в колхозе до ликвидации МТС и был передан в собственность колхоза, а с ним, как посчитало руководство колхоза, в качестве запчастей и тракторист. Он не был принят собранием в члены колхоза и фактически был вольнонаёмным. Однако, когда он собрался перейти работать на звероферму коопзверопромхоза, то ему долго не давали этого сделать. Только вмешательство прокуратуры восстановило справедливость.

За отказ работать в колхозе ещё в 1961 году даже привлекали к суду. Так был осуждён на небольшой срок, якобы за тунеядство, Белошапкин Пётр Семёнович, который отработывал срок в другом колхозе.

Кроме колхоза «Север», образованного в с. Маковском, д. Рыбной и д. Филипповой, позднее были образованы колхозы и в других деревнях: в 1936 году «Охотник» в д. Ворожейке, в 1937 году «Промысловик» в д. Лосиноборской, в который вошли и жители ближних деревень Фалилеевской и Половинки, колхоз «Рыбак» в д. Айдара и имени Калинина в д. Суханова, где председателем долгое время был участник двух войн – Гражданской и Великой Отечественной, бывший конник С.М. Будённого Горбунов Агей Антонович.

Председателями колхоза «Север» в разное время были жители села Маковского:

Бондаренко Дмитрий Герасимович
Афанасьев Яков Гаврилович
Панов Михаил Исаакович
Максимов Иван Кузьмич
Бармин Николай Тимофеевич
Шадрин Николай Федорович
Максимов Александр Александрович
Панов Александр Иванович
Сапожников Иннокентий Никитич
Панов Иван Алексеевич

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!*

*Слова песни
«Священная война»*

22 июня 1941 года, как и у всего народа, прервалась мирная жизнь и у жителей, проживающих на территории Маковского сельсовета. Известие о нападении фашистской Германии было передано из Енисейска в с. Маковское по радиции «азбукой Морзе». В самые первые дни войны Указом Президи-

ума Верховного Совета СССР были призваны в армию красноармейцы запаса 14 возрастов (1905–1918 годов рождения), то есть все те, кто недавно вернулся с действительной службы и ещё не забыл, как стрелять из винтовки. Указом от 10 августа 1941 года призвали и всех остальных мужчин, 1890–1904 и 1922–1923 годов рождения. Остались только негодные к военной службе по состоянию здоровья, часть которых в июле 1942 года отправили в трудовую армию для работы на оборонных предприятиях.

Маршал К.К. Рокоссовский в своих воспоминаниях написал: «Среди наших замечательных солдат сибиряки

отличались особой стойкостью». Вот поэтому и бросали сибирские дивизии на самые ответственные, а потому самые опасные участки фронта, поэтому так много погибших среди сибиряков, особенно в начальный период войны. Похорожки стали приходить уже в 1941 году, но особенно много погибших и без вести пропавших было в 1942 и 1943 годах.

Информацию о погибших можно узнать в Интернете на сайтах Министерства обороны «ОБД Мемориал», «Память народа» и «Подвиг народа», но они не дают полной информации о погибших. В некоторых случаях указано место и год рождения, каким военкоматом призван, в какой части служил ко времени гибели и дату выбытия. Имеется информация о бывших в плену и освобожденных из плена, о погибших в плену, об умерших от ран и болезней, а иногда просто дата выбытия и ссылка на номер тома Книги Памяти Красноярского края. Информация о погибших воинах из Енисейского района находится в третьем томе и дополнительно в томе восьмом. Но в последнем томе много повторяющихся, а иногда и просто недостоверных сведений. Много неточностей и в третьем томе.

Данные о пропавших без вести, вообще очень приблизительные, а ведь только жителей с. Маковского пропало без вести или попало в плен около 30 человек. Даты в большинстве случаев ничем не подтверждены, а основаны на послевоенном подворном обходе и полученной от родственников информации о примерной дате прекращения переписки с военнослужащими.

Министерство обороны России до сих пор не имеет точных данных о пропавших без вести и попавших в плен воинах. И только на сайте Центра документации при объединении «Саксонские мемориаль» (г. Дрезден, Германия) имеется информация о 740 тысячах советских солдат, попавших в плен в ходе войны, но это всего лишь шестая часть от фактического количества военнопленных. На этом сайте мне удалось найти

фамилии нескольких наших земляков, военная судьба которых была до сих пор неизвестна, по данным Министерства обороны они числились пропавшими без вести. Для получения дополнительной информации и копий учётных карточек военнопленных пришлось обращаться с запросом непосредственно в г. Дрезден. В короткий срок мне была выслана информация о Максимове Николае Иннокентьевиче, Коротких Фёдоре Герасимовиче и Стыжных Александре Захаровиче, погибших в фашистских лагерях. Поиск на сайте «Саксонские мемориалы» имеет свои трудности в связи с неправильным написанием фамилий, названий населённых пунктов и отсутствием отчеств в первоначальных карточках военнопленных. Фамилия Стыжных записана как Стыжный, а на следующей строчке как Стыжник, различны и названия места рождения – Марковское и Маковка. У Максимова Н.И. место рождения записано как Маковиска.

Известно, что три года пробыл в плену Трифонов Давыд Семёнович из ссыльных крестьян д. Ларионовки.

Белошапкин Александр Иванович, попавший в плен 22.06.1942 г. под Ростовом, некоторое время находился в концлагере на севере Польши, затем переведён в Норвегию. Репатриирован на Родину в 1945 году.

Панов Михаил Исаакович, бывший в немецком плену с июля 1942 по август 1944 года, был репатриирован в СССР и только в 1947 году вернулся в с. Маковское из советского проверочно-фильтрационного лагеря НКВД. Материалы по нему до сих пор засекречены.

Освобождены из плена в ходе наступательных боёв – Горбунов Терентий Семёнович, Гребенщиков Назар Варламович, Гужихин Яков Дмитриевич, Панов Иннокентий Григорьевич. Погиб в плену Кустов Трофим Антонович, неизвестна судьба Коротких Григория Петровича.

Запросы в центральный архив Министерства обороны в г. Подольске также не дают дополнительной инфор-

мации, они сообщают только то, что было написано в похоронке.

Если сохранилась похоронка и в ней указано место захоронения погибшего, то на обелиске в списках, похороненных в той братской могиле, не обязательно найдёте вашего родственника. Мы в июле 1998 года с моей мамой побывали на месте гибели и захоронения её брата Максимова Павла Васильевича в Харьковской области Украины. На братской могиле стоит обелиск со списками похороненных воинов, но нашего родственника в списках не оказалось. Нами в сельсовет была отправлена копия похоронки и по их информации к 55-летию Победы списки были обновлены и имя Павла Васильевича увековечено.

Первый Памятник погибшим воинам из Маковского сельсовета – Стена памяти был сделан к 350-летию села Маковского. Там были вписаны фамилии почти всех погибших воинов. В последующие годы Памятники неоднократно перестраивались.

После трёхлетней переписки и согласований, на месте двух развалившихся предыдущих Памятников в с. Маковском в марте 2015 года был установлен новый скромный обелиск (он на фото в начале этой главы).

На сайтах Министерства обороны РФ «Подвиг народа» и «Память народа» в последние годы выложено много информации о подвигах воинов и их награждениях.

Показаны боевые пути воинских частей, приказы командования и наградные листы, в которых указано с какого времени воин участвовал в Отечественной войне, описан подвиг, ранения и предыдущие награды.

Найдено много материалов о подвигах наших земляков и их награждениях орденами и медалями.

Многие жители Маковского сельсовета, как из старожильческого населения, так и из переселенцев, староверов и сосланных крестьян с самого начала войны героически сражались на фронте, однако награждений в первые два года войны было очень мало.

Среди отличившихся наших земляков необходимо особо отметить снайпера старшего сержанта Тимофея Герасимовича Бондаренко, уничтожившего за годы войны 167 фашистов, многих из снайперской винтовки, купленной на деньги его жены Марии Николаевны. И уже давно эта винтовка с её дарственной надписью хранится в Енисейском музее. На пластине выгравировано: «Снайперу Тимофею Герасимовичу Бондаренко. Стреляй метко во врага. От жены Марии». За ратные подвиги и подготовку снайперов Тимофей Герасимович награждён орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Славы III степени, медалью «За боевые заслуги».

Следует отметить, что из шести воевавших родных и двоюродных братьев Бондаренко вернулись с войны только Тимофей Герасимович, работавший позднее в 1950 годы председателем Маковского рыбкоопа, и два его брата, а из семьи Распуткиных погибли отец и два сына, у Пановой Аграфены Захаровны погибли муж и два брата, Максимовых из разных семей погибло 11 человек, Коротких, только из д. Ворожейки, не вернулось 12 человек. Много погибших из семей переселенцев, староверов и сосланных крестьян д. Ларионовки (Шайтанки).

Участие воинов Маковского сельсовета в Великой Отечественной войне – отдельная тема моего нового исследования, после её завершения материалы будут опубликованы, если не в печатной книге, то хотя бы в Интернете.

Ознакомлю с некоторыми наградными материалами на наших земляков:

Афанасьев Яков Гаврилович – телефонист роты связи 1242 стрелкового полка 374 стрелковой дивизии 59 армии Волховского фронта (в то время ещё рядовой) в ночь на 18 апреля 1942 года обеспечил восстановление связи на другой берег реки. При переправе через реку его лёгкий плот перевернулся и он уже в плавь в ледяной

воде с телефонным кабелем добрался до противоположного берега реки. Этим обеспечил своему подразделению выполнение боевой задачи. Это самое первое награждение наших земляков во время Великой Отечественной войны. Приказ Военного Совета 59 армии о награждении медалью «За отвагу» издан 15 мая 1942 г.

Бармин Александр Петрович – младший лейтенант (затем капитан, а в послевоенное время полковник), «командир взвода управления 9 батареи 686 артиллерийского Брестского полка 415 стрелковой дивизии 61 армии 1 Белорусского фронта в боях при форсировании реки Одер, прорыву мощной обороны на левом берегу и овладению рядом городов Бармин А.П. непрерывно продвигался с боевыми порядками пехоты, своевременно обнаруживал и точно засекал огневые точки противника, которые по его целеуказанию подавлялись артиллерийским огнём батарей, способствуя этим самым успешному продвижению нашей пехоты. Дисциплинирован и исполнительен». Приказ командира 415 дивизии от 02.06.1945 г. о награждении орденом Красной Звезды. Награждён он также и медалью «За боевые заслуги».

Бармин Дмитрий Егорович – командир орудия награждён 06.02.1945 г. орденом Красной Звезды за то, что в боях 3 февраля 1945 г. за город Фрауштадт уничтожил огнём своего орудийного расчёта четыре огневых точки противника и более 40 гитлеровцев. 12.05.1944 г. он награждён медалью «За боевые заслуги».

Богданов Исай Алексеевич – сержант, командир миномётного расчёта 356 стрелкового полка 343 стрелковой дивизии 50 армии, уже имеющий медаль «За отвагу», приказом командования дивизии 16.02.1945 г. награждён орденом Красной Звезды. В представлении для награждения написано: «22.1.1945 г. рассеял и частично уничтожил до роты противника шедших в контратаку, 23.1.1945 г. при взятии д. Барково своим расчётом уничтожил два станковых пулемёта противника».

Бондаренко Павел Герасимович – старший сержант, заместитель командира отделения, парторг роты 3 стрелкового батальона 69 горно-стрелковой бригады (так стала называться отдельная морская стрелковая бригада), уже награждённый медалью «За отвагу», во время боёв по овладению п. Никель, воодушевляя бойцов личным примером, первым врывается в распоряжение противника и уничтожил врага. 21 октября 1944 года смертельно ранен. 28.02.1945 г. приказом командования корпуса посмертно награждён орденом Отечественной войны II степени.

Горбунов Агей Антонович – командир сапёрного отделения 14.11.1944 г. за восстановление взорванного моста под огнём противника награждён медалью «За отвагу», 19.01.1945 г. за то, что провёл танки по болоту и обеспечил их появление на переднем крае в самый ответственный момент, награждён орденом Красной Звезды.

Дышкант Степан Фёдорович – из семьи репрессированных крестьян д. Ларионовки. В первое время рядовой, санитар. За спасение раненых с поля боя награждён 27.08.1943 г. медалью «За отвагу», а 30.05.1945 г. комсорг десантного батальона младший лейтенант Дышкант С.Ф. удостоен ордена Красной Звезды.

Исайкин Андрей Иванович – из ссыльных с. Маковского, рядовой автоматчик мотоциклетного батальона 08.03.1944 г. награждён медалью «За отвагу» за взятие в ходе ночных поисков в плен немцев, давших ценные показания, 17.04.1945 г. старший сержант, помощник командира взвода Исайкин А.И. за боевые подвиги награждён орденом Красной Звезды.

Килин Алексей Ермилович – телефонист, 11.08.1944 г. награждён орденом Красной Звезды за обеспечение связи при форсировании рек Неман и Марых, 26.01.1945 г. награждён орденом Славы III степени за то, что под сильным артиллерийско-миномётным огнём устранил

более 30 повреждений линии связи между командирами дивизии и полка.

Коротких Андрей Степанович – рядовой стрелок. Награждён за личное мужество 12.08.43 г. медалью «За боевые заслуги» и 28.12.1944 г. медалью «За отвагу».

Коротких Иван Иванович – командир пулемётного расчёта 28.12.1943 г. награждён медалью «За отвагу» за подрыв гранатами фашистского танка и уничтожение его экипажа, 14.07.1944 г. орденом Славы III степени за прикрытие пулемётным огнём переправы советских войск через реку Западная Двина и боевые действия по прорыву обороны противника.

Коротких Семён Андреевич – сержант, участник войны с Японией, приказом командира 1053 стрелкового полка 300 стрелковой дивизии 1 армии 1 Дальневосточного фронта 30.08.1945 г. награждён медалью «За отвагу». Из представления к награде: «Будучи наводчиком станкового пулемёта под огнём противника выкатил пулемёт на боевую позицию и уничтожил группу японских самураев в количестве 17 человек, тем самым обеспечил выполнение боевой задачи стрелкового подразделения».

Максимов Константин Алексеевич – сержант, помощник командира взвода 3 стрелковой роты 229 стрелкового полка 8 стрелковой дивизии Центрального фронта приказом от 19.09.1943 г. награждён медалью «За отвагу» за то, что «он 11 сентября 1943 г. при форсировании реки Десны проявил мужество и отвагу – сам лично перевёз весь взвод на лодке несмотря на сильный артиллерийско-миномётный огонь противника и вступил в бой с противником, идя впереди своих боевых порядков, увлекая за собой бойцов». Константин Алексеевич вернулся с фронта без руки.

Мальцев Василий Илларионович – красноармеец, артиллерист награждён на Карельском фронте 01.08.1944 г. медалью «За отвагу» и 26.09.1945 г.

приказом по Дальневосточному фронту орденом Славы III степени.

Панов Иван Григорьевич – рядовой стрелок 2 отдельного стрелкового батальона 69 отдельной морской стрелковой бригады 09.09.1944 г. награждён посмертно орденом Отечественной войны II степени приказом Военного Совета 32 армии Карельского фронта. Во время боя 8.07.1944 г. он первым ворвался на высоту, из автомата уничтожил несколько белофиннов, заменил пулемётчика. Своими героическими действиями в значительной степени поспособствовал взятию и удержанию стратегической высоты. Был смертельно ранен.

Распуткин Александр Васильевич – красноармеец 326 стрелкового полка 21 стрелковой дивизии Карельского фронта в ходе боя 11 сентября 1944 г. на высоте Питкявара под огнём противника подполз к ДЗОТу и забросал его гранатами, тем самым дал возможность стрелковому взводу продвинуться вперёд. За этот подвиг приказом командира полка 04.10.1944 г. награждён медалью «За отвагу».

Сапожников Иван Никитич – гвардии рядовой, наводчик 45-мм орудия взвода ПТО 1 стрелкового батальона 31 гвардейского стрелкового полка 9 гвардейской дивизии 04.07.1945 г. награждён медалью «За отвагу» за то, что «он в боях с немецкими захватчиками в районе д. Лейниэки Латвийской ССР огнём своего орудия уничтожил огневую точку противника, чем способствовал продвижению нашей пехоты». До этого он награждён медалью «За боевые заслуги».

Сапожников Алексей Никитич – командир отделения разведки «при проведении разведки переправы проявил умение и мужество; отделение отлично выполнило задачу, не понеся потери». Приказом Военного Совета Дальневосточного фронта 14.09.1945 г. награждён медалью «За боевые заслуги».

Саранов Феофилакт Афанасьевич – стрелок отдельной разведроты за многие подвиги награждён: 06.08.1944 г.

орденом Славы III степени; 05.04.1945 г. орденом Славы II степени; 12.04.1945 г. орденом Красного Знамени.

Сидоров Василий Андреевич – сержант, командир пулемётного расчёта 1295 стрелкового полка 160 стрелковой дивизии 26.04.1943 г. награждён приказом командира полка медалью «За отвагу». В наградном документе отмечается: «В оборонительных боях полка в феврале-марте 1943 г. уничтожил 12 немцев. Пробравшись к проволочному заграждению, расстрелял в упор расчёт противотанковой пушки. 8 марта в боях за д. Прудки Тёмкинского района Смоленской области с фланга поддержал огнём трофейного пулемёта атаку и помог захватить д. Прудки».

Скоб(п)карев Осип Семёнович – первый номер станкового пулемёта за отражение вражеских атак и смелые действия во время наступательных боёв награждён 30.07.1944 г. орденом Славы III степени, 02.11.1944 г. медалью «За отвагу», 15.04.1945 г. орденом Славы II степени.

Суханов Вавил Фёдорович – снайпер 23 стрелковой дивизии. За время боёв с 27 сентября по 5 ноября 1942 г. уничтожил из снайперской винтовки 89 фашистов. (И это всего за 40 дней !!!). 28.11.1942 г. приказом по дивизии награждён орденом Красной Звезды. В начале 1943 г. без вести пропал.

Суханов Василий Кондратьевич – член экипажа (заряжающий, наводчик) самоходной артиллерийской установки. За героические действия в составе экипажа награждён в декабре 1943 г. медалью «За боевые заслуги», в июне 1944 г. орденом Красной Звезды, в августе 1944 г. медалью «За отвагу». В боях 16–17 апреля 1945 г. в районе Фридерсдорф-Зеелов их экипаж уничтожил два танка «Тигр», два танка «Пантера», три противотанковых орудия, ДОТ с 75-миллиметровой пушкой и до 30 фашистских солдат. Василий Кондратьевич в этом бою погиб и посмертно награждён орденом Отечественной войны I степени.

Суханов Иван Кондратьевич – связист. За обеспечение бесперебойной связи 04.07.1944 г. награждён медалью «За боевые заслуги» и 23.04.1945 г. орденом Славы III степени.

Ткачёв Иван Васильевич – связист отдельной кабельно-шестовой роты приказом от 27.04.1944 г. за обеспечение связи командования и подразделений награждён медалью «За отвагу», а 04.09.1944 г. орденом Красной Звезды.

В послевоенное время жили и работали в с. Маковском участники Великой Отечественной войны – уроженцы других населённых пунктов:

Деев Фома Фёдорович – сержант, телефонист. За обеспечение связи 08.03.1943 г. награждён медалью «За отвагу», 30.04.1945 г. орденом Славы III степени;

Деревяшкин Михаил Григорьевич – старшина, радиотелеграфист. За обеспечение радиосвязи командующего армией с подразделениями награждён 31.08.1945 г. орденом Красной Звезды и 17.09.1945 г. медалью «За отвагу»;

Корнилов Иван Родионович – сержант, командир орудия танка Т-34, участвуя в боях 16 и 17 октября 1944 г. в центре г. Белграда – столицы Югославии совместно с югославскими партизанами неоднократно отбивал контратаки противника. Экипажем во время этих боёв уничтожено 2 пушки, 4 пулемёта, 2 автомашины с грузом и 35 солдат и офицеров. Лично сам из пулемёта уничтожил 20 солдат. Приказом командования 36 гвардейской танковой бригады от 29.10.1944 г. награждён орденом Красной Звезды;

Петухов Константин Степанович – адъютант старший батальона (так называлась должность начальника штаба) за время войны был пять раз ранен, контужен. За умелую организацию разведывательной работы и личное участие в разведке, руководство частями батальона и героизм награждён тремя орденами Отечественной войны.

Имеется много информации и об остальных награждениях наших земляков орденами и медалями.

Заканчиваю главу об участии наших земляков в Великой Отечественной войне словами из песни «Память» на слова стихотворения поэта Роберта Рождественского:

*Только не забыть бы это!
Лишь бы не забыть!
Эта память – верьте люди,
Всей земле нужна.
Если мы войну забудем,
Вновь придёт война.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

350 лет Маковский острог и село Маковское, как и большинство российских сёл и деревень, были сельскохозяйственным поселением, об этом известно из старинной литературы и большого количества исследованных архивных документов.

И только в 1960-х годах в селе построили звероферму коопзверопромхоза, а затем открыли два лесоучастка – один занимался лесозаготовками, а второй сбором сосновой живицы.

Появилось электричество от дизельной электростанции, а с ним радиовещание, телевидение и различные бытовые электрические приборы, восьмилетняя школа с мастерскими, школьный интернат.

Ещё раньше в селе открыли рыбкооп, больницу, метеостанцию, авиаплощадку с ежедневными (кроме воскресенья) рейсами самолётов.

В постсоветское время, в силу различных обстоятельств, жизнь в селе стала затухать. Сначала лесозаготовительный участок перевели в п. Усть-Кемь, и, как следствие, трудоспособное молодое поколение стало перебираться туда, затем из-за оскудения сырьевой базы закрыли и лесоучасток по сбору живицы.

Маковский колхоз «Север» прекратил заниматься полеводством и животноводством, а стал развивать пчеловодство.

На базе колхозов Маковского сельсовета организовали пчеловодческий совхоз (колхоз «Север» стал бригадой), который недолго просуществовал из-за массового падежа пчёл по причине повсеместного заражения варроатозом – пчелиным клещём.

Закрылись магазины и пекарня.

Отсутствие работы вызвало повсеместный отток населения. В результате в селе осталась только начальная школа.

В настоящее время в селе проживает всего около 60 человек. Есть сельсовет, действующая церковь, начальная школа с несколькими учениками, дизельная электростанция, библиотека и уютящийся в приспособленном помещении клуб.

Два раза в месяц прилетает рейсовый вертолёт Енисейск – Маковское – Лосиноборское – Суханово – Айдара.

Горько и больно осознавать, что наше село ждёт участь многих ликвидированных населённых пунктов.

Остаётся только надеяться, что планируемая железная дорога Нижневартовск-Лесосибирск будет проложена недалеко от села и вблизи будет построен полустанок, который даст работу и возродит жизнь села.

*Максимов Виктор Сергеевич
с. Маковское – г. Енисейск – г. Красноярск
2018 год.*

эл. адрес viktor.maksimov.48@mail.ru

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Тт. 3–5. – СПб., 1842.
2. Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири, 1886–1887 гг.
3. История Сибири в 2-х томах, 1889 г.
4. Баккаревич М. Н. Статистическое обозрение Сибири, 1810 г.
5. Близняк Е. В. Варианты Обь-Енисейского водного пути, 1912 г.
6. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт её первых насельников, 1889 г.
7. Волости и населённые места Енисейской губернии, 1893 г.
8. Долгоруков В. А. Путеводитель по всей Сибири и среднеазиатским владениям России, 1895 г.
9. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией, тт. 2–12. – СПб., 1846–1872 гг.
10. Записная книжка Енисейской губернии, 1863–1915 гг.
11. Избрант Идес и Адам Бранд. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695 гг.).
12. Книга Памяти жертв политических репрессий Красноярского края
13. Краткое описание приходов Енисейской епархии, 1916 г.
14. Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. – СПб., 1865 г.

15. Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1920 г.
16. Материалы сайтов Министерства обороны «ОБД Мемориал», «Подвиг народа», «Память народа»
17. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2, издание 1937 .
18. Миллер Г. Ф. Путевые описания Сибири, 1734–1741 гг.:
19. Описание пути от Томска до Енисейска;
20. Описание пути от Енисейска вниз по Енисею;
21. Описание зимнего пути от Енисейска до Красноярска;
22. Описание пути от Томска до Нарыма.
23. Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского Приказа, части 1–4.
24. Памятники Сибирской истории XVIII века, кн. I и II, (1700–1724 гг.), издание 1882–1885 гг.
25. Пестов И. С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831 г.
25. Потапов И. Ф. Енисейская губерния: история в документах и фотографиях, 2008 г.
26. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири, т. 1, 1838 г., т. 2, 1844 г.
27. Спафарий Н. Г. (Николае Милеску-Спэтару). Путешествие в Китай, ч. I. Книга, а в ней описано путешествие через Сибирь от города Тобольска до самой границы с Китаем, 1675 г.
28. Список населённых мест Енисейской губернии, 1859 г.
29. Список населённых мест Енисейской губернии и Урянхайского края, 1916-19 гг.
30. Статистическое описание Сибири, 1810 г.
31. Степанов А. П. Описание Енисейской губернии, СПб, 1835 г.
32. Титов А. А. Сибирь в XVII веке (сборник старинных русских статей о Сибири и прилегающих к ней землям), 1890 г.
33. Щеглов И. В. Хронология Истории Сибири, 1882 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

1. Роспись крестьянских коней Енисейского уезда, 1639 и 1647 гг., РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 214. Оп. 3. Ст. 7 и ст. 274.
2. Строельные книги острогов г. Енисейска и уезда, 1666 г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 528.
3. Переписная книга служилых, посадских людей и пашенных крестьян Енисейского уезда, 1669 г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 527.
4. Дозорная книга Енисейского уезда, 1673 г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 580.
5. Опись Енисейских монастырей, 1678 г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 403.
6. Книги пашенных крестьян Енисейского уезда 1654–1712 гг. РГАДА. Ф. 214.
7. Крестоприводные книги Енисейского уезда, 1682 и 1684 гг. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 817 и 605.
8. Переписная книга Енисейского уезда, 1691 г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1419.
9. Окладные книги и городовые списки Енисейского уезда, 1666–1703 гг. РГАДА. Ф. 214.
10. Сметные книги сибирских городов (есть описи укреплений), 1702 г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1354.
11. О взыскании с крестьян Енисейского уезда Маковского острога и села Большой Елани за недоимку холстов, пеньки и смолы, 1709 г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1620.
12. Переписная книга Енисейского уезда, 1710 г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1921.
13. Наказная память стольнику Григорию Ларионовичу Смирному, назначенному воеводой в Маковский и другие остроги, 1711 г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2120.

14. Книга переписная церковнослужителей г. Енисейска и Енисейского уезда, 1714 г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 739.
15. Переписная книга Енисейского уезда, 1719 г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1614.
16. Ревизские сказки Енисейского уезда, 1722 г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1627.
17. Дело по донесению фискала Енисейского города Кирилла Оксёнова на архимандрита Спасского монастыря того же города Даниила (фактически об игумене Лосиноборского Преображенского монастыря Гаврииле Попове), 1719–1724 гг. Тобольский архив. Ф. 156. Оп. 1. Д. 4.
18. О переписи в Сибири церковнослужителей и их детей для положения в подушный оклад и приведения к присяге, 1737–1738 гг. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1/8. Д. 87/5221.
19. Дело о скорейшей достройке дощаников и лодок в Маковском остроге, 1741 г., РГАДА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 80.
20. Об уплате денег крестьянам и прочим людям за прочистку дороги и починку мостов по Маковскому волоку, 1741 г. РГАДА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 83.
21. Книга выбылого населения Енисейского уезда после 1-й Ревизии, 1748 г. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2, Д. 957.
22. Рапорты духовных правлений о получении Указа Тобольской духовной консистории о розыске у священно и церковнослужителей или прихожан церковных книг, напечатанных в Киево-Печерской типографии, с известным титулом (правителей России Анны Леопольдовны и Иоанна Антоновича). Подписи священников и прихожан разных заказов и приходов о том, что у них таких книг не имеется, 1754 г. Тобольский архив. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1605.

23. Ведомость о переводе священнослужителей Тобольской епархии из одной церкви в другую. Реестры о производстве церковнослужителей в дьяконы, дьяконов в священники. Об определении детей священно и церковнослужителей в причетники, 1755 г. Тобольский архив. Ф. 156. Оп. 1. Д. 2035.
24. Дело по доношению Енисейского духовного правления о постройке вместо сгоревших и обветшалых церквей новых: в Маковском остроге Покровской церкви, в Марковом городище Спасской церкви, в селе Михалёвском Николаевской церкви, 1758 г. Тобольский архив. Ф. 156. Оп. 1. Д. 2565.
25. Ревизские сказки монастырских крестьян Енисейского уезда, 1762–1763 гг. РГАДА. Ф. 280. Оп. 4. Д. 2659.
26. Дело по Указу Тобольской духовной консистории о предоставлении сведений о церквях, священно и церковнослужителях разных заказов (духовных правлений). Ведомости духовных правлений за 1772 год. Тобольский архив Ф. 156. Оп. 2. Д. 2857.
27. Доношения духовных правлений с экстрактами из духовных росписей, 1773–1784 гг. Тобольский архив. Ф. 156. Оп. 3. Д. 1.
28. Материалы Енисейского духовного правления в Тобольском архиве.
29. Ревизские сказки крестьян Енисейского уезда, 1782 и 1795 годов. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. 909. Оп. 1. Дела 7, 9, 11.
30. Ревизские сказки ясашных инородцев Енисейского уезда, 1784 г. ГАКК.
31. Ревизские сказки Ишимского, Омского, Красноярского, Енисейского духовных правлений, 1782 год. Тобольский архив. Ф. 156. Оп. 3. Д. 2583.
32. Ведомости о церквях Тобольской епархии, священно

- и церковнослужителях и их детях, 1787–1793 гг. Тобольский архив. Ф. 156. Оп. 7. Д. 128.
33. Исповедные и духовные росписи Маковской Покровской церкви, 1789–1861 гг. ГАКК. Ф. 819. Оп. 1.
  34. О мещанах, занимающихся одним только хлебопашеством, поселяясь на казённых землях и о тех кои по наймам находятся в работах, 1791 г. Тобольский архив. Ф. 341. Оп. 1. Д. 114.
  35. Карта р. Кети, 1797 г., указаны «плотбища», Российская государственная библиотека, г. Москва.
  36. О постройке деревянной церкви взамен сгоревшей в Маковском остроге, 1795–1798 гг. ГАКК. Ф. 812. Оп. 1. Д. 12.
  37. О ремонте и переносе на удобное место колокольни с. Маковского Покровской церкви, 1819 г. ГАКК. Ф. 812. Оп. 1. Д. 536.
  38. Исповедные росписи Маковской Покровской церкви (вместе с Метрическими книгами), 1796–1837 гг. ГАКК. Ф. 819. Оп. 1. Д. 88.
  39. Метрические книги Маковской Покровской церкви, 1789–1919 гг. ГАКК и Енисейский городской архив.
  40. Материалы 1836–1864 гг. о постройке ныне существующей Маковской Покровской церкви. Томский областной архив. Ф. 170. Оп. 11. ДД. 308 и 1057.
  41. Метрические книги Яланской Сретенской церкви, 1802–1850 гг. и 1871–1920 гг. ГАКК и Енисейский городской архив.
  42. Исповедные росписи Яланской церкви, 18–19 века. ГАКК.
  43. Рапорты духовных правлений об избрании церковных старост, 1811 г. Тобольский архив. Ф. 156. Оп. 7. Д. 40.
  44. Ведомости об учителях и учениках Тобольской

- духовной семинарии за 1813 год. Тобольский архив. Ф. 156. Оп. 7. Д. 999.
45. Ревизские сказки священно и церковнослужителей Маковской Покровской церкви с 5-й по 10-ю Ревизии). ГАКК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 142.
  46. Описание имущества Маковской Покровской церкви, 1820 г. и 1846 г. ГАКК. Ф. 819. Оп. 1. Д. 148 и 265.
  47. Ревизские сказки крестьян Яланской волости, 1850 и 1857 гг. ГАКК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 396 и 558.
  48. Ревизские сказки на поселенцев Яланской волости, 1850 и 1858 гг. ГАКК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 386 и 635.
  49. Ревизские сказки на мещан г. Енисейска, 1853 г. ГАКК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 549.
  50. Книга обывательская г. Енисейска, 1854 г. ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2.
  51. Сведения о поездке Епископа Никодима по обозрению церквей Енисейского и других уездов, 1864 г. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 580.
  52. Клировые ведомости Маковской Покровской церкви), 1866 и 1886 гг., ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 714–716, 736–738.
  53. Памятная книга Маковской Покровской церкви, 1862–1896 гг. ГАКК. Ф. 819. Оп. 1. Д. 649.
  54. Списки ссыльных Яланской волости, 1870–1880 гг. ГАКК. Ф. 675. Оп. 1. Д. 8.
  55. Дневники протоиерея В. Д. Касьянова, 1870–1897 гг. Красноярская краевая библиотека.
  56. Путевой журнал Епископа Антония по обозрению церквей Красноярского, Енисейского и Ачинского округов, 1879. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 1621.
  57. Дело о наделе землёю церковнослужителей Покровской церкви села Маковского, 1879 г. ГАКК. Ф. 595. Оп. 54. Д. 388.
  58. Метрическая книга католического костёла г. Красноярска, 1883 г. ГАКК. Ф. 2453. Оп. 1, Д. 1.

59. Маковская церковно-приходская школа. Дело о проведении экзаменов, 1896–1897 гг. ГАКК. Ф. 804. Оп. 1. Д. 40.
60. Страховые ведомости частных строений Яланской волости, 1895–1898 гг. ГАКК. Ф. 595. Оп. 28. Д. 1199.
61. Переписные листы для городского населения г. Енисейска, 1897 г. ГАКК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 7.
62. Енисейские епархиальные ведомости, №№ 8 и 10, 1908 г., №№ 2, 12, 15, 19, 1909 г., Красноярская краевая библиотека.
63. Картотека на раненых, погибших, умерших и попавших в плен воинах, 1914–1918 гг., Центр хранения страхового фонда, г. Ялуторовск.
64. Списки плательщиков сельхозналога по Яланской волости, 1922–1923 гг. ГАКК. Ф. Р-436. Оп. 1. Д. 6.
65. Материалы о закрытии Маковской Покровской церкви, о бедняках и кулаках села Маковского, о ссылке в Маковское зажиточных крестьян, 1930–1931 гг. Енисейский районный архив.
66. Похозяйственные книги Маковского сельского Совета за 1935–1939 гг., Енисейский районный архив

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	9
ОСНОВАНИЕ МАКОВСКОГО ОСТРОГА. ТАК НАЧИНАЛАСЬ ИСТОРИЯ ЕНИСЕЙСКА И КРАСНОЯРСКА.....	19
ОПИСАНИЯ ОСТРОГА И СЕЛА В ДОКУМЕНТАХ XVII–XIX ВЕКОВ.....	26
МАКОВСКИЙ ВОЛОК – «ПУПОВИНА» СИБИРИ.....	32
О РЕКЕ КЕТИ.....	45
СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ.....	59
ОБЪ-ЕНИСЕЙСКИЙ ИЛИ КЕТЬ-КАССКИЙ КАНАЛ.....	65
ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА.....	73
МАКОВСКИЕ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ.....	76
НАЗВАНИЯ НАШИХ МЕСТ.....	83
ПОСТРОЙКИ МАКОВСКОГО.....	88
МАКОВСКОЕ СТАРОЖИЛЬЧЕСКОЕ «ГОВОРЬЁ»....	101
ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ.....	110
СТАРИННЫЕ ПРАЗДНИКИ.....	118

КТО БЫВАЛ В МАКОВСКОМ.....	123
МЕСТО ССЫЛКИ И РЕПРЕССИЙ.....	134
СОСЛОВИЯ МАКОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ.....	148
<i>ЯСАЧНЫЕ</i>	148
<i>ДВОРЯНСТВО</i>	153
<i>ЛИЧНЫЕ ПОЧЁТНЫЕ ГРАЖДАНЕ</i>	154
<i>ЧЁРНОЕ ДУХОВЕНСТВО</i>	154
<i>БЕЛОЕ ДУХОВЕНСТВО</i>	155
<i>КУПЕЧЕСТВО</i>	163
<i>РАЗНОЧИНЦЫ</i>	164
<i>ПОСАДСКИЕ ЛЮДИ И МЕЩАНЕ</i>	165
<i>ЦЕХОВЫЕ</i>	168
<i>КРЕСТЬЯНЕ</i>	168
<i>МОНАСТЫРСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ</i>	172
<i>ВКЛАДЧИКИ МОНАСТЫРЯ</i>	173
<i>КРЕСТЬЯНЕ</i>	
<i>ПЕРЕД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЕЙ</i>	174
<i>СОЛДАТЫ</i>	175
<i>ГУЛЯЩИЕ ЛЮДИ</i>	177
<i>ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЛЮДИ</i>	178

<i>ВОИНСКОЕ СОСЛОВИЕ.....</i>	<i>178</i>
<i>БЕЛОМЕСТНЫЕ КАЗАКИ.....</i>	<i>179</i>
<i>ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЫ.....</i>	<i>181</i>
<i>ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.....</i>	<i>181</i>
<i>МЕЖСОСЛОВНЫЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ.....</i>	<i>183</i>
<i>МЕЖПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ..</i>	<i>185</i>
<i>МАКОВСКИЕ ФАМИЛИИ.....</i>	<i>189</i>
<i>НАШИ ИЗВЕСТНЫЕ ЗЕМЛЯКИ.....</i>	<i>219</i>
<i>МАКОВСКАЯ ПОКРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ.....</i>	<i>228</i>
<i>СТРОИТЕЛЬСТВО ПРАВОСЛАВНЫХ</i>	
<i>ХРАМОВ В СИБИРИ.....</i>	<i>229</i>
<i>О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЦЕРКВЕЙ</i>	
<i>В МАКОВСКОМ.....</i>	<i>233</i>
<i>СТРОИТЕЛЬСТВО ЦЕРКВИ В 1795–1798 гг. ...</i>	<i>235</i>
<i>СТРОИТЕЛЬСТВО НЫНЕ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ</i>	
<i>ЦЕРКВИ.....</i>	<i>240</i>
<i>ОПИСАНИЕ НОВОПОСТРОЕННОЙ</i>	
<i>ЦЕРКВИ.....</i>	<i>254</i>
<i>О ПОСЕЩЕНИИ СВЯЩЕННИКАМИ</i>	
<i>ПРИХОДА.....</i>	<i>262</i>

<i>ПАМЯТНАЯ КНИГА МАКОВСКОЙ</i>	
<i>ПОКРОВСКОЙ ЦЕРКВИ КАК ЛЕТОПИСЬ</i>	
<i>СЕЛА МАКОВСКОГО.....</i>	<i>265</i>
<i>О ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННЫХ (ЦАРСКИХ)</i>	
<i>ДНЯХ В МАКОВСКОЙ ЦЕРКВИ.....</i>	<i>269</i>
<i>ЗАКРЫТИЕ ЦЕРКВИ.....</i>	<i>271</i>
<i>МУЗЕЙНЫЕ ЭКСПОНАТЫ</i>	
<i>ИЗ МАКОВСКОЙ ЦЕРКВИ.....</i>	<i>275</i>
<i>ШКОЛА.....</i>	<i>277</i>
<i>ЛОСИНОБОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ.....</i>	<i>281</i>
<i>ПЕРВАЯ МИРОВАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНЫ....</i>	<i>298</i>
<i>КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И КОЛХОЗНАЯ ЖИЗНЬ...302</i>	
<i>ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА.....</i>	<i>310</i>
<i>ПОСЛЕСЛОВИЕ.....</i>	<i>322</i>
<i>СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ</i>	
<i>И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ.....</i>	<i>324</i>
<i>СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ</i>	
<i>ДОКУМЕНТОВ.....</i>	<i>326</i>

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ МАКСИМОВ

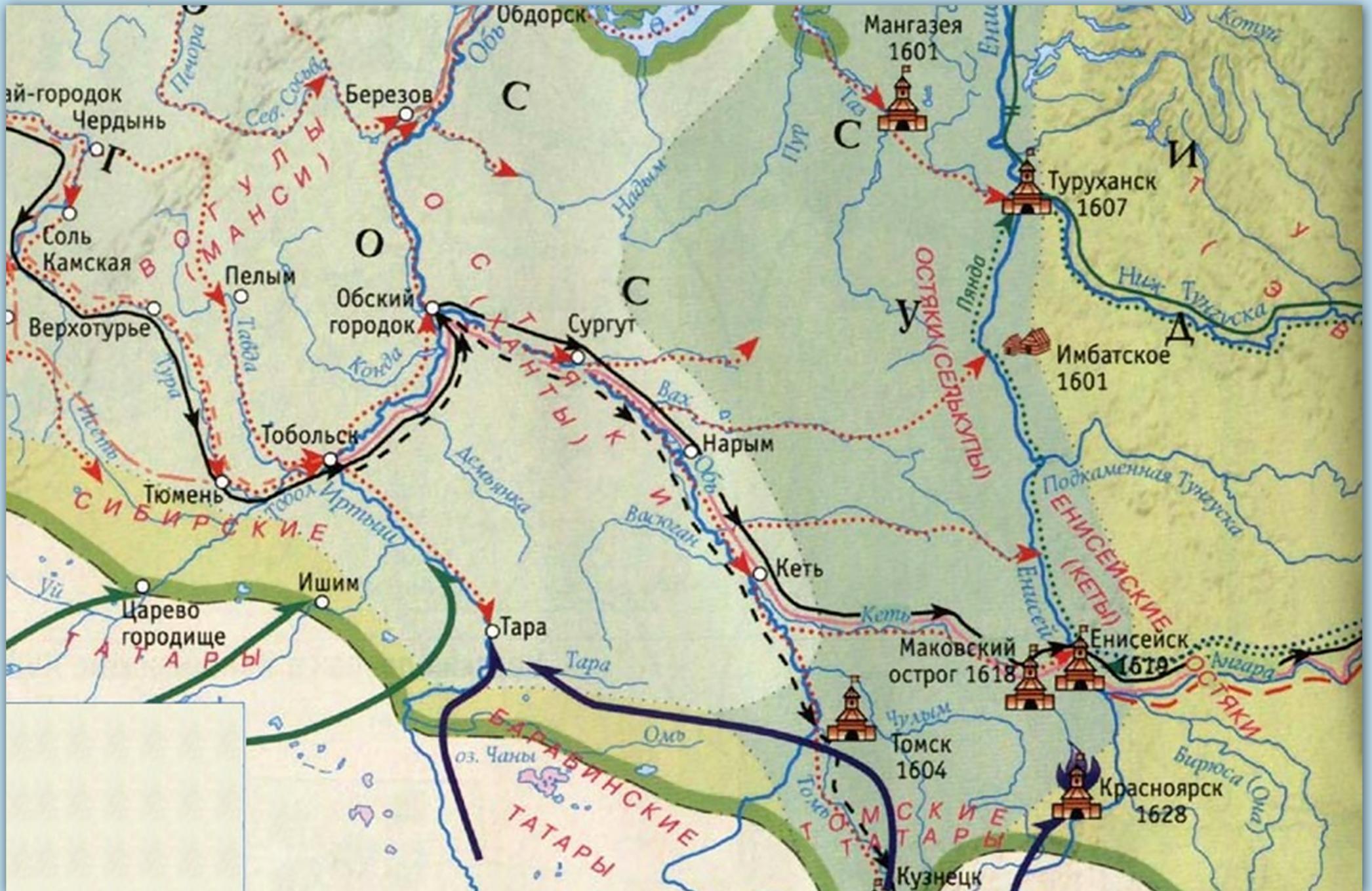
МАКОВСКИЙ ОСТРОГ – 400 ЛЕТ

С НЕГО НАЧИНАЛАСЬ
ИСТОРИЯ ЕНИСЕЙСКА
И КРАСНОЯРСКА

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ

Подписано в печать 12.04.18.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Тираж 200 экз Заказ № 171.
Цена свободная.

Отпечатано
РПБ «Амальгама»
т. 221-86-27, 221-84-75
660049, Красноярск, ул. Дубровинского, 112
e-mail: amalgama2007@mail.ru

Фрагмент современной карты Сибири с наложением на неё основных путей передвижения в 17 веке и дат основания большинства сибирских городов и острогов

Автор историко-краеведческого исследования «Маковский острог – 400 лет. С него начиналась история Енисейска и Красноярска» Виктор Сергеевич Максимов родился 4 октября 1948 года в селе Маковском Енисейского района.

После окончания института работал в Тобольске, затем переехал в город Тюмень, с которым и связал свою жизнь.

Краеведением и родословием родных маковских мест начал заниматься в 2011 году.

Написал и издал книги «Маковская сторона» – об основании и жизни Маковского острога, «Маковская сторона. Православие» – о Маковской Покровской церкви и Лосиноборском монастыре, «Маковская сторона. Родословная летопись», которая является второй частью краеведческо-родословного исследования «Маковская сторона», в книге обобщены собранные за четыре года архивные материалы по родословию всех маковских старожильческих фамилий с середины 17 века до 1939 года. Это, по существу, общая Родословная книга всего населения Маковского острога и села Маковского с деревнями Ворожейка, Лосиноборское, Филиппова, Калинина (она же Полухина, а первоначально Гладкощёкова), Бармино зимовьё (она же деревня Антонова), Рыбная.

По материалам этой книги любой потомок маковских старожил может составить своё родословное древо с середины 17 века до наших дней.

Обобщив и значительно дополнив новыми материалами предыдущие книги, к юбилею села подготовил книгу о 400-летней истории села Маковского, которая и представлена на суд читателей.